

МАС Т ЕРА
ОС Т РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ Е КТИВА

УИЛЬЯМ
АЙРИШ

Леди-
ПРИЗРАК

Уильям Айриш
Леди-призрак
М.: Центрполиграф, 1999

Содержание:

- Уильям Айриш. Леди-призрак (роман, перевод В. Сандомирской), стр. 3-284
- Уильям Айриш. Я вышла замуж за покойника (роман, перевод В. Михайлова), стр. 285-471
- Послесловие, стр. 472-474
- Библиография произведений, стр. 475-476

Уияльм Айриш

Леди-призрак

Я не отвечу и не возвращусь.

Джон Ингам

Глава 1
Сто пятьдесят дней до казни
Шесть часов вечера

Ночь была молода, и он тоже. Но ночь дышала сладостью, а его переполняла горечь.

Своим мрачным видом он уже издали привлекал внимание: лицо пылало от еле сдерживаемого гнева, который может долгими часами тлеть внутри, не находя исхода. Кроме того, ему было досадно, что его настроение так не соответствует всему окружающему. Он чувствовал себя словно музыкант, взявший фальшивую ноту в слаженном оркестре.

Стоял майский вечер. Это был час свиданий, тот час, когда мужская половина жителей города, которым еще не исполнилось тридцати, старательно зачесав волосы и пополнив бумажники, небрежно прогуливается в заранее условленном месте. А другая половина жителей города — тоже до тридцати — пудрит нос, надевает что-нибудь особенное и весело спешит к условленному месту. И повсюду, куда ни глянь, встречаются эти две половины. На каждом перекрестке, в каждом ресторане и в каждом баре, около аптек, и в холлах отелей, и под часами ювелирных магазинов, и в самых невероятных местах — словно опасаясь, как бы кто-нибудь другой не опередил их. И повсюду звучат одни и те же слова, старые как мир и никогда не устаревающие.

— А вот и я! Давно ждешь?

— Как ты замечательно выглядишь. Куда пойдешь?

Вот такой выдался вечер. Небо на западе было ярко-красным, словно оно тоже нарядилось и нарумянилось перед свиданием и надело к вечернему платью бриллиантовые серьги-звезды. Неоновые огни мерцали в витринах и, поддавшись общему настроению, словно заигрывали с прохожими. Весело перекликались гудки автомобилей: все в этот час куда-то спешили. Даже воздух слегка опьянял и покалывал язык, как шампанское, и, стоило потерять бдительность, ударял в голову, а то и задевал сердце.

А он шел тут и портил всю картину своим несчастным видом.

Люди, мимо которых проходил Хендерсон, глядели ему вслед, недоумевая, что же могло привести его в столь мрачное расположение духа. Явно не здоровье: если человек шагает такой упругой походкой, значит, он в превосходной форме. И не стесненные обстоятельства: в его костюме была та дорогостоящая небрежность, которую ни с чем нельзя спутать. И не возраст: если ему уже и исполнилось тридцать, то никак не раньше, чем несколько месяцев назад. И он выглядел бы не в пример лучше, если бы позволил себе расслабиться и перестал хмуриться.

Он шел, глядя себе под ноги, и рот его походил на перевернутую подкову, приклеенную под носом. Пальто он перекинул через руку, и оно раскачивалось в такт шагам. Шляпа была слишком сдвинута на затылок, и, судя по вмятине на ней, молодой человек нахлобучил ее не глядя и не удосужился поправить. А ботинки не высекали искр из асфальта, вероятно, по той единственной причине, что были на каучуковой подошве.

Хендерсон не собирался входить туда, куда в конце концов вошел. Это было ясно по тому, как резко он затормозил перед дверью. Именно затормозил, по-другому не скажешь, казалось, его нога зажата тормозом, который не дает ему двинуться с места. Возможно, он и не заметил бы этого заведения, если бы мерцающая неоновая вывеска не вспыхнула как раз в тот момент, когда он проходил мимо. «Ансельмо» — загорелись буквы, и тротуар под ними окрасился в красно-оранжевый цвет, словно кто-то разлил бутылку кетчупа.

Он повернулся, очевидно повинувшись внезапному порыву, и решительно вошел. Несколько ступенек вниз — и Хендерсон очутился в длинной, с низким потолком комнате — небольшом и в этот час немногочисленном заведении. Глаза отдыхали в приглушенном янтарном свете, идущем откуда-то снизу. Вдоль обеих стен стояли в ряд уютные кабинки со столиками, отделенные друг от друга перегородками. Он оставил их без внимания и направился прямо к полукруглой стойке бара, протянувшейся от задней стены к входу. Хендерсон даже не взглянул, кто находится за стойкой и есть ли там кто-нибудь вообще. Он просто свалил пальто на один табурет, бросил

сверху шляпу, а сам уселся на соседний. Судя по его поведению, он явно собирался провести здесь вечер.

Замызганная белая куртка появилась прямо перед ним, и он услышал голос:

— Добрый вечер, сэр.

— Виски, — сказал он, — и немного воды. И воды, черт возьми, поменьше.

Вода так и осталась нетронутой, в то время как второй стакан быстро опустел.

Усаживаясь, Хендерсон, должно быть подсознательно, краем глаза заметил справа от себя блюдо с солеными крендельками или чем-то еще в этом роде. Не глядя, он протянул к нему руку. Но рука его коснулась не круглой керамической поверхности, а мягкой, слегка вздрогнувшей плоти. Он обернулся и отдернул руку: какая-то женщина опередила его.

— Простите, — проговорил он, — я возьму после вас.

Он отвернулся и вновь предался своим размышлениям. Затем вдруг снова посмотрел на даму. Теперь он смотрел не отрываясь, тем же мрачным, задумчивым взглядом.

Прежде всего привлекала внимание ее шляпа. Она походила на тыкву — не только формой и размером, но и цветом тоже. Она была кричаще оранжевой, такой яркой, что это резало глаз. Казалось, она освещает все помещение бара, словно фонарь, низко висящий на ветке дерева на какой-нибудь вечеринке в саду. Из самого центра шляпы торчало длинное, тонкое петушиное перо, прямое, словно усики насекомого. Может быть, одна женщина из тысячи решила бы надеть шляпу такого цвета. А эта не только решила — ей такая шляпа шла. Она изумляла, притягивала взгляд, но не казалась смешной. Остальная ее одежда, вроде бы черного цвета, совершенно терялась по соседству с этим маяком. Может, эта вещь для нее была символом освобождения. Может, настроение, соответствовавшее ей, выразилось в следующих словах: «Когда эта штука на мне, берегись! Я готова достать до неба!»

Она тем временем грызла сухарик, стараясь не замечать его пристального взгляда. И когда отложила сухарик, это было единственное, чем она дала понять, что заметила: он покинул свое место, подошел к ней и теперь стоял рядом.

Она чуть наклонила голову, словно говоря: «Я не собираюсь останавливать вас, если вы заговорите. А захочу ли я беседовать с вами, зависит от того, что вы собираетесь сказать».

Он заговорил без обиняков:

— Вы чем-нибудь заняты?

— И да и нет.

Ее ответ прозвучал вежливо, но без намека на поощрение. Он ни к чему ее не обязывал. Кем бы она ни была, она держалась великолепно — явно не дешевка.

Но и Хендерсон не проявлял особой назойливости. Он продолжал ровным голосом:

— Если у вас здесь назначена встреча, так и скажите. Я не хотел бы вам мешать.

— Вы мне не мешаете — пока. — Она совершенно ясно давала ему понять: «Я еще ничего не решила».

Он перевел взгляд на часы, висевшие прямо перед ним над стойкой бара.

— Послушайте, сейчас десять минут седьмого, не так ли?

Она в свою очередь посмотрела на часы и безучастно ответила:

— Да.

Он тем временем уже вынул бумажник и извлек из одного из отделений небольшой продолговатый конверт. Затем открыл его и вытряхнул две полоски розового картона.

— Это билеты на представление в «Казино». Прекрасные места в первом ряду у прохода. Хотите пойти со мной?

Она слегка повернулась на табурете:

— Я давно хотела сделать что-нибудь подобное. Пожалуй, я сделаю это сейчас. Когда еще представится случай — по крайней мере, такой удобный случай. — Этими словами она, по видимому, выразила свое согласие.

Он подал ей руку, помогая спуститься с табурета, и сказал:

— Прежде чем отправиться, давайте кое о чем договоримся. Так будет проще потом, когда представление закончится.

— О чем же?

— Мы с вами проведем вместе один вечер — и только. Два человека, которые вместе пообедают и вместе посмотрят шоу. Никаких имен, адресов, никаких ненужных сведений и подробностей. Всего лишь...

Она подхватила:

— Двое людей, которые вместе смотрят шоу, компания на один вечер. Я согласна, что это очень разумно, даже необходимо: я вас понимаю, следовательно, так и решим. Это в значительной степени избавит нас от неловкостей и, может быть, даже от нечаянной лжи.

Женщина протянула ему руку, и они обменялись короткими рукопожатиями. В первый раз за вечер она улыбнулась. У нее была довольно милая улыбка, сдержанная и не слишком слащавая.

Подозвав бармена, он хотел было заплатить за двоих.

— Я уже заплатила за свой коктейль — еще до того, как вы пришли, — сказала она. — Я просто растягивала удовольствие.

Бармен вытащил из кармана куртки небольшой блокнотик, карандашом нацарапал на верхней странице: «1 скотч — 60», оторвал его и положил перед ним.

Он заметил, что страницы были пронумерованы, и увидел в верхнем углу большую жирную цифру «13». Криво усмехнувшись, он вручил бармену листок вместе с необходимой суммой, повернулся и последовал за своей дамой.

Она направилась к выходу. Какая-то девушка, устроившаяся вместе со своим кавалером за одним из столиков у стены, даже слегка подалась вперед, провожая взглядом ослепительную шляпу, которая проплыла мимо. Он шел следом за своей спутницей и поймал этот взгляд.

На улице она выжидающе повернулась к нему:

— Что ж, командуйте.

Он поманил пальцем такси, стоявшее неподалеку. Водитель другой машины, проезжавшей мимо, которому этот знак вовсе не предназначался, хотел было перехватить пассажиров, но первый таксист ринулся в атаку: его машина опередила машину соперника, правда слегка поцарапав и ободрав ей крыло. К тому времени, когда страсти немного улеглись и победитель достаточно остыл, чтобы обратить внимание на пассажиров, женщина уже устроилась в салоне.

Ее спутник задержался на секунду около водителя, чтобы назвать адрес.

— «Мезон Бланш», — сказал он и присоединился к даме.

В салоне горел свет, и они не стали его выключать. Может быть, потому, что полумрак придавал бы всему происходящему оттенок интимности. Им обоим казалось, что сейчас это было бы неуместно.

Тут он услышал ее короткий удовлетворенный смешок. Проследив за направлением ее взгляда, он и сам сдержанно усмехнулся. Фотографии на водительских удостоверениях таксистов редко бывают шедеврами, но эта казалась просто карикатурой — уши, торчащие, словно ручки кастрюли, вдавленный подбородок и вытаращенные глаза. Имя обладателя этих черт было коротким и запоминающимся: Эл Элп.

Он подсознательно отметил это и тут же забыл.

«Мезон Бланш» представлял собой небольшой уютный ресторан, славящийся отменной кухней. В подобных местах даже в самые горячие часы царит благодатная тишина. Ни музыке, ни каким-либо иным раздражителям не позволялось нарушать покой клиентов, искавших здесь уединения.

В вестибюле она задержалась:

— Вы позволите, я отлучусь на минуту и постараюсь стереть следы времени? Не ждите меня, идите за столик, я вас найду.

Когда дверь дамской комнаты распахнулась перед ней, Хендерсон заметил, как женщина коснулась руками шляпы, словно собираясь ее снять. Дверь закрылась, прежде чем она закончила это движение. Ему пришло в голову, что ее вдруг покинула решимость, поэтому, видимо, она и задержалась: хотела снять шляпу, чтобы, входя в зал отдельно от него, меньше привлекать внимания.

Метрдотель приветствовал его у входа.

— Вы один, сэр?

— Нет, у меня заказан столик на двоих. — Он назвал свое имя: — Скотт Хендерсон.

Метрдотель посмотрел в список.

— А, да. — Он взглянул за плечо клиента. — Вы один, мистер Хендерсон?

— Нет, — уклончиво ответил Хендерсон.

В зале оставался лишь один свободный столик. Он стоял в нише стены, и сидящих за ним не могли видеть другие посетители.

Когда она наконец появилась у входа в зал, шляпы на ней не было, и он поразился, насколько шляпа меняла ее лицо. Теперь оно казалось каким-то простоватым. Исчез озарявший его свет; в нем появилось что-то незаконченное, безвольное. Она оказалась самой обыкновенной женщиной в черном, с темно-каштановыми волосами, из тех, что всегда остаются в тени. Ни хорошенькая, ни дурнушка, ни высокая, ни маленькая, одета не слишком шикарно, но и не безвкусно — в общем, ничего собой не представляющая, совсем обычная, бесцветная, типичная средняя представительница своего пола. Пустое место. Набор признаков. Среднестатистическая величина.

Ни один из присутствующих не задержал на ней взгляд дольше обычного, никто не постарался запомнить ее.

Метрдотель, занятый в этот момент сервировкой салата, не мог проводить ее на место. Хендерсон привстал, чтобы привлечь ее внимание, и заметил, что она не направилась к нему прямо через зал, а деликатно пробралась вдоль стены — это был более долгий, но значительно менее заметный путь.

Свою шляпу она несла в вытянутой руке. Затем положила ее на третий, свободный стул за их столиком и прикрыла краем скатерти, возможно, чтобы уберечь от пятен.

— Вы здесь часто бываете? — спросила она.

Он сделал вид, что не слышал вопроса.

— Простите, — мягко проговорила она, — это попадает в раздел «Личные обстоятельства».

У официанта, обслуживающего их столик, на подбородке была родинка. Хендерсон невольно обратил на это внимание.

Он сделал заказ на двоих, не советуясь с ней. Она внимательно слушала и, когда Хендерсон закончил, посмотрела на него с одобрением.

Начать разговор оказалось нелегкой задачей. Набор тем был строго ограничен, и к тому же ей приходилось сражаться с его мрачным настроением. Как и всякий мужчина в подобной ситуации, он предоставил инициативу ей, делая лишь слабые попытки поддерживать беседу. Хотя иногда казалось, будто он ее слушает, большую часть времени его мысли, очевидно, витали где-то далеко. Порой он поворачивал их в нужное русло, делая над собой почти физическое усилие, но лишь тогда, когда его рассеянность становилась настолько заметной, что грозила перейти в открытую грубость.

— Не хотите ли снять перчатки? — вдруг спросил он.

Перчатки были черного цвета, как и вся ее одежда, за исключением шляпы. Они, казалось, не мешали ей, пока они пили коктейль и ели суп, но к рыбе подали ломтик лимона, и она пыталась вилкой выдавить сок.

Она тут же стянула правую перчатку и немного помедлила с левой, словно раздумывая, снять ее или оставить. Наконец, с некоторым вызовом, сняла и ее.

Он старательно избегал смотреть на обручальное кольцо. Он переводил взгляд с одного предмета на другой, будучи уверен, что его спутница все это прекрасно видит.

Она не старалась произвести впечатление, но при это оказалась неплохой собеседницей; умело вела разговор и успешно избегала банальных и неинтересных тем — погоды, газетных новостей, еды, которую им подали.

— Эта сумасшедшая южноамериканская певица, эта Мендоса, на которую мы идем вечером, — когда я впервые видела ее, год назад или что-то около того, у нее почти не было акцента. А теперь, каждый год, как она приезжает сюда на гастроли, она, кажется, все больше забывает английский и с каждым разом говорит все хуже и хуже. Еще один сезон, и она снова будет говорить только по-испански.

Он улыбнулся краешком рта. Она получила хорошее воспитание, это очевидно. Иначе ей вряд ли удалось бы играть ту роль, какую она играла сейчас, и при этом не сбиться в ту или иную сторону. У нее было чувство меры, удерживающее ее на границе приличия и безрассудства. Опять же, если бы она избрала то или другое, она оказалась бы более яркой, более запоминающейся. Не будь она так хорошо воспитана, она казалась бы пикантнее, но вульгарнее и проще. Если бы ее

манеры были более изысканными, она бы просто блистала и тем привлекала бы к себе больше внимания. А такая, какая есть, она казалась незаметной, почти бестелесной.

Когда обед подходил к концу, он заметил, что дама изучает его галстук. Он с недоумением посмотрел тоже.

— Что-то не то? — спросил он.

Галстук был темный, без какого-либо рисунка.

— Нет, сам по себе он вполне хорош, — поспешила уверить его дама. — Только он сюда не подходит, это единственная вещь, которая не вписывается в ваш... простите, я не хотела вас критиковать, — закончила она.

Он еще раз опустил взгляд на галстук, с каким-то беспристрастным любопытством, словно до сих пор он и сам не знал, какой именно галстук надел, и теперь удивился, увидев его. Он засунул краешек носового платка поглубже, чтобы немного смягчить цветовой разницей, которой она отметила.

Хендерсон зажег сигареты — ее и свою, они посидели еще немного, потягивая коньяк, и ушли.

И только в вестибюле, у самого выхода, она наконец снова надела шляпу. И сейчас же лицо ее ожило, она вновь стала личностью. «Удивительно, — снова подумал он, — как шляпа преображает ее. Будто кто-то повернул выключатель и включил свет».

Когда они подъехали к театру, огромный швейцар, ростом не менее шести футов, распахнул перед ними дверцы такси. Глаза его забавно округлились, когда почти прямо под ними проплыла шляпа. Белые усы швейцара походили на моржовые клыки, а сам он очень напоминал театральную картинку из «Ньюйоркер ревью». Взгляд его вытаращенных глаз проследовал справа налево, за шляпой, когда та вместе со своей владелицей вышла из машины и проследовала мимо.

Хендерсон заметил эту мимолетную забавную сценку и тут же забыл ее. Если вообще возможно когда-нибудь что-нибудь забыть.

В фойе театра было совершенно безлюдно; видимо, они сильно опоздали. Даже контролер уже покинул свой пост у дверей. Темный на фоне ярко освещенной сцены силуэт, в котором они признали билетера, встретил их уже внутри и рассмотрел их билеты при свете карманного фонарика. Затем он провел их по проходу, направляя в пол овальное пятно света от фонарика, который держал за спиной.

Их места были в первом ряду. Даже слишком близко. Минуту-другую, пока их глаза не привыкли к такому близкому расстоянию, сцена казалась им оранжевым пятном.

Они терпеливо смотрели ревью. Номера плавно перетекали один в другой, наплывали друг на друга, словно кадры в кино. Время от времени она улыбалась, иногда от души смеялась. Хендерсон оказался способен самое большее на натянутую, словно по обязанности, улыбку. Шум, блеск, сверкающие краски достигли наивысшей точки, наконец занавес опустился и первое отделение закончилось.

Зажегся верхний свет, и все вокруг пришло в движение, люди поднимались, выходили в фойе.

— Хотите пойти покурить? — спросил он.

— Давайте останемся на месте. Мы ведь просидели не так долго, как другие. — Она поплотнее запахнула воротник пальто. В театре было уже душно, так что, заключил он, она сделала это, чтобы как можно надежнее укрыться от посторонних взглядов.

— Вы заметили знакомое имя? — вдруг спросила она шепотом, улыбаясь.

Он посмотрел вниз и обнаружил, что его пальцы старательно загибают правый верхний угол на всех листках программки, от первого до последнего. Теперь все они были загнуты, образуя аккуратные треугольнички, отогнутые назад, вложенные друг в друга.

— Я всегда так делаю, эта дурацкая привычка у меня уже много лет. Вроде как рисовать чертиков. Я и сам этого не замечаю.

Люк на сцене открылся, и музыканты начали заполнять оркестровую яму перед вторым отделением. Ближе всего к публике, прямо у перегородки, отделявшей зрительный зал, оказался ударник. Он был похож на грызуна и выглядел так, словно последние десять лет не бывал на свежем воздухе. Кожа туго обтягивала скулы, прилизанные волосы так блестели, что казалось, он надел купальную шапочку с белым швом посередине. Тонкая ниточка усов над верхней губой больше походила на полоску грязи.

Сначала он не смотрел в зрительный зал, а старательно устанавливал свой стул, подправляя то одно, то другое в своем инструменте. Закончив, он лениво повернулся и сразу же обнаружил эту женщину и ее шляпу.

Казалось, он был потрясен. Его плоское, равнодушное лицо застыло, словно под гипнозом. Он даже, как рыба, слегка приоткрыл рот, да так и не закрыл его. Он изо всех сил пытался не смотреть на женщину, но она занимала его мысли, он не мог долго смотреть в другую сторону, его взгляд упорно возвращался к ней.

Некоторое время Хендерсон наблюдал за этой сценой с рассеянным любопытством. Наконец он заметил, что это начинает по-настоящему раздражать его спутницу, и быстро положил этому конец, бросив на парня такой испепеляющий взгляд, что тот тотчас же повернулся к своему инструменту, на этот раз окончательно. И все же по тому, как неестественно, напряженно держал он шею, было совершенно ясно, что, даже отвернувшись, он все еще думает о ней.

— Кажется, я произвела впечатление, — хихикнув, прошептала она.

— Лучший ударник погиб на этот вечер, — согласился он.

Тем временем публика вновь заполнила зал. Свет погас, сцена озарилась, началось вступление к второму действию. Он рассеянно разглаживал загнутые страницы программки.

Вступление закончилось оглушительным крещендо, и собственный оркестр «Казино» положил инструменты. Под экзотический аккомпанемент рокочущих тамтамов и грохот высушенных тыков на сцене появилась звезда сегодняшнего представления, сенсация из Южной Америки Эстела Мендоса.

Он не успел сообразить, в чем дело, когда его спутница подтолкнула его локтем. Он недоумевающе посмотрел на нее, потом опять на сцену.

Обе женщины мгновенно обнаружили ужасный факт, все еще ускользавший от его замедленного мужского восприятия. Он услышал таинственный шепот:

— Вы только посмотрите на ее лицо. Хорошо, что нас разделяет рампа. Она готова меня убить.

В черных выразительных глазах певицы, над ее ослепительной улыбкой действительно вспыхнул недобрый огонек, когда ее взгляд упал на точную копию ее собственной шляпы, красовавшуюся на голове спутницы Хендерсона в самом первом ряду, где ее никак нельзя было не заметить.

— Теперь я понимаю, откуда взялась идея этой моей шляпы, — уныло пробормотала она.

— Стоит ли огорчаться? Я думаю, ей это должно льстить.

— Мужчинам бесполезно объяснять. Берите мои драгоценности, мои золотые пломбы, но не трогайте мою шляпу. И более того, в данном случае это часть ее представления, ее марка. Вероятно, кто-то тайком скопировал модель, вряд ли она бы позволила...

— Я бы назвал это плагиатом. — Он смотрел на сцену с возросшим интересом, почти забыв о своих проблемах.

Ее искусство было очень простым, каким всегда бывает истинное искусство, а иногда и то, что только называют искусством. Она пела по-испански, но, и не зная этого языка, можно было понять, что в словах песенки очень мало смысла. Что-то вроде:

Чика-чика, бум-бум,

Чика-чика, бум-бум.

И снова, и снова. При этом она стреляла глазами из стороны в сторону, покачивала бедрами при каждом шаге и бросала женщинам в зрительный зал букетики цветов из плоской корзинки, которую держала сбоку.

К тому времени как она дважды повторила припев своей песенки, все женщины в первых двух-трех рядах получили от нее такой букетик. Все, за исключением спутницы Хендерсона.

— Она специально пропустила меня, чтобы расквитаться за шляпу, — понимающе прошептала она.

И в самом деле, каждый раз, когда артистка, двигаясь в ритме танца, постукивая каблуками, приближалась к тому месту, где они сидели, и пылающий взгляд обращался на них, в глазах ее, казалось, сверкала молния.

— Посмотрите, что сейчас будет, — прошептала дама ему на ухо.

Она стиснула руки и умоляюще прижала их к груди.

Певица оставила намек без внимания.

Тогда она немного вытянула руки перед собой, как бы подчеркивая свою просьбу.

Певица на мгновение сощурилась, затем отвела взгляд.

Неожиданно Хендерсон услышал, как его спутница щелкнула пальцами. Резкий щелчок, даже музыка не заглушила его. Глаза артистки вновь повернулись к ней, пылая безумной яростью. Еще один цветок появился из корзины и пролетел по воздуху — но опять не к ней.

— Я не умею достойно проигрывать, — услышал он ее упрямый шепот. Прежде чем он понял, что она хотела сказать, женщина вскочила с ногами на сиденье и уже стояла, блаженно улыбаясь, привлекая к себе всеобщее внимание.

На какое-то мгновение ситуация казалась безвыходной. Но шансы были слишком неравными. Певица, несмотря на свой успех и популярность, полностью зависела от капризов публики, ей любой ценой надо было сохранить привлекательность и очарование в глазах остальных зрителей.

Кроме того, то, что спутница Хендерсона теперь возвышалась над залом, вызвало еще один, непредвиденный эффект. Когда певица своей вихляющей походкой медленно двинулась обратно, косой луч прожектора, послушно следуя за ней, выхватил из темноты голову и плечи одинокой фигуры, торчащей около оркестровой ямы. В результате полное сходство обеих шляп тут же привлекло внимание всех присутствующих. По залу, как рябь по поверхности воды, пробежала волна заинтересованного шепота.

Певица сдалась, причем сдалась довольно быстро, — и, чтобы положить конец этому возмутительному происшествию, уступила нахамке. Добытый путем шантажа цветок, описав изящную кривую, пролетел над рампой. Она исправила свое упущение, соорудив насмешливую гримаску, словно желая сказать: «Неужели я проглядела вас? Простите, я не хотела».

Однако при этом лицо ее заметно побледнело от бешеного гнева, свойственного уроженцам Юга.

Спутница Хендерсона ловко поймала букет и опустилась на свое место, пробормотав будто бы слова благодарности. Но он-то расслышал, что на самом деле она прошипела:

— Спасибо, латиноамериканская вонючка!

Он чуть не поперхнулся.

Побежденная певица, спазматически подергиваясь, медленно ушла за кулисы. Музыка постепенно затихла, как стук колес удаляющегося поезда.

В зале гремели аплодисменты, а за кулисами перед ними промелькнула короткая, но весьма выразительная сцена. Пара мужских рук, скорее всего принадлежавших помощнику режиссера, крепко удерживали певицу, которая порывалась вновь выйти на сцену. Очевидно, не только за тем, чтобы раскланяться. Она не могла пошевелить руками, стиснутыми в его медвежьих объятиях, и только мстительно потрясала сжатыми кулаками. Затем свет на сцене погас, и начался следующий номер.

Когда занавес опустился в последний раз и они поднялись, чтобы уйти, он сунул свою программку в ящик для мусора.

К его удивлению, она наклонилась за ней, подняла и положила в сумочку вместе со своей.

— Просто на память, — объяснила она.

— Я не думал, что вы сентиментальны, — сказал он, медленно двигаясь за своей спутницей по заполненному людьми проходу.

— Не сентиментальна, строго говоря. Просто... я люблю иногда дать волю своей импульсивности, а такие вещи помогают.

Импульсивность? Может быть, поэтому сегодня вечером она приняла приглашение человека, которого увидела впервые в жизни? Он пожал плечами — если не на самом деле, то мысленно.

Когда они с трудом пробирались сквозь толпу, образовавшуюся у выхода, к стоянке такси, произошел небольшой, но неприятный инцидент. Они уже подозвали машину, но не успели сесть в нее, как откуда-то появился слепой нищий, отиравшийся поблизости. С немой мольбой он протягивал ей свою кружку. Каким-то образом зажженная сигарета, которую она держала, выпала из ее пальцев: видно, то ли сам нищий, то ли какой-то прохожий толкнул ее. Сигарета упала в кружку. Хендерсон заметил это, а она нет. Прежде чем он успел что-либо сделать, несчастный доверчиво сунул в кружку пальцы и тут же, обжегшись, отдернул их.

Хендерсон мгновенно сам вытряхнул золу и, чтобы поправить дело, сунул нищему в руку долларовую бумажку.

— Извини, приятель, это не нарочно, — пробормотал он.

Затем, заметив, что нищий все еще жалостливо дует на обожженный палец, он добавил к первой бумажке еще одну — просто потому, что все это легко можно было принять за злую шутку, а он по лицу своей дамы видел, что она вовсе этого не хотела.

Он посадил женщину в такси, и они уехали.

— Трогательная сцена, — вот и все, что она сказала.

Он еще не дал водителю адреса.

— Который час? — спросила она вдруг.

— Примерно четверть двенадцатого.

— А что, если мы опять вернемся в «Ансельмо», где мы встретились? Мы немного выпьем и там расстанемся. Вы пойдете своей дорогой, а я своей. Я люблю завершать круг.

«Обычно круг бывает пуст в середине», — подумалось ему, но сказать это вслух было бы невежливым, и он промолчал.

В баре теперь было гораздо более многолюдно, чем в шесть часов. И все же ему удалось раздобыть для нее табурет в дальнем углу бара, у самой стены. Сам он стоял рядом.

— Ну, — сказала она, приподняв бокал над стойкой и задумчиво разглядывая его, — привет и пока. Было приятно познакомиться с вами.

— Вы очень любезны.

Они выпили. Он осушил свой стакан полностью, она лишь отпила глоток.

— Я еще посижу здесь, — рассеянно сказала она и протянула ему руку.

— Прощайте, и всего вам хорошего.

Они обменялись короткими рукопожатиями, как малознакомые люди. Когда он уже хотел повернуться и уйти, женщина посмотрела на него прищурившись, словно ей вдруг пришла в голову какая-то мысль.

— Ну а теперь, когда вы сделали, что хотели, почему бы вам не пойти и не помириться с ней?

Он слегка удивленно посмотрел на нее.

— Я все поняла с самого начала, — сказала она тихо.

На этом они расстались. Он направился к двери, она повернулась к своему стакану. Эпизод закончился.

Дойдя до выхода, он обернулся. Женщина сидела на том же месте, прислонившись к стене в конце полукруглой стойки, задумчиво глядя вниз, возможно поигрывая бокалом. Ее яркая оранжевая шляпа виднелась в просвете между чьими-то плечами.

Это было последнее, что он запомнил: ярко-оранжевая шляпа, по мере того как он уходил, пятном расплывавшаяся в сигаретном дыме, как сон, как фантастическая сцена, которая никогда не была реальностью.

Глава 2

Сто пятьдесят дней до казни

Полночь

Десятью минутами позже, миновав всего восемь кварталов, выстроившихся в линию — точнее, в две линии: семь кварталов прямо и один — налево, — он вышел из такси у многоквартирного дома на углу.

Заплатив водителю, Хендерсон сунул сдачу в карман, открыл своим ключом входную дверь и вошел.

Какой-то человек слонялся внизу, кого-то поджидая. Он бесцельно бродил туда-сюда, из стороны в сторону, как всякий, вынужденный ждать в вестибюле. Он не принадлежал к числу жильцов этого дома, так как Хендерсон никогда прежде его не видел. Незнакомец не вызвал лифт, чтобы подняться наверх, так как лампочка вызова не горела; кабина стояла без движения где-то наверху.

Хендерсон прошел мимо, не разглядывая его, и нажал кнопку вызова.

Незнакомец обнаружил на стене картину и теперь разглядывал ее с интересом, которого она явно не заслуживала. Он стоял спиной к Хендерсону и старательно делал вид, что вообще не замечает, будто кто-то еще находится в вестибюле. При этом он немного переигрывал.

У него, должно быть, совесть нечиста, решил Хендерсон. Эта картина вовсе не стоит такого пристального внимания. Должно быть, он кого-то ждет, чтобы выйти вместе, и знает, что не имеет на это права.

«Черт возьми, — подумал Хендерсон, — какое мне-то до этого дело, чего ради я размышляю об этом?»

Лифт опустился, и он вошел в кабину. Тяжелая бронзовая дверь, качнувшись, закрылась за ним. Большим пальцем он нажал кнопку шестого этажа, верхнюю на панели. Он смотрел через маленький стеклянный глазок в двери кабины, как проваливается вниз вестибюль. Прежде чем он совсем пропал из виду, Хендерсон заметил, что созерцатель картины, которому, очевидно, наскучило долгое ожидание, наконец оторвался от стены и шагнул к распределительному щиту. Обычная сценка, не имеющая к нему никакого отношения.

Он вышел на шестом этаже и нащупал в кармане ключ. В холле было тихо, ниоткуда не доносилось ни звука, только тихонько звякала мелочь в кармане, пока он искал ключ.

Хендерсон вставил ключ в дверь своей квартиры, направо от лифта, и открыл ее.

Свет был включен, и по ту сторону двери царил темнота. Обнаружив это, он почему-то презрительно и недоверчиво хмыкнул.

Хендерсон щелкнул выключателем, и из темноты возникла маленькая уютная прихожая. Но освещенной оказалась только эта часть квартиры, а дальше, за изогнутым аркой дверным проемом, была все та же непроницаемая темнота.

Он закрыл за собой дверь, бросил на стул в прихожей пальто и шляпу. Молчание и крошечная темнота, казалось, раздражали его. Его лицо опять стало угрюмым, таким же, как и на улице, в шесть часов.

Он выкрикнул имя, выкрикнул его в темноту, царившую за таинственной аркой проема:

— Марселла!

Крикнул повелительно и не слишком дружелюбно.

Темнота не отвечала.

Он вошел, продолжая говорить тем же суровым, требовательным тоном:

— Ладно, прекрати! Ты же не спишь, кого ты пытаешься обмануть? Я с улицы только что видел свет в окне твоей спальни. Поднимайся, так мы ни к чему не придем!

Молчание, никакого ответа.

В темноте он по диагонали пересек комнату, направляясь к тому месту на стене, которое мог найти с закрытыми глазами. Он продолжал ворчать, но уже не таким скрипучим голосом:

— Пока я не вернулся, ты вообще не спала. А как только услышала, что я иду, притворяешься спящей. Ты просто уклоняешься от разговора!

Он протянул руку. Прежде чем она коснулась чего-либо, раздался щелчок. Неожиданно хлынувший поток света заставил его слегка вздрогнуть; свет появился слишком рано, и это было неожиданно.

Он взглянул на свою руку, она была в нескольких дюймах от выключателя, он еще не дотянулся до него. Другая рука, только что включившая свет, осторожно скользила вдоль стены. Его взгляд наткнулся на рукав, из которого торчала рука, и затем на мужское лицо.

Удивленно обернувшись, Хендерсон увидел еще одного мужчину, внимательно глядевшего на него. Он повернулся еще, почти на сто восемьдесят градусов, и обнаружил третьего. Все трое стояли молча, неподвижно, как статуи, образуя полукруг.

В первую минуту он был настолько ошеломлен появлением этой пугающе молчаливой троицы, что начал недоуменно оглядываться, пытаясь сориентироваться, найти какой-нибудь признак, чтобы понять, куда ли, вообще, он вошел, его ли это квартира.

Его взгляд упал на темно-синюю подставку для лампы, стоящую на столе около стены. Лампа принадлежала ему. На низкое складное кресло, выглядывающее из угла. И кресло его. На фотографии на бюро. Один снимок изображал хорошенькую девушку с надутыми губками, кроткими глазами и копной вьющихся волос. На другом снимке был он сам.

Два лица, глядящие в разные стороны, далекие, отделенные друг от друга.
Значит, он пришел к себе домой.

Он заговорил первым. Казалось, они никогда не начнут. Казалось, они так и будут стоять тут всю ночь, уставившись на него.

— Послушайте, ребята, что вы делаете в моей квартире? — воскликнул он.

Они не ответили.

— Кто вы такие?

Они не ответили.

— Что вам здесь надо? Как вы сюда попали?

Он опять позвал Марселлу. На этот раз машинально, словно хотел потребовать, чтобы она объяснила их присутствие здесь. Дверь, к которой он повернулся, произнося ее имя — единственная дверь в комнате, кроме той, через которую он только что вошел, — все еще оставалась закрытой. Таинственно, необъяснимо закрытой.

Они заговорили. Он вновь повернулся к ним.

— Вы Скотт Хендерсон? — Кольцо вокруг него сомкнулось плотнее.

— Да, это мое имя. — Он продолжал смотреть на дверь, которая так и не открылась. — Что все это значит? Что происходит?

С настойчивостью, которая сводила его с ума, они продолжали задавать свои вопросы, не отвечая на те, что задавал он.

— И вы здесь живете, так?

— Естественно, я здесь живу!

— И вы — муж Марселлы Хендерсон, верно?

— Да! А теперь я хочу знать, в чем дело!

Один из них сделал ладонью какое-то движение, какой-то жест, он не сразу понял, какой именно. Он сообразил уже потом.

Он хотел было подойти к этой двери, но обнаружил, что один из них ненавязчиво загородил дорогу.

— Где она? Ее нет дома?

— Она дома, мистер Хендерсон, — спокойно сказал один из них.

— Да, но если она дома, то почему не выходит? — Он в раздражении повысил голос. — Говорите же! Скажите хоть что-нибудь!

— Она не может выйти, мистер Хендерсон.

— Постойте, что такое вы мне только что показали? Удостоверение полицейского?

— Ну, не волнуйтесь, мистер Хендерсон. — Они, все четверо, исполняли какой-то неуклюжий танец. Стоило ему сделать шаг в одну сторону, они двигались туда же. Едва он шагнул назад, они тут же последовали за ним.

— «Не волнуйтесь»? Но я хочу знать, что случилось! Нас обокрали? Произошел несчастный случай? Ее сбила машина? Уберите от меня руки! И дайте же мне наконец войти туда.

Но у него была всего одна пара рук, а у них три. Каждый раз, когда ему удавалось избавиться от одной пары, две другие продолжали удерживать его. Вскоре его возбуждение достигло крайней степени. Еще немного, и он бы взорвался. Все четверо часто дышали, их дыхание громко раздавалось в комнате.

— Я здесь живу, это мой дом! Вы не должны так со мной обращаться! Какое вы имеете право не пускать меня в спальню моей жены?

Вдруг они отпустили его. Тот, который был посередине, сделал незаметный знак стоявшему ближе к двери и сказал с какой-то неохотой:

— Ладно, Джо, пусть он войдет.

Отталкивавшая его от двери рука опустилась так неожиданно, что он едва не потерял равновесие, открывая дверь, и ввалился в спальню как-то боком.

Он вошел в чудесную комнату, изысканную комнату, комнату любви. Все кругом было голубым и серебряным, в воздухе стоял хорошо знакомый ему запах духов. Кукла в пышной голубой атласной юбке очень прямо сидела на туалетном столике и беспомощно смотрела на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Одна из двух хрустальных палочек, поддерживающих голубые атласные шторы, упала и лежала наискосок у нее на коленях. Две кровати, покрытые голубыми атласными покрывалами. Одно ровное и гладкое, как лед, под другим угадываются чьи-то очертания — человека, который спит или болен. Лежащий укрыт полностью, с головы до ног, только одна или две пряди вьющихся волос случайно выбились поверх покрывала, словно бронзовая пена.

Хендерсон резко остановился. Его лицо побледнело и застыло.

— Она... Она что-то сделала с собой? О, дурочка! — Он с ужасом посмотрел на тумбочку между кроватями, но там ничего не было — ни стакана, ни пузырька, ни коробочки с пилюлями.

На ослабевших ногах он подошел к кровати, наклонился, потрогал ее через покрывало, нащупал плечо и неуверенно потряс его.

— Марселла, с тобой все в порядке?

Они вошли следом и встали у двери. У него было смутное ощущение, что все его действия изучают. Но сейчас не было времени ни для кого и ни для чего, кроме нее.

Три пары глаз наблюдали за ним от дверей. Наблюдали, как он ощупывает голубое атласное покрывало. Его рука отогнула узкий треугольный край.

Ужасное и невозможное зрелище, которое он не сможет забыть до конца своих дней, предстало его глазам. Она ухмылялась ему в лицо, ухмылялась нечеловеческим, мертвым оскалом. Ее волосы разметались по подушке, словно раскрытый веер.

На помощь пришли руки. Он медленно, неверной походкой отступил назад. Блеснул голубой атлас, и она снова исчезла. Теперь навсегда.

— Я этого не хотел, — сказал он прерывающимся голосом, — я добивался не этого.

Три пары глаз обменялись взглядами, мысленно зафиксировав его слова.

Его проводили в соседнюю комнату и подвели к дивану. Он рухнул как подкошенный. Затем один из них вернулся и закрыл дверь.

Хендерсон сидел молча, прикрыв глаза ладонями, словно защищаясь от слишком яркого света. Казалось, они на него не смотрят. Один стоял у окна, глядя в никуда. Другой остановился около небольшого столика и листал какой-то журнал. Третий сидел в другом углу комнаты, напротив Скотта, но не глядел на него, а усердно полировал ногти и, казалось, был так поглощен своим занятием, словно сейчас не существовало ничего важнее.

Наконец Хендерсон убрал руку. Он заметил, что смотрит на фотографию жены. Она притягивала его взгляд. Он протянул руку и перевернул фото.

Три пары глаз обменялись телепатической информацией.

Свинцовое молчание постепенно сгущалось и становилось все невыносимее. Наконец тот, кто сидел напротив, заговорил:

— Мы должны побеседовать с вами.

— Не могли бы вы подождать еще немного? — проговорил он безжизненным голосом. — Я совсем выбит из колеи...

Сидевший в кресле кивнул с понимающим видом. Тот, который стоял у окна, продолжал смотреть на улицу. Третий, сидевший у стола, все так же перелистывал страницы дамского журнала.

Наконец Хендерсон протер глаза, словно после сна, и совершенно спокойно сказал:

— Теперь все в порядке. Можно приступать.

Разговор начался так непринужденно, так небрежно, что трудно было даже сказать, когда именно он начался. Он больше походил на светскую беседу, во время которой полицейские, однако, старались получить как можно больше сведений.

— Ваш возраст, мистер Хендерсон?

— Тридцать два года.

— Ее возраст?

— Двадцать девять.

— Как давно вы женаты?

— Пять лет.

— Ваш род занятий?

— Я занимаюсь брокерским делом.

— В котором примерно часу вы ушли отсюда сегодня вечером, мистер Хендерсон?

— Между половиной шестого и шестью.

— Не могли бы вы сказать немного точнее?

— Да, пожалуй, могу. Я не могу сказать вам, когда дверь закрылась за мной, с точностью до минуты. Ну, скажем, примерно от без четверти до без пяти шесть. Я вспоминаю, что слышал, как пробило шесть в небольшой часовне в соседнем квартале, как раз когда я дошел до угла.

— Понятно. Вы тогда уже пообедали?

— Нет. — Он помедлил секунду. — Нет, не пообедал.

— В таком случае вы обедали в ресторане?

— Да, я обедал в ресторане.

— Вы обедали один?

— Я обедал в ресторане без жены.

Человек за столом потерял интерес к журналу. Человек у окна потерял интерес к происходящему на улице. Человек в кресле сказал с преувеличенной осторожностью, словно боялся нанести ему обиду:

— И все же это не входило в ваши привычки... э-э... обедать в ресторане без жены?

— Нет, не входило.

— И все же, следуя вашим же словам, как получилось, что сегодня вечером вы обедали один?

Детектив не смотрел на него, он разглядывал холмик пепла от сигареты, который рос в пепельнице рядом с ним.

— Мы договорились, что сегодня вечером вместе пообедаем в ресторане. А потом, в последний момент, она пожаловалась, что плохо себя чувствует, что у нее болит голова, и я... пошел один.

— Вы, наверное, немного поссорились? — Вопрос прозвучал так тихо, что Скотт едва расслышал его.

Он ответил так же тихо:

— Мы слегка поспорили. Слово за слово. Ну, знаете, как обычно бывает.

— Конечно. — Казалось, детектив прекрасно знает, как происходят мелкие домашние ссоры вроде этой. — Но ничего серьезного, не так ли?

— Ничего такого, что могло бы толкнуть ее на подобный поступок, если вы к этому ведете. — Он замолчал и с моментально проснувшейся в нем подозрительностью в свою очередь задал вопрос: — И все же, что она сделала? Вы мне даже не сказали. Что именно...

Он вздрогнул, услышав, как открылась наружная дверь. Как загипнотизированный, он смотрел на происходящее, пока дверь в спальню не закрылась. Тогда он привстал с дивана:

— Что им здесь надо? Кто это? Что они там делают?

Сидевший в кресле подошел к нему и положил руку на плечо, заставив его сесть; движение, однако, не было грубым. Скорее это был жест сочувствия.

Стоявший у окна повернулся, заметив:

— Вы слегка нервничаете, а, мистер Хендерсон?

Естественное, инстинктивное негодование, свойственное всем человеческим существам, пришло Хендерсону на помощь.

— А вы как думаете? Или я должен быть совершенно спокоен? — ответил он с горьким упреком. — Ведь я только что пришел домой и нашел свою жену мертвой.

Он выбрал правильный тон. Его собеседник у окна, очевидно, не нашел что ответить на этот выпад.

Дверь в спальню вновь открылась. Там происходила какая-то непонятная, неуклюжая возня. Глаза Хендерсона расширились. Его взгляд медленно пересек комнату от двери до арки, ведущей в прихожую. На этот раз он резко, словно от толчка, вскочил на ноги:

— Нет, только не это! Что они делают! Как мешок с картошкой! А ее чудесные волосы — прямо по полу, она так ухаживала за ними!

Несколько рук вцепились в него, удерживая на месте. Наружная дверь захлопнулась с глухим стуком. Запах духов донесся из пустой спальни и, казалось, шептал ему: «Помнишь? Помнишь, как мы любили друг друга? Помнишь?»

Неожиданно он упал на диван, спрятав лицо в непослушных, дрожащих руках. Он шумно дышал. Время раскололось. Потом его руки упали, и он сказал с беспомощным удивлением:

— Я думал, что мужчины не плачут, а я вот заплакал.

Тот, который раньше сидел в кресле, протянул ему сигарету и даже зажег ее. В свете спички глаза Хендерсона блестели.

То ли из-за того, что их прервали, то ли потому, что иссякли вопросы, беседа прекратилась сама собой. Когда разговор возобновился, он сделался содержательным, словно они просто болтали о том о сем, чтобы убить время.

— А вы очень хорошо одеваетесь, мистер Хендерсон, — заметил вдруг тот, который сидел в кресле.

Хендерсон бросил на него неприязненный взгляд и не ответил.

— Все, что на вас надето, замечательно гармонирует.

— Это само по себе уже искусство, — вступил в разговор любитель дамских журналов. — Носки, рубашки, носовой платок...

— Все, кроме галстука, — возразил стоявший у окна.

— Почему вам взбрело на ум обсуждать подобные вещи именно сейчас? — слабо запротестовал Хендерсон.

— Он все же должен быть синим, не так ли? Все остальное — синее. Он портит весь вид. Я не большой знаток моды, но, видите ли, я просто смотреть на это не могу. — И он продолжал с невинным видом: — Как же вас угораздило упустить из виду такой важный момент, как галстук? Вы ведь позаботились подобрать все остальное? Или у вас нет синего галстука?

— Чего вы от меня добиваетесь? Вы что, не видите: я не в состоянии говорить о пустяках... — почти что взмолился Хендерсон.

Его собеседник вновь повторил вопрос тем же бесцветным тоном:

— Разве у вас нет синего галстука, мистер Хендерсон?

Хендерсон вцепился в свои волосы.

— Вы хотите свести меня с ума? — Он сказал это очень тихо, как будто эта беседа была для него совершенно невыносима. — Есть у меня синий галстук. Наверное, он в шкафу, на вешалке для галстуков.

— Тогда как случилось, что вы проглядели его, когда надевали этот костюм? Он же так и напрашивается сюда. — Детектив сделал рукой обезоруживающий жест. — Если, конечно, вы не надели его сначала, а потом, изменив свое решение, сняли и надели тот, который сейчас на вас.

Хендерсон ответил:

— Какая разница? Почему вы так упорно спрашиваете об этом? — Он слегка повысил голос. — Моя жена умерла. Я совсем разбит. Что вам за дело, какого цвета галстук я надел или не надел?

Они продолжали. Вопросы падали неумолимо, как капли воды на голову, один за другим.

— Вы уверены, что не надели его сначала, а потом передумали?

Его голос звучал ровно:

— Да, я уверен. Он висит на моей вешалке для галстуков в шкафу.

Детектив простодушно возразил:

— Нет, он не висит на вашей вешалке для галстуков. Я поэтому и спрашиваю. Помните, на вашей вешалке есть такие прорези, они идут сверху вниз, как рыбы косточки? Мы нашли, где он висел, на какой из них вы его обычно держите, это было единственное свободное место на всей этой штуке. И самое нижнее — то есть, другими словами, галстуки, висевшие в верхних прорезях, свисая, закрывали его. Так что вы извлекли его из-под всех остальных галстуков, а это значит, что сначала вы пошли к шкафу и выбрали его, а не вытащили сверху первый попавшийся. И теперь меня смущает один момент: почему, если вы вообще дали себе труд перебрать все галстуки и выбрать тот, что висел в самом низу, и снять его с вешалки, почему вы потом передумали и вновь надели тот, который целый день носили на работе и который совершенно не подходит к вашему вечернему костюму?

Хендерсон изо всей силы хлопнул себя по лбу тыльной стороной ладони и вскочил.

— Я этого не вынесу! — простонал он. — Говорю вам, я больше не могу! Скажите мне, чего вы добиваетесь, или прекратите! Если его нет на вешалке, то где он? На мне его нет! Где же он? Скажите мне, если вы знаете! И в любом случае, какая разница, где он?

— Большая разница, мистер Хендерсон.

Последовало долгое молчание, настолько долгое, что он начал бледнеть еще прежде, чем оно было нарушено.

— Он был завязан на шее у вашей жены. Так туго, что это убило ее. Насколько туго, что нам пришлось разрезать его ножом, чтобы снять.

Глава 3
Сто сорок девять дней до казни
Рассвет

Потом была тысяча вопросов. Свет раннего утра проник в комнату, и она стала непонятным образом незнакомой, хотя и люди и вещи в ней остались теми же. Комната выглядела так, словно всю ночь в ней проходила вечеринка. Окурки сигарет до краев заполнили все имеющиеся пепельницы и другие, вовсе не приспособленные для этого емкости. Темно-синяя лампа все еще горела, и ореол электрического сияния странно смотрелся при свете дня. Фотографии все так же стояли на столе, ее фотография теперь стала ненастоящей, на ней была изображена та, которой больше не существовало.

Они все выглядели и двигались так, словно страдали похмельем. Полицейские уже давно сняли пальто и куртки и расстегнули воротники рубашек. Один из них отправился в ванную, чтобы освежиться холодной водой. Через открытую дверь было слышно, как он фыркает. Двое других продолжали курить, безостановочно расхаживая по комнате. Только Хендерсон сидел неподвижно. Он сидел на том самом диване, на котором просидел всю ночь. Ему казалось, что он всю жизнь провел на нем и ни разу не выходил за пределы этой комнаты.

Тот из них, который был в ванной, его звали Берджесс, подошел к двери. Он отжимал волосы — видно, целиком намочил голову в раковине.

— Где у вас все полотенца? — спросил он Хендерсона.

Было странно слышать такие обыденные слова.

— Я сам никогда не мог найти их на полке, — уныло признался тот. — Она... всегда давала мне полотенца, когда я просил, но я до сих пор не знаю, где они лежат.

Детектив беспомощно оглядывался. С него текла вода.

— Вы не возражаете, если я воспользуюсь краешком занавески для душа? — спросил он.

— Не возражаю, — с какой-то тоской ответил Хендерсон.

Они начали все заново. Они все время начинали заново, когда казалось, что они уже закончили.

— Ссора случилась не только из-за двух билетов в театр. Почему вы упорно пытаетесь заставить нас поверить в это?

Он поднял голову, но сначала посмотрел не на того, кто спрашивал. Он привык, что на него смотрят, когда с ним разговаривают, хотя бы из вежливости. Но вопрос задал тот из них, который не смотрел на него.

— Потому что так и было. Что еще я должен сказать, если дело заключалось только в этом? Вы что, никогда не слышали, чтобы люди могли поссориться из-за пары билетов в театр? Сами знаете: такое иногда случается.

Второй детектив сказал:

— Ладно, Хендерсон, кончайте придуриваться. Кто она?

— Кто именно «она»?

— О, не начинайте по новой, — раздраженно буркнул детектив. — Мы опять возвращаемся туда, где были в четыре часа утра. Кто она?

Хендерсон вцепился ослабевшими пальцами в волосы и в отчаянии опустил голову.

Берджесс вышел из ванной, заправляя рубашку в брюки. Он вынул из кармана часы и застегнул их на запястье, потом рассеянно посмотрел на них и лениво, словно невзначай, вышел в прихожую. Там он, видимо, поднял телефонную трубку. Послышался его голос:

— Хорошо, Тирни.

Никто из них не обратил на это особого внимания, меньше всех Хендерсон. Он наполовину спал с открытыми глазами, уставившись вниз, на ковер.

Берджесс не спеша вернулся в комнату, прошелся по ней туда-сюда, словно не зная, чем себя занять. Наконец он остановился у окна и немного поправил штору, чтобы впустить побольше

света. Снаружи на подоконнике сидела какая-то птица. Она вопросительно повернула головку. Он сказал:

— Подойдите-ка на минутку, Хендерсон. Что это за птица, а? — Увидев, что Хендерсон не двинулся с места, он повторил: — Ну же, быстрее, пока не улетела. — Как будто это было для него сейчас важнее всего.

Хендерсон поднялся, подошел к окну и остановился рядом, повернувшись спиной к комнате.

— Воробей, — коротко ответил он, а взгляд его говорил: «Тебе совсем не это нужно».

— Вот куда я смотрел, — сказал Берджесс и добавил, продолжая удерживать его лицом к окну, — замечательный вид у вас из окна.

— Можете забрать все это себе, птицу, и вид, и все остальное, — с горечью сказал Хендерсон.

Наступила тишина. Все вопросы прекратились.

Хендерсон повернулся и застыл на месте. На диване, на том самом месте, где только что сидел он сам, сидела девушка. Ни один звук не выдал ее появления. Ни скрип дверных петель, ни шорох одежды.

Трое детективов так и впились в него взглядом; казалось, этим взглядом можно было содрать кожу с лица. Хендерсон усилием воли сохранял непроницаемое выражение. Лицо его стало жестким, словно вырезанным из картона, но Скотт чувствовал, что оно неподвижно.

Девушка смотрела на Хендерсона, а он на нее. Она была хорошенькая, более ярко выраженного англосаксонского типа, чем в наше время бывают англосаксы. Голубоглазая, с прямыми волосами цвета карамели, зачесанными на лоб аккуратной прядью. Коричневое пальто из верблюжьей шерсти она накинула на плечи, не вдевая в рукава, и на ней не было шляпы. В руках она сжимала сумочку. Она была молода, в том возрасте, когда еще верят в любовь и в мужчин. Впрочем, она, идеалистка, возможно, не утратит этой веры всю жизнь. Это было заметно по тому, как она смотрела на Скотта. Ее глаза светились подлинным чувством.

Хендерсон слегка облизнул губы и кивнул ей почти безучастно, словно случайной знакомой, про которую он не может вспомнить ни как ее зовут, ни где они встречались, но не хочет обидеть невниманием.

После этого, казалось, он не проявлял к ней интереса.

Берджесс, должно быть, подал за его спиной какой-то тайный знак. Они вдруг оказались в комнате одни, все прочие удалились.

Он сделал было движение рукой, но опоздал. Пальто из верблюжьей шерсти уже повисло на спинке дивана, немного покачалось и свернулось узлом. Девушка стрелой полетела к Хендерсону.

Он попытался отстраниться, сделал шаг в сторону:

— Не надо. Будь осторожна. Они именно этого и добиваются. Они, вероятно, подслушивают каждое слово.

— Мне нечего бояться. — Она схватила его за плечи и слегка встряхнула. — Ты не... Ты не?.. Ты должен ответить мне!

— Шесть часов подряд я изо всех сил старался не называть твоего имени. Как им удалось впутать тебя? Как они узнали о твоём существовании? — Он с досадой ударил себя по плечу. — Черт побери, я бы отдал свою правую руку, только бы тебя это не коснулось!

— Но если ты попал в переплет, я хочу быть с тобой. Ты, оказывается, не так уж хорошо меня знаешь.

Поцелуй помешал ему ответить. Потом он сказал:

— Ты целуешь меня, еще не зная, виновен я или...

— Нет, — настаивала она, и Скотт чувствовал ее дыхание на своем лице. — О нет, я не могла так ошибиться. Да и кто бы мог? Если только я могла бы так ошибиться, мое сердце следовало бы отправить в заведение для умственно отсталых. А у меня умное сердце.

— Ладно, скажи своему сердцу, что все в порядке, — проговорил он печально. — Я не испытывал ненависти к Марселле. Я просто не так сильно любил ее, чтобы продолжать жить с ней вместе, вот и все. Но я не мог бы убить ее. Думаю, я вообще не мог бы никого убить, даже мужчину...

Она спрятала лицо у него на груди в порыве невыразимой нежности.

— Разве ты должен говорить это мне? Разве я не видела твое лицо, когда на улице к нам прибилась бездомная собака? Когда ломовая лошадь, стоявшая у обочины... О, сейчас не

время говорить это, но, как ты думаешь, за что я тебя люблю? Разве за то, что ты такой красивый? Или такой умный? Или так хорошо одеваешься?

Он улыбнулся, поглаживая ее по волосам, потом осторожно отвел руки и поцеловал ее.

— Все, что я люблю, — внутри тебя, где никто, кроме меня, не может этого увидеть. В тебе так много хорошего, ты такой замечательный — но это все внутри, только для меня, только я об этом знаю. — Наконец она подняла голову, глаза ее блеснули.

— Не надо, — сказал он нежно, — я этого не достоин.

— Я сама устанавливаю цены, и не пытайся сбить их, — с упреком сказала девушка. Она бросила взгляд на дверь, о которой оба совсем было забыли, и сияние на ее лице немного померкло. — А что они? Неужели они думают?..

— Полагаю, пока они убеждены процентов на пятьдесят. Иначе не держали бы меня так долго... Как им удалось впутать тебя?

— Когда я вчера вечером вернулась домой, мне передали, что ты звонил в шесть часов. Я не могла лечь спать, не узнав так или иначе, чем все кончилось, и в конце концов перезвонила тебе около одиннадцати. Они были уже здесь и сразу же отправили человека побеседовать со мной. И с тех пор со мной постоянно кто-то находился.

— Великолепно! Они продержали тебя на ногах всю ночь! — возмутился он.

— Я бы и не смогла заснуть, зная, что ты попал в беду. — Ее пальцы скользили по его лицу. — Сейчас важно только одно. Все остальное — ерунда. Это дело надо обязательно прояснить. У них, должно быть, свои способы обнаружить, кто же на самом деле сделал это. Что ты им рассказал?

— Про нас с тобой, ты имеешь в виду? Ничего. Я пытался не впутывать тебя.

— А может быть, в этом и заключается сложность? Они, наверное, поняли, что ты что-то недоговариваешь. Теперь я здесь, так, может, лучше рассказать им о нас все, что им нужно знать? Нам нечего стыдиться или бояться. Чем быстрее ты им расскажешь, тем быстрее все это кончится. И они, вероятно, уже догадались по моему поведению, что мы без ума друг от...

Она неожиданно замолчала. Берджесс вернулся в комнату. У него был довольный вид человека, который получил то, что хотел. Когда остальные двое вошли следом, Хендерсон даже заметил, как он подмигнул одному из них.

— Машина внизу отвезет вас домой, мисс Ричмен.

Хендерсон шагнул к нему:

— Послушайте, нельзя ли не впутывать сюда мисс Ричмен? Это несправедливо, она не имеет никакого отношения...

— Это полностью зависит от вас, — ответил Берджесс. — Мы привезли ее сюда только потому, что необходимо было напомнить вам...

— Все, что я знаю, все, что я могу рассказать, в вашем распоряжении, — со всей искренностью убеждал его Хендерсон, — если только вы проследите, чтобы к ней не приставали газетчики, чтобы они не добрались до нее и не раздули историю.

— При условии, что вы скажете правду, — предупредил Берджесс.

— Обещаю вам. — Он повернулся к девушке и прибавил более мягким тоном: — Отправляйся домой, Кэрл. Поспи немного и не переживай, скоро все будет в порядке.

Она поцеловала его на глазах у всех, словно желая показать, что любит его.

— Ты позвонишь мне? Позвони, как только сможешь, лучше прямо сегодня, если можно!

Берджесс проводил ее до двери и сказал полицейскому, стоявшему там на посту:

— Скажи Тирни, пусть никого близко не подпускает к этой молодой леди. Не называть ее имени, не отвечать ни на какие вопросы, не давать никакой информации.

— Спасибо, — взволнованно сказал Хендерсон, когда Берджесс вернулся. — Вы отличный парень.

Детектив посмотрел на него без всякой симпатии. Он уселся, вытащил блокнот, неровной линией перечеркнул две или три густо исписанные страницы и перевернул лист.

— Давайте начнем, — сказал он.

— Начнем, — согласился Хендерсон.

— Вы сказали, что поссорились с женой. Это остается?

— Это остается.

— Из-за двух билетов в театр? Остается?

— Из-за двух билетов в театр и развода. Остается.

— Теперь уточняем. Значит, вы питали друг к другу враждебные чувства?

— Не было никаких чувств — ни враждебных, ни дружеских. Можно сказать, все чувства исчезли. Некоторое время назад я уже просил у нее развода. Она знала о мисс Ричмен. Я сам рассказал ей. Я не пытался ничего скрывать. Я старался найти достойный выход. Она отказала мне в разводе. Встречи на стороне — не для меня. Я не хотел этого. Я хотел, чтобы мисс Ричмен стала моей женой. Мы изо всех сил старались не переходить границ, но это был ад, я не мог больше этого выносить. Неужели необходимо рассказывать?

— Весьма.

— Позавчера вечером я говорил с мисс Ричмен. Она видела, что это меня мучает. Она сказала: «Давай я попробую поговорить с ней». Я сказал: «Нет». Она предложила: «Тогда сам попробуй еще раз. Попробуй как-нибудь по-другому. Поговори с ней рассудительно, постарайся убедить ее». Мне этого не хотелось, но я решил попробовать. По телефону с работы я заказал столик на двоих в нашем любимом ресторане. Я купил два билета на шоу, первый ряд у прохода. В последнюю минуту я даже отклонил приглашение моего лучшего друга на прощальный вечер. Джек Ломбард на несколько лет уезжает в Южную Америку, для меня это была последняя возможность повидаться с ним перед отплытием. Но я был тверд в своем намерении, я хотел доставить ей удовольствие, чего бы мне это ни стоило.

Но когда я пришел домой, то увидел, что все напрасно. Она вовсе не хотела никакого примирения. Ей нравилось такое положение вещей, и она не собиралась менять его. Признаюсь, я потерял терпение и взорвался. Она выжидала до последней минуты. Она видела, что я собираюсь, принимаю душ, переодеваюсь. Затем она села и расхохоталась. «Почему бы тебе не пригласить ее вместо меня? — подзуживала она. — Чего ради терять целых десять долларов?»

Тогда я прямо у нее на глазах позвонил мисс Ричмен.

Но даже тут мне не повезло. Ее не было дома. Марселла веселилась вовсю и не скрывала этого.

Вы знаете, каково это, когда над вами смеются. Чувствуешь себя дураком. Я пришел в такую ярость, что у меня потемнело в глазах, и заорал: «Я сейчас пойду на улицу и приглашу вместо тебя первую встречную! Первую же девицу в кудряшках и на высоких каблуках, которая пройдет мимо, не важно, что за девицу!» Я схватил шляпу и захлопнул за собой дверь. — Его голос становился все слабее, словно кончался завод. — Вот и все. Я не могу рассказать больше, при всем желании. Это правда, а правду нельзя изменить.

— А после вы пошли по тому же маршруту, как нам рассказали? — уточнил Берджесс.

— Да, все точно. Только я был не один. Со мной была дама. Я сделал то, что и грозился сделать: подошел к какой-то женщине и предложил ей вместе пообедать и сходить в театр. Она согласилась, и мы провели вечер вместе и расстались за десять минут до того, как я вернулся домой.

— В котором примерно часу вы встретились с ней?

— Через несколько минут после того, как я вышел. Я зашел в какой-то бар, не помню точно, на Пятидесятой улице, и именно там увидел ее... — Он пошевелил пальцами. — Постойте, я сейчас только вспомнил. Я могу точно сказать, когда я подошел к ней. Мы оба одновременно посмотрели на настенные часы, когда я показывал ей билеты в театр. И было ровно десять минут седьмого.

Берджесс поскреб ногтем нижнюю губу.

— Что это был за бар?

— Не могу точно сказать. Я помню только, что над входом была красная вывеска.

— Вы можете доказать, что были там в десять минут седьмого?

— Я только что сказал вам. Почему? Почему это так важно?

Берджесс сказал, растягивая слова:

— Я бы мог оставить вас в неведении, но это было бы глупо. Я скажу вам. Ваша жена умерла ровно в шесть часов восемь минут. Часики, которые были у нее на руке, ударились о край туалетного столика, когда она упала. Они остановились ровно, — он прочитал по своим записям — в 6.08.15. — Он отложил блокнот. — Ни одно существо, обладающее парой ног или даже парой крыльев, не могло быть одновременно здесь и там, на Пятидесятой улице, спустя одну минуту сорок пять секунд. Докажите, что вы были там в десять минут седьмого, и вы свободны.

— Но я же сказал вам! Я смотрел на часы.
— Это не доказательство, это неподтвержденное заявление.
— Тогда что может служить доказательством?
— Подтверждение.
— Но почему я должен доказывать, что я там был, а не наоборот?
— Потому что нет никаких данных, указывающих, что кто-то, кроме вас, мог это сделать.
Почему, как вы думаете, мы просидели с вами тут всю ночь?
Руки Хендерсона безвольно упали на колени.
— Понятно, — выдохнул он, — понятно.
В комнате на какое-то время воцарилось молчание.
Наконец Берджесс заговорил снова:
— Эта женщина, которую, как вы говорите, встретили в баре, она может подтвердить, в какое время это было?
— Да. Она посмотрела на часы вместе со мной. Она должна это помнить. Да, она может подтвердить.
— Хорошо, значит, с этим все. Предположим, что ее показания удовлетворят нас, она даст их добровольно и все это не подстроено заранее. Где она живет?
— Я не знаю. Мы расстались с ней там же, где и встретились, — в баре.
— Ладно, как ее фамилия?
— Я не знаю. Я не спрашивал, а она не говорила.
— Вы не знаете ни ее имени, ни даже прозвища? Вы провели с ней шесть часов, как же вы к ней обращались?
— На «вы», — мрачно сказал он.
Берджесс снова вытащил свой блокнот.
— Ладно, опишите ее. Мы сами постараемся ее найти.
Последовала долгая пауза.
— Ну? — не выдержал наконец детектив.
Лицо Хендерсона бледнело на глазах. Он с трудом сглотнул.
— Боже мой, я не могу! — выдавил он наконец. — Я ничего не помню, она совершенно стерлась у меня из памяти. — Он беспомощно водил руками перед глазами. — Может быть, я бы и вспомнил, когда только пришел домой прошлым вечером, но сейчас — ничего не помню. Слишком много случилось с тех пор. Мертвая Марселла и ваши парни, которые всю ночь терзали меня своими вопросами. Ее лицо расплывается, как засвеченная фотография. Даже когда она была рядом, я не очень-то разглядывал ее, я слишком был занят своими заботами. — Он переводил взгляд с одного на другого, словно ожидая помощи. — Ничего не могу вспомнить.
Берджесс попытался помочь ему:
— Не торопитесь. Подумайте хорошенько. Итак. Глаза?
Хендерсон растерянно развел руками.
— Нет? Хорошо, а волосы? Помните, какого цвета у нее волосы?
Он потер уголки глаз.
— И это ускользает. Как только я хочу сказать, что они такого-то цвета, мне тут же кажется, что другого, а когда я хочу назвать другой цвет, мне опять кажется, что я ошибаюсь. Не знаю, наверное, они были какого-то неопределенного цвета. Ни черные, ни русые. И почти все время на ней была шляпа. — Он посмотрел на них с проблеском надежды в глазах. — Вот шляпу я помню лучше всего. Оранжевая шляпа, это может чем-нибудь помочь? Да, именно оранжевая.
— Хорошо. Но вдруг она уже сняла шляпу? Что, если она теперь полгода в ней никуда не пойдет? Что мы будем делать? Вы можете вспомнить что-нибудь о ней самой?
Хендерсон мучительно тер виски.
— Она была толстая? Худая? Высокая? Маленькая? — сыпал вопросами Берджесс.
Хендерсон повел рукой туда-сюда, словно отмахиваясь от вопросов:
— Не помню, понимаете, не помню!
— Мне кажется, вы водите нас за нос, — мрачно сказал один из детективов. — Это было лишь прошлым вечером. Не на прошлой неделе, не год назад.

— У меня вообще плохая память на лица. Даже когда я... когда со мной все в порядке и меня ничто не беспокоит. Да, кажется, у нее было лицо...

— Вы серьезно? — язвительно спросил полицейский.

Чем дальше, тем хуже. Он сделал ошибку — стал думать вслух, не осознавая собственных слов.

— Она была сложена как обычная женщина, вот и все, что я могу сказать...

Это было последней каплей. Лицо Берджесса постепенно вытягивалось, но он не проявлял других признаков раздражения. Видимо, он обладал медлительным темпераментом. Но вместо того чтобы аккуратно сунуть обратно выпавший из кармана карандаш, он вдруг в какой-то ярости швырнул его в стену, словно пытаясь попасть в цель. Затем он встал, подошел и поднял его. Его лицо покраснело. Он набросил на плечи поношенное пальто и поправил узел галстука.

— Пошли, ребята, — сказал он угрюмо, — пошли отсюда, уже поздно.

На секунду остановившись в дверях, ведущих в прихожую, он сурово посмотрел на Хендерсона.

— За кого вы нас, вообще, принимаете? — прорычал он. — За дурачков? Вы провели вечер с женщиной, целых шесть часов, не далее как вчера, и теперь не можете сказать, как она выглядит! Вы сидите с ней плечом к плечу в баре, вы сидите напротив нее за столом на протяжении всего обеда, от салата до кофе, вы битых три часа сидите рядом с ней в театре, вы едете вместе в такси в театр и обратно — и ее лицо остается для вас смутным пятном под оранжевой шляпой. И вы думаете, что мы это проглотим? Вы пытаетесь заставить нас поверить в какую-то мифическую женщину, в фантом, у которого нет ни имени, ни лица, ни роста, ни веса, ни глаз, ни волос — вообще ничего, и мы должны поверить вам на слово, что вы были в обществе этого существа в тот момент, когда в вашей квартире убивали вашу жену! Вы даже не в состоянии выдумать что-нибудь правдоподобное. Десятилетний ребенок раскусил бы вас. Одно из двух: либо вы не были вместе с этой особой и только что выдумали ее. Либо, что более вероятно, вы не были с этой женщиной, но действительно видели ее где-нибудь в толпе и пытаетесь подсунуть ее нам в качестве своей спутницы в этот вечер. И поэтому намеренно запутываете нас, чтобы мы не могли найти ее и обнаружить истину.

— Давайте пошевеливайтесь, — приказал Хендерсону один из детективов визгливо, будто пила, наскочившая на сучок. — Бердж редко загорается, — добавил он, слегка усмехаясь, — но уж если вспыхнет, то горит долго и ярко.

— Я арестован? — спросил Берджесса Скотт Хендерсон, когда полицейский заставил его встать и подтолкнул к двери.

Берджесс не ответил ему прямо. Ответом послужило указание, которое он, не оборачиваясь, дал при выходе третьему детективу:

— Выключи эту лампу, Джо. Вряд ли она кому-нибудь скоро понадобится.

Глава 4

Сто сорок девятый день до казни

Шесть часов вечера

Автомобиль стоял наготове на углу, когда на невидимой колокольне начали отбивать время.

— Есть, — сказал Берджесс.

Они ждали уже минут десять с невыключенным мотором.

Хендерсон, уже не свободный, но еще и не арестованный, сидел на заднем сиденье между ним и другим сотрудником полицейского управления, который принимал участие в допросе Хендерсона в его квартире прошедшей ночью и утром.

Третий детектив, которого все называли Датчем, с глупым видом стоял снаружи на тротуаре. Он опустился посреди тротуара на одно колено и завязывал шнурок на ботинке, когда раздался первый удар. Сейчас он поднялся.

Вечер был очень похож на предыдущий. Тот же час свиданий, то же нарумяненное небо на западе, люди, так же дружно спешащие куда-то. Хендерсон неподвижно сидел между своими стражами. Должно быть, он подумал о том, насколько все может измениться за какие-то несколько часов.

Его собственная квартира была всего в нескольких шагах отсюда — пройти немного назад и завернуть за угол. Но он больше там не живет, теперь он живет в камере предварительного заключения при полицейском управлении.

— Нет, на один магазин назад, — глухо проговорил он, обращаясь к Берджессу. — Я как раз подошел к витрине магазина женского белья, когда раздался первый удар. Я вспомнил — теперь, когда увидел витрину и услышал тот же звук.

Берджесс передал человеку на тротуаре:

— Отойди назад на один магазин, Датч, и начинай оттуда. Так, хорошо. Теперь иди!

Прозвучал второй из шести ударов. Берджесс сделал что-то с секундомером, который он держал в руке.

Высокий, стройный рыжеволосый человек на тротуаре двинулся вперед. Машина тем временем ползла вдоль обочины, держась рядом с ним.

В первый момент Датч чувствовал себя неловко и двигался несколько скованно, потом это постепенно прошло.

— Как он продвигается? — вдруг спросил Берджесс.

— Мне кажется, я шел немного быстрее, — ответил Хендерсон. — Я заметил, что когда я раздражен, то хожу быстро, и вчера вечером шел с приличной скоростью.

— Датч, немного быстрее, — скомандовал Берджесс.

Рыжий слегка прибавил шаг.

Послышался пятый удар, затем шестой.

— Как сейчас? — спросил Берджесс.

— Примерно так, — признал Хендерсон.

Незаметно они подъехали к перекрестку. Красный сигнал заставил остановиться машину. Но не пешехода. Прошлым вечером Хендерсон не обращал на светофоры внимания. По середине следующего квартала они вновь догнали идущего.

Теперь они выбрались на Пятидесятую улицу. Миновали один квартал. Второй.

— Видите его?

— Пока нет. Или, может быть, вижу, но не узнаю. Вывеска была очень яркая, ярче, чем эта. Весь тротуар был залит красным светом.

Третий квартал. Четвертый.

— Нашли?

— Ничего похожего.

Берджесс предупредил его:

— Думайте, что делаете. Если вы будете тянуть слишком долго, то даже ваше гипотетическое алиби вам не поможет. Вы уже должны быть внутри, сейчас восемь с половиной минут седьмого.

— Какая разница, если вы все равно мне не верите, — сухо сказал Хендерсон.

— Не мешает точно знать, сколько времени требуется, чтобы пройти пешком от одного места до другого, — вставил человек, сидящий с другой стороны, — может быть, мы случайно узнаем, когда вы на самом деле вошли туда, и тогда просто вычтем это время.

— Прошло девять минут, — сообщил Берджесс.

Хендерсон низко наклонил голову, пристально разглядывая медленно проплывающую мимо ленту тротуара.

Они проехали вывеску, бесцветную, с незажженными стеклянными трубками. Он быстро обернулся:

— Вот он! Думаю, это тот самый, но вывеска не горит. Там было что-то вроде «Ансельмо», теперь я почти уверен. Что-то иностранное...

— Стоп, Датч! — закричал Берджесс. Он нажал на пружину и остановил секундомер. — Девять минут, десять с половиной секунд, — объявил он. — Мы дадим вам форы десять с половиной секунд, учитывая плотность толпы, в которой вы шли, и интенсивность движения на перекрестке: все это каждый раз меняется. Девять минут чистого времени, чтобы дойти от угла вашего дома до этого бара. Еще минуту дадим вам на то, чтобы спуститься от вашей квартиры до первого этажа, где вы и услышали первый удар колокола. Этот отрезок мы уже проверили. Другими словами, — он повернулся к нему, — найдите способ доказать, что вы вошли в этот бар самое позднее в шесть семнадцать — но не позже, — и вы автоматически оправданы, даже теперь.

Хендерсон сказал:

— Я смогу доказать, что я был здесь уже в десять минут седьмого, если только смогу найти эту женщину.

Берджесс распахнул дверцу автомобиля.

— Давайте зайдём внутрь, — предложил он.

— Вы когда-нибудь раньше видели этого человека? — спросил Берджесс.

Бармен потер подбородок.

— Его лицо мне кажется знакомым, — признал он, — но ведь вся моя работа — это лица, лица, лица.

Ему дали время подумать. Он искоса взглянул на Хендерсона. Затем подошел к нему с другой стороны и опять посмотрел. Он все еще колебался:

— Я не знаю.

Берджесс сказал:

— Иногда рама значит больше, чем сама картина. Попробуем по-другому. Бармен, зайдите за стойку.

Они все вместе подошли к стойке.

— Хендерсон, где вы сидели?

— Где-то здесь. Часы висели прямо надо мной, а блюдо с солеными крендельками стояло сбоку.

— Хорошо, сядьте сюда. Бармен, взгляните еще раз. Не обращайтесь на нас внимания, хорошенько посмотрите на него.

Хендерсон наклонил голову, мрачно уставясь на поверхность стойки, как и в прошлый раз.

Это подействовало. Бармен щелкнул пальцами:

— Помню! Он самый. Теперь я вспомнил. Вчера вечером, да? Должно быть, из тех, кто много не заказывает, просидел недолго и не успел напиться как следует.

— Мы хотим знать время.

— Наверное, в первый час моей смены. Вокруг меня еще не собралась толпа. Вчера вечером наплыв начался поздно, иногда бывает.

— Когда у вас первый час смены?

— С шести до семи.

— Да, но мы хотели бы знать, когда именно после шести.

Он покачал головой:

— Извините, ребята. Я смотрю на часы, только когда смена заканчивается, а не в самом начале. Может быть, в шесть, может быть, в полседьмого, а может, и без четверти семь. Черт побери, я не хочу вас обманывать.

Слегка приподняв брови, Берджесс посмотрел на Хендерсона, затем опять повернулся к бармену:

— Расскажите нам о женщине, которая в это время была здесь.

Бармен сказал с пугающе невинным видом:

— Какая женщина?

Цвет лица Хендерсона медленно изменялся от нормального до бледного, от бледного до белого как смерть.

Берджесс сжал его руку, заставляя молчать.

— Так вы не видели, как он встал, подошел к какой-то женщине и заговорил с ней.

— Нет, сэр, — сказал бармен, — я не видел, чтобы он вставал, шел куда-то и с кем-нибудь разговаривал. Я не могу поклясться, но у меня такое впечатление, что в это время в баре не было никого, с кем он бы мог разговаривать.

— Но вы заметили женщину, которая сидела здесь одна, пусть вы даже не видели, как он встал и подошел к ней?

Хендерсон беспомощно ткнул пальцем в две табуретки, стоявшие рядом.

— В оранжевой шляпе, — сказал он, прежде чем Берджесс успел остановить его.

— Молчите, — предупредил его детектив.

Бармен вдруг по непонятной причине разозлился.

— Послушайте, — сказал он, — я работаю в баре тридцать семь лет. Меня уже тошнит от этих проклятых лиц: каждый божий вечер приходят — уходят, приходят — уходят, заказывают и пьют. И не спрашивайте меня, какого цвета у них шляпы, общаются они друг с другом или нет. Для меня все они — только заказы! Для меня все они — только напитки, слышите, только напитки! Скажите мне, что она пила, и я скажу вам, была она здесь или нет! Мы храним все чеки. Я принесу их из кабинета хозяина.

Полицейские посмотрели на Хендерсона. Он сказал:

— Я пил виски с водой. Я всегда заказываю только это. Дайте мне подумать минуту, я попытаюсь вспомнить, что пила она.

Бармен вернулся с большим оловянным ящиком.

Хендерсон сказал, потирая лоб:

— У нее на дне стакана оставалось шерри и...

— Это может быть один из шести коктейлей. Я найду. Бокал был с плоским дном или на ножке? И какого цвета был осадок? Если у нее был «Манхэттен», бокал был на ножке, а осадок коричневый.

Хендерсон сказал:

— Бокал был на ножке, она крутила его в пальцах. Но осадок был не коричневый, нет, вроде бы розовый.

— Розовый, — быстро сказал бармен. — Теперь я легко найду.

Он начал перебирать чеки. Это заняло несколько минут, ему пришлось перелистать их в обратном порядке, так как более ранние лежали на самом дне.

— Видите, они лежат по порядку и пронумерованы сверху, — пояснил он.

Хендерсон вскочил и наклонился вперед.

— Подождите! — сказал он, задыхаясь. — Это мне кое-что напомнило. Я вспомнил номер, напечатанный на моем чеке. Тринадцать. Роковое число. Помню, я с минуту разглядывал его, когда бармен мне его дал, как и любой на моем месте.

Бармен положил перед ними два чека.

— Да, вы правы, — сказал он. — Вот они. Но это два разных чека. Номер тринадцать — скотч и вода. А вот и «Розовый Джек», целых три, под номером семьдесят четыре, это чек Томми, из дневной смены, я знаю его почерк. И еще — с ней был какой-то парень. Три «Розовых Джека» и один ром, видите чек? Ни один нормальный человек не будет их смешивать.

— Значит... — мягко начал Берджесс.

— Значит, я просто не помню никакой женщины, даже если она и осталась до начала моей смены, потому что ее обслуживал Томми, а не я. Но если она и осталась, весь мой тридцатисемилетний опыт работы в баре говорит мне, что он не подходил и не разговаривал с ней, потому что с ней уже кто-то был. А еще весь мой тридцатисемилетний опыт говорит мне, что он был с ней до конца, потому что никто не будет брать три «Розовых Джека» по восемьдесят центов каждый, чтобы потом уйти ни с чем, а другой пусть придет на все готовенькое. — И он выразительно хлопнул мокрой тряпкой по стойке.

Голос Хендерсона дрожал:

— Но ведь вы помните, что я был здесь! Так почему же вы не можете вспомнить ее? На нее было гораздо приятнее посмотреть.

С железной логикой бармен ответил:

— Конечно, я вспомнил вас. Потому что я вижу вас снова, прямо перед собой. Приведите ее сюда точно так же, и, возможно, я вспомню. А так не могу.

Хендерсон вцепился обеими руками в край стойки, словно пьяный, которого не держат ноги. Берджессу удалось отцепить одну его руку. Он проворчал:

— Пойдемте, Хендерсон.

Но он, все еще цепляясь одной рукой, рванулся к бармену.

— Что вы делаете со мной? — простонал он. — Вы знаете, в чем меня обвиняют? В убийстве!

Берджесс быстро закрыл ему рот ладонью.

— Заткнись, Хендерсон! — коротко приказал он.

Его повели обратно. Он продолжал вырываться, чтобы вернуться в бар.

— Вы действительно вытащили тринадцатый номер, — вполголоса проворчал один из полицейских, когда они, плотно зажав Хендерсона с обеих сторон, как в тиски, оказались на улице.

— Даже если мы обнаружим, что она была с вами вчера вечером где-то еще, это будет слишком поздно для вас, — предупредил его Берджесс, когда они ждали водителя такси, которого должны были найти и привезти. — Нас интересует время до шести семнадцати. Но интересно, объявится ли она вообще, и если да, то насколько позже. Поэтому мы повторим все ваши передвижения за тот вечер, с начала до конца, шаг за шагом.

— Она появится, должна появиться! — настаивал Хендерсон. — Хоть кто-нибудь должен ее вспомнить, в том или другом месте, где мы были. А потом, когда вы таким образом до нее доберетесь, она сама сможет рассказать вам, где и когда мы встретились.

Сотрудник, которого Берджесс отправил с заданием, вернулся и доложил:

— Компания «Санрайз» держит две машины около «Ансельмо». Я привез обоих водителей. Их зовут Бад Хаки и Эл Элп.

— Элп, — сказал Хендерсон. — Я пытался вспомнить это забавное имя. Я говорил вам, мы оба посмеялись над ним.

— Пошлите сюда Элпа. А второму скажите, что он свободен.

В жизни Элп выглядел так же смешно, как на водительском удостоверении, даже еще смешнее, так как в жизни он был исполнен в цвете.

Берджесс спросил:

— Вы вчера ездили от вашей стоянки до ресторана «Мезон Бланш»?

— «Масон Бланч», «Масон Бланч». — Поначалу он слегка колебался. — Я сажаю и высаживаю за ночь столько народу... — Затем ему на помощь пришел его собственный метод оживления памяти. — «Масон Бланч», в хорошую погоду примерно шестьдесят пять центов, — пробормотал он про себя, потом сказал уже нормальным голосом: — Ну да, конечно! Вчера вечером у меня была поездка на шестьдесят пять центов, между двумя пустышками по тридцать центов.

— Посмотрите внимательно. Есть здесь кто-нибудь, кого вы туда возили?

Его глаза скользнули по лицу Хендерсона. Затем он отвернулся:

— Этот, что ли?

— Мы спрашиваем вас, а не вы нас.

Вопросительное выражение исчезло с лица.

— Это он.

— Он был один или с кем-нибудь еще?

Таксист с минуту молчал. Затем он медленно покачал головой:

— Нет, не помню я, чтобы с ним был кто-то еще. Кажется, он был один.

Хендерсон пошатнулся, словно неожиданно подвернул ногу:

— Но вы должны были видеть ее! Она села первая и вышла первая, как полагается женщине.

— Тс-с, тише, — сказал Берджесс.

— Женщина? — удрученно переспросил водитель. — Я помню вас. Я прекрасно помню вас, потому что я поцарапал крыло, когда подъезжал к вам.

— Да-да, — нетерпеливо согласился Хендерсон, — может быть, поэтому вы и не видели, как она садилась, вы же смотрели в другую сторону. Но когда мы приехали, вы наверняка...

— Когда мы приехали, — упрямо сказал водитель, — я не смотрел в другую сторону, ни один таксист не будет отворачиваться, когда с ним расплачиваются. И я не видел, чтобы она выходила из машины. Что вы на это скажете?

— Мы не выключали свет всю дорогу, — умолял Хендерсон, — как же вы не видели ее, если она сидела прямо за вами? Вы должны были видеть ее отражение в боковом зеркальце или даже в переднем стекле...

— Теперь я абсолютно уверен, — сказал водитель. — Я больше не сомневаюсь. Я работаю в такси восемь лет. Если в салоне горел свет, значит, вы были один. И ни разу не было, чтобы кто-то ехал с дамой и при этом не выключил свет. Если в машине горит свет, я готов поспорить, что парень сзади один.

Хендерсон едва мог говорить. Ему казалось, что он вот-вот задохнется.

— Но как же вы помните мое лицо и не помните ее?

Берджесс вмешался, прежде чем водитель успел ответить:

— Вы сами не помните ее лица. Вы провели с ней целых шесть часов, как вы утверждаете. А он двадцать минут сидел к ней спиной. — Он закончил разговор. — Хорошо, Элп. Значит, таковы ваши показания.

— Таковы мои показания. Когда вчера вечером я отвозил этого человека, с ним никого не было.

Они застали «Мезон Бланш» в неприбранном виде. Скатерти со столов были сняты, последние припозднившиеся посетители уже ушли. Персонал ужинал на кухне, судя по стуку посуды и звяканью серебра, доносившимся оттуда.

Они присели за один из пустых столов, придвинув стулья. Со стороны они походили на призраков, собравшихся на свой пир и не нуждающихся ни в еде, ни в посуде.

Метрдотель так привык кланяться посетителям, что поклонился и сейчас, хотя его рабочий день уже закончился. Поклон получился не такой, какой следует, так как он уже снял воротничок и галстук и что-то жевал.

Берджесс спросил:

— Вы видели раньше этого человека?

Черные точки глаз уставились на Хендерсона. Ответ был резким, как щелчок пальцев:

— Да, конечно.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Вчера вечером.

— Где он сидел?

Он безошибочно указал на столик в нише:

— Вон там.

— Хорошо, — сказал Берджесс, — дальше.

— Что «дальше»?

— Кто был с ним?

— Никого с ним не было.

Хендерсон ощутил, как на лбу выступил пот.

— Вы же видели, как она вошла через минуту-другую после меня и присоединилась ко мне. Вы видели, что она весь обед сидела рядом со мной. Вы не могли не видеть. Один раз вы даже подошли к нам, поклонились и спросили: «Все в порядке, мсье?»

— Да. Это входит в мои обязанности. Я подхожу к каждому столику по крайней мере один раз за вечер. Я очень хорошо помню, как подходил к вам, потому что вы выглядели, как бы это сказать, не очень довольным. И я очень четко помню два свободных стула по обе стороны от вас. Кажется, я даже поправил один. Вы сами повторили мои слова. А раз я сказал «мсье», а именно так я и сказал, это, несомненно, значит, что с вами никого не было. Когда за столом леди и джентльмен, к ним обращаются «мсье-и-мадам». Это правило. — Черные точки его зрачков напоминали крупную дробь, намертво застрявшую на его лице. Он повернулся к Берджессу: — Если вы еще сомневаетесь, я могу показать список предварительных заказов за прошлый вечер. Вы сможете убедиться сами.

Берджесс сказал, преувеличенно растягивая слова, что у него означало одобрение:

— Думаю, нам это не помешает.

Метрдотель пересек зал, открыл ящик буфета и принес книгу записей. Он не выходил из комнаты, ни на секунду не исчезал из поля зрения. Он вручил книгу так, как взял ее, — не открывая. Они сами открыли ее. Он сказал только:

— Дата стоит сверху.

Все, кроме него самого, склонились над книгой. Он безучастно стоял в стороне. Записи велись простым карандашом, но этого было достаточно. Страница была озаглавлена: «20.5. Вторн.». Она была перечеркнута из угла в угол большим крестом, и это показывало, что она закончена. Но разбирать записи это не мешало.

На странице в столбик было записано девять или десять имен. Они шли в таком порядке:

стол 18 — Роджер Эшли, 4 чел. (вычеркнуто)

стол 5 — миссис Рэйберн, 6 чел. (вычеркнуто)

стол 24 — Скотт Хендерсон, 2 чел. (вычеркнуто).

Около третьего имени в скобках стояло «(1)».

Метрдотель пояснил:

— Это говорит само за себя. Если строчка зачеркнута, значит, заказ выполнен полностью, пришли все. Если не зачеркнута, значит, никто так и не пришел. А если строка не зачеркнута, но рядом стоит цифра, это значит, что пришли не все, другие еще должны подойти. Эти пометки в скобках я делаю только для себя, чтобы знать, куда идет тот или иной посетитель, и не задавать лишних вопросов. Не важно, если кто-то придет только к десерту, как только появляется последний, я сразу вычеркиваю эту строку. То, что вы видите здесь, означает, что мсье заказал столик на двоих и пришел сам, а его дама так и не появилась.

Берджесс провел чувствительными кончиками пальцев по этой части страницы, нащупывая подчистки.

— Текстура не тронута, — сказал он.

Хендерсон со стуком поставил локти на стол и уронил голову на руки.

Метрдотель взмахнул руками:

— Я доверяю этой книге. Эта книга говорит мне, что мистер Хендерсон вчера был здесь один.

— В таком случае нам она говорит то же самое. Запишите его имя, адрес и все такое на случай, если понадобятся дополнительные показания. Хорошо, давайте следующего. Митри Малофф, официант, обслуживающий этот столик.

Перед глазами Хендерсона мелькали действующие лица, и только. Этот сон, эта странная шутка, или что это было на самом деле, продолжалось.

Это уже превращалось в комедию. Если не для него, то, во всяком случае, для остальных. Вновь вошедший бросил взгляд на детектива, который что-то записывал. Он скрестил большой и указательный пальцы, как в старой рекламе тоника для волос.

— Нет, нет, прошу прощения, шельтмены. Мое имя пишется с «Д», только «Д» не мое.

— Тогда какой в этом «Д» смысл? — спросил один из них у своего соседа.

— Меня не волнует, как именно оно пишется, — сказал Берджесс. — Вот что я хочу знать: вы обслуживаете столик номер двадцать четыре?

— Все столики в этом зале, от десятого и до двадцать восьмого, мои.

— Вы вчера обслуживали этого человека за двадцать четвертым столиком?

Он будто бы вел светскую беседу.

— Ну да, конечно! — просиял он. — Добрый вечер! Как вы поживаете? Вы скоро прийти к нам опять, я надеюсь!

Очевидно, он не догадывался, что перед ним полицейские.

— Не придет, — жестко сказал Берджесс. Он хлопнул ладонью по столу, чтобы прервать поток любезностей. — Сколько человек сидело за столом, когда вы его обслуживали?

Официант казался озадаченным, как человек, который хочет сделать как лучше, но не может взять в толк, чего от него хотят.

— Он, — сказал он. — Он, и не один польше.

— И никакой леди?

— Никакой леди. Какой леди? — И он добавил с невинным видом: — А что? Он потерять какую-то леди?

Послышался стон. Хендерсон приоткрыл рот и судорожно вздохнул, словно ему причинили невыносимую боль.

— Именно.

— Вот-вот, именно что потерял, — подхватил один из них.

Официант понял, что попал в точку, застенчиво поморгал, но так, очевидно, и не понял, чем так угодил им.

Хендерсон заговорил каким-то жалким, потеряннным голосом:

— Вы отодвинули для нее стул. Вы открыли меню и положили перед ней. — Он постучал пальцами по своему лбу. — Я видел, как вы это делали. Но нет — выходит, вы ее не видели.

Официант принялся уговаривать его с восточноевропейским дружелюбием и бурной жестикуляцией, без малейшей враждебности.

— Я отодвигаю стул, да, когда для этого стула есть леди. Но если леди нет, зачем я буду двигать стул? Вы думаете, я буду двигать стул, чтобы на нем сидел воздух? Если нет лица, вы думаете, я открою меню и положу перед ним?

Берджесс сказал:

— Вы разговариваете с нами, а не с ним. Он арестован.

Не умолкая ни на секунду, официант продолжал, только повернув голову в другую сторону:

— Он оставил чаевые за полтора человека. Разве с ним могла быть леди? Вы думать, что я буду с ним любезен сегодня, если вчера он был здесь вдвоем и оставил чаевых только за одного с половиной? — Его славянские глаза горели. Он вспыхнул при одной мысли об этом. — Вы думать, я забываю в спешке? Я все помню две недели. Ха! Вы думать, я стану его приглашать заходить почаще? Ха! — Он воинственно фыркнул.

— Сколько это — за одного с половиной? — спросил Берджесс с шутливым любопытством.

— За одного — тридцать центов. За двоих — шестьдесят центов. Он давать мне сорок пять центов, это чаевые за полтора человека.

— А вам не могли дать сорок пять центов за двоих?

— Никогда! — возмущенно выдохнул он. — Если мне так дают, я делаю так. — Он взял со стола воображаемый поднос, едва касаясь его пальцами, словно какой-то заразы. Он зловеще уставился на воображаемого клиента, выбрав Хендерсона. Он смотрел на него долго, пока тот не вздрогнул. Потом его пухлая нижняя губа оттопырилась, он попытался изобразить кривую насмешливую ухмылку. — Я говорю: «Спасибо, сор. Очень, очень большое спасибо. Вы уверены, что это вам по карману?» И если с ним дама, он чувствовать себя стыдно и давать больше.

— Еще бы, — согласился Берджесс. Он повернулся к Хендерсону: — Сколько, вы говорите, вы оставили?

Ответ Хендерсона был еле слышен:

— Как он сказал. Сорок пять центов.

— Вот еще что, — сказал Берджесс. — Чтобы довести дело до конца. Я бы хотел видеть счет за этот обед. Вы их храните?

— Счета у управляющего. Спросите у него.

Лицо официанта было исполнено достоинства, словно он был твердо уверен, что правда восторжествует.

Хендерсон неожиданно выпрямился, его безразличие куда-то исчезло.

Управляющий сам принес счета. Они были собраны в пачки и хранились в маленьких закрытых папках, по одной на каждый день, видимо чтобы упростить ежемесячный баланс. Они без труда нашли нужный счет. Он гласил: «Стол 24. Официант 3. Табльдот — 2,25». Внизу стоял бледно-красный овальный штамп: «Оплачено — 20 мая».

В папке за этот день лежали еще два счета, с двадцать четвертого стола. Один — «1 чай — 0,75», это днем, до обеда, и другой счет за обед на четверых, эти люди пришли поздно вечером, перед самым закрытием.

Им пришлось помочь Хендерсону дойти до машины. Он шел в каком-то оцепенении. Ноги плохо слушались его. И вновь, как во сне, скользили мимо нереальные, похожие на силуэты, дома и улицы.

Вдруг он не выдержал:

— Они лгут, они убивают меня, все вместе. Что я только им сделал?

— Знаете, что мне все это напоминает? — сказал один из полицейских, ни к кому не обращаясь. — Такие картинки, которые на экране растворяются прямо у вас на глазах. Бердж, вы когда-нибудь видели их?

Хендерсон непроизвольно вздрогнул и опустил голову.

Представление было в полном разгаре, и в маленький, заставленный кабинет доносились приглушенные звуки музыки, смех, иногда аплодисменты.

Управляющий сидел у телефона. Дела шли хорошо, и он старался произвести приятное впечатление, посасывая сигару и откинувшись назад во вращающемся кресле.

— Нет никакого сомнения, что было оплачено два места, — вежливо говорил управляющий. — Но я могу сказать вам, что рядом с ним никто не сидел. — Он неожиданно замолчал и озабоченно сказал: — Ему сейчас станет плохо. Пожалуйста, уведите его скорей, я не хочу никакой суеты во время представления.

Они открыли дверь и наполовину вывели, наполовину вытащили Хендерсона на улицу, он согнулся настолько, что едва не падал.

Послышались обрывки песенки:

Чика-чика, бум-бум,

Чика-чика, бум-бум.

— О, не надо, — в ужасе взмолился он. — Я больше не могу!

Он плюхнулся на заднее сиденье полицейского седана, стиснул руки и вцепился в них зубами, будто боясь сойти с ума.

— Почему бы вам не признать, наконец, что не было никакой дамы, — попытался убедить его Берджесс. — Разве вы не видите, насколько бы это все упростило?

Хендерсон хотел было ответить ему ровным, спокойным голосом, но его била дрожь.

— А вы знаете, что было бы потом, если бы я согласился, если бы я мог согласиться с тем, в чем вы меня убеждаете? Я бы потерял рассудок. Я бы всю оставшуюся жизнь не мог бы быть уверен ни в чем. Нельзя взять какой-нибудь факт, про который вы точно знаете, что это правда, такая же правда, как то, что меня зовут Скотт Хендерсон, — он хлопнул себя по бедру, — как то, что это моя собственная нога, и позволить себе усомниться в этом, отрицать это и при этом не спать. Она была рядом со мной в течение шести часов. Я касался ее руки. Я держал ее под руку. — Он протянул руку и ущипнул Берджесса за мускулистое плечо. — Шорох ее платья. Слова, которые она произносила. Вмятина на спинке ее стула, когда она наклонялась. Легкое покачивание такси, когда она выходила из него. Куда девался ликер, который я видел своими глазами, когда она подносила к губам стакан? Когда она поставила стакан на стол, он был пуст. — Скотт стукнул кулаком по колену — раз, другой, третий. — Она была, была, была! — Он чуть не плакал, лицо его сморщилось. — А теперь все пытаются доказать, что ее не было!

Машина скользила сквозь невероятный мир, по которому они путешествовали весь вечер.

Затем он сказал то, что вряд ли кто-нибудь из задержанных говорил до него. Сказал искренне, желая этого всей душой:

— Я боюсь, отвезите меня обратно в камеру, прошу вас, ребята, пожалуйста. Отвезите меня обратно. Я хочу, чтобы вокруг меня были стены, которые можно потрогать руками. Толстые, крепкие, которые никуда не денутся!

— Он весь дрожит! — с каким-то холодным удивлением заметил один из полицейских.

— Ему необходимо выпить, — сказал Берджесс. — Останови-ка: пусть кто-нибудь из вас пойдет и принесет ему немного виски. Я не могу видеть, как человек мучается.

Хендерсон выпил залпом, едва не поперхнувшись. Затем откинулся на сиденье.

— Отвезите меня обратно, отвезите меня обратно, — упрашивал он.

— У него мания преследования, — хихикнул один.

— Вот что бывает, когда пытаешься вызвать привидение.

Больше ничего не было сказано до тех пор, пока они не вышли из машины и не поднялись по ступенькам полицейского управления. Берджесс подхватил Хендерсона под руку, когда он оступился.

— Постарайтесь хорошенько выспаться ночью, Хендерсон, — сказал он, — и найдите хорошего адвоката. Вам нужно и то и другое.

Глава 5

Девяносто один день до казни

— ...Вы слышали, как защита пыталась утверждать, что обвиняемый встретил некую женщину в баре под названием «Ансельмо» в десять минут седьмого в тот вечер, когда было совершено убийство. Другими словами, через две минуты сорок пять секунд после того момента, когда, как установило полицейское расследование, жертва была убита. Очень умный ход. Вы можете убедиться, уважаемые члены жюри, леди и джентльмены, что, если он находился в баре «Ансельмо», на Пятидесятой улице, в десять минут седьмого, он не мог находиться в своей квартире за две минуты сорок пять секунд до того. Никто не смог бы преодолеть расстояние от дома до бара за такой промежуток времени. Даже если бы он воспользовался не парой ног, а четырьмя колесами, парой крыльев или даже пропеллером. И я опять повторяю, очень умный ход. Но не достаточно умный.

Согласитесь, было бы очень кстати, если бы он совершенно случайно встретил женщину именно в этот, а не в какой-нибудь другой вечер. Можно было бы подумать, будто у него родилось предчувствие, что ему очень пригодится встреча в этот самый вечер. Странная вещь эти предчувствия, не правда ли? Вы слышали, что, отвечая на мои вопросы, подсудимый признался, что раньше у него не было привычки заговаривать где-либо с незнакомыми женщинами. За все время своей супружеской жизни он ни разу не сделал ничего подобного. Ни разу, заметьте. Это не мои слова, это слова обвиняемого. Леди и джентльмены, вы это слышали сами. Такая мысль не приходила ему в голову вплоть до рокового вечера. Это было не в его характере, это было чуждо ему. И все же мы теперь должны поверить, что в этот единственный вечер он повел себя именно так. Замечательное совпадение, а? Только...

Долгая пауза.

— Где эта женщина? Мы все с нетерпением ждали ее. Почему нам ее не показывают? Что мешает этому? Эту женщину доставили в суд? — Обвинитель неожиданно ткнул указательным пальцем в сторону одного из членов жюри: — Вы ее видели? — Он повернулся к другому: — Или вы? — К третьему, во втором ряду: — Или вы? — Он беспомощно развел руками. — Кто-нибудь из нас видел ее? Хотя бы раз за все время от начала процесса она заняла место в кресле для свидетеля? Нет, леди и джентльмены, конечно же нет. Потому что...

Еще одна длинная пауза.

— Потому что такой женщины нет в природе. И никогда не было. Защита не может вдохнуть жизнь в плод чьего-то воображения, в риторическую фигуру, в туманность, в ничто. Только Господь Бог может создать взрослую женщину, во плоти и в натуральную величину. И даже Ему потребуется для этого восемнадцать лет, а не две недели.

Смех в зале суда. Короткая одобрительная улыбка обвиняющей стороны.

— Этот человек борется за свою жизнь. Если бы такая женщина существовала, неужели вы думаете, они поленились бы привести ее сюда? Неужели они не позаботились бы, чтобы она сделала свое дело и рассказала то, что знает, в нужный момент? Несомненно, они бы постарались, если...

Драматическая пауза.

— Если бы существовала такая женщина. Давайте пока оставим это. Мы с вами находимся в зале суда, далеко от тех мест, куда, по его уверениям, они заходили в тот вечер. Это было больше месяца назад. Давайте послушаем тех, кто был там и тогда, где и когда, предположительно, находились обвиняемый с этой женщиной. Безусловно, они должны были видеть ее, если ее вообще кто-нибудь видел. Видели они ее? Вы слышали сами. Да, его они видели. Это вспоминают все, не важно, насколько ясно, не важно, насколько точно, но они видели Скотта Хендерсона в тот вечер. Но только его, как будто все они ослепли на один глаз. Леди и джентльмены, вам не кажется это немного странным? Мне кажется. Когда люди бывают где-то вдвоем, возможно одно из двух: либо окружающие потом не могут вспомнить никого из них, либо если вспоминают

одного, то вспоминают и другого. Как человеческий глаз может видеть одного и не видеть другого, если другой в это время находится рядом с первым? Это противоречит законам оптики. Я не могу этого понять. Меня это ставит в тупик.

Он смущенно пожал плечами:

— Я готов выслушать любые предположения. Я и сам сделаю несколько. Может быть, ее кожа в некотором роде прозрачна, так что пропускает свет, потому что они смотрели сквозь нее, не замечая...

Общий смех.

— Или, может быть, ее просто с ним не было. Нет ничего более естественного, чем то, что они не могли ее видеть, если ее в тот момент там не было.

Голос и манеры обвинителя изменились. Теперь он казался суровым.

— Стоит ли продолжать? Давайте будем серьезнее. Обвиняемому угрожает смертная казнь. Я не хочу делать из этого фарс. Но защита, кажется, не прочь. Давайте оставим гипотезы и теории и вернемся к фактам. Давайте не будем говорить о призраках и невидимых духах, о миражах и галлюцинациях. Давайте вместо этого поговорим о женщине, чье существование никогда ни у кого не вызывало сомнений. Марселлу Хендерсон знали живой, а потом ее совершенно отчетливо видели мертвой. Она не была призраком. Она была убита. Фотографии, сделанные полицией, свидетельствуют об этом. Это первый факт. Все мы видим этого человека на скамье подсудимых. Вот он сидит как обычно, низко опустив голову... нет, сейчас он поднял ее и вызывающе смотрит на меня. Он обвиняется в убийстве. Это второй факт.

В нарочито доверительной форме он обратился к присутствующим:

— Я предпочитаю факты, а не фантазии. А вы, леди и джентльмены? С фактами гораздо легче иметь дело.

А третий факт? Есть и третий факт. Он убил ее. Да, это такой же конкретный, несомненный факт, как и первые два. И каждая деталь убийства — тоже факт, уже доказанный в этом зале. Мы не призываем вас поверить в призраков, духов и галлюцинации, как защита. — Он повысил голос. — У нас есть документы, письменные показания и свидетельства очевидцев на каждое сделанное нами заявление, по каждому этапу! — Он обрушил разящий кулак на барьер, отделявший присяжных.

Выразительная пауза. Затем он продолжал более спокойно:

— Вы уже знакомы с обстоятельствами, с обстановкой в доме, непосредственно предшествовавшей убийству. Сам обвиняемый не отрицает их достоверности. Вы слышали, что он подтвердил это; возможно, под нажимом, не очень охотно, но все же подтвердил. Не было сделано ни одного заявления, не соответствующего истине: если вы не верите моим словам, то поверьте ему самому. Вчера, когда он был вызван для дачи показаний, я спросил его об этом, и вы слышали его ответ. С вашего позволения, я коротко напомню вам эти обстоятельства.

Скотт Хендерсон влюбился в другую девушку. Здесь он находится вовсе не за это. Девушка, которую он полюбил, не вызвана в суд. Вы заметили, что в этом зале ее имя не было упомянуто. Ее не вызвали в качестве свидетельницы, не заставили давать показания, не вовлекли в дело, связанное с жестоким, непростительным убийством. Почему? Потому что она этого не заслуживает. Она не имеет к убийству ни малейшего отношения. Мы не ставим себе целью наказывать невинных в зале суда, мы не хотим ослабить ее и подвергнуть неминуемым унижениям. Преступление совершил он — человек, которого вы тут видите, — и только он. А не она. Она не виновна. Ее допрашивали, и полиция и обвинение и сняли с нее все подозрения в том, что она как-то была связана с преступлением, или подстрекала к нему, или просто знала о нем заранее. Она уже достаточно пострадала без всякой вины. По этому вопросу обвинение и защита пришли к полному согласию. Нам известно ее имя и прочие необходимые данные, но во время процесса мы называли ее «эта девушка» и впредь будем так называть.

Итак. Он уже был опасно влюблен в «эту девушку», когда решил сказать ей, что женат. Даже я сказал «опасно» — с точки зрения его жены. «Эта девушка» не захотела продолжать знакомство с ним при подобных обстоятельствах. Она была и остается замечательным, порядочным человеком; у всех, кто разговаривал с ней, сложилось именно такое впечатление. И у меня в том числе. Она прекрасное создание, которому очень не повезло, ей встретился недостойный человек. Итак, как я уже сказал, она не захотела продолжать этого знакомства. Она не хотела

причинять кому-то боль. Он понял, что не может сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Очень хорошо. Он пошел к жене и предложил ей развестись с ним. Совершенно хладнокровно, просто предложил. Она отказалась дать ему развод. Почему? Потому что для нее брак был священным установлением. А не просто мимолетной связью, которую можно разорвать по первому капризу. Странная женщина, не правда ли?

Когда он рассказал «этой девушке», та заявила, что им следует забыть друг о друге. Но он не хотел и думать об этом. Он оказался перед дилеммой. Его жена не хотела лишиться его, а он не хотел лишиться «этой девушки».

Он подождал удобного момента и попробовал еще раз. И если способ, к которому он прибегнул в первый раз, можно назвать хладнокровным, то что можно сказать о способе, который он избрал во второй раз? Он решил устроить ей развлечение, вроде того, что устраивает торговец для провинциального заказчика, с которым надеется заключить сделку. Это должно дать вам некоторое представление о его характере, леди и джентльмены, это должно показать вам, что за человек перед вами. Вот чего, в его глазах, стоит расстроившийся брак, разрушенный домашний очаг, покинутая жена. Всего-навсего жалкой увеселительной прогулки.

Он купил два билета в театр, он заказал столик в ресторане. Он пришел домой и сказал ей, что поведет ее в театр. Она не могла понять его внезапной предупредительности. На какой-то момент ей показалось, что он подумывает о примирении. Она села к зеркалу и стала приводить себя в порядок.

Через некоторое время он вернулся в комнату и увидел, что она все еще сидит у туалетного столика и не собирается одеваться. Она начала догадываться о его истинных намерениях.

Она сказала, что не отступится. Она заявила ему в сердцах, что для нее домашний очаг значит больше, чем дежурный обед в ресторане и два билета на какое-то шоу. Другими словами, не дав ему и рта раскрыть, она во второй раз отказала ему в разводе. Это было для него уже слишком.

Он уже завершил свои приготовления. В руках он держал свой галстук, расправив его и собираясь повязать поверх рубашки. Но им овладел слепой, безрассудный гнев. Он понял, что жена обо всем догадалась и опередила его. И вместо того чтобы надеть галстук, он набросил его ей на шею, она не успела даже двинуться с места. Он туго затянул галстук, он закручивал его с невероятной жестокостью и силой — с желанием убить. Полицейские служащие рассказали вам, что им пришлось разрезать галстук, даже в нескольких местах, настолько сильно он впился в ее нежное горло. Вы когда-нибудь пробовали, леди и джентльмены, разорвать руками подобный галстук из семи слоев шелкового репса? Это невозможно, вы порежетесь о его острые как нож края, но не сможете разорвать его.

Она умерла. Она один или два раза взмахнула руками, в самом начале, и умерла. Убитая своим мужем — человеком, который когда-то поклялся любить и оберегать ее. Не забывайте этого.

Несколько долгих минут он удерживал ее в вертикальном положении перед зеркалом, позволяя ей, так сказать, полюбоваться на собственную агонию. Несколько очень долгих минут. Так что она давно уже была мертва, когда он отпустил ее, и она упала. И затем, когда он убедился, что жена умерла, умерла окончательно и бесповоротно, что она раз и навсегда ушла с его дороги, — что сделал он тогда?

Попытался ли он исправить содеянное, почувствовал ли угрызения совести, проявил ли хоть малейшие признаки раскаяния? Нет, и я скажу вам, что он сделал. Он спокойно продолжал одеваться в той самой комнате, где лежала она. Он достал другой галстук и надел его вместо того, которым задушил ее. Он надел пальто и шляпу и перед самым уходом позвонил «этой девушке». К счастью для нее — а это самое большое везение в ее жизни, — ее не было дома. Ей передали, что он звонил, только через несколько часов. И зачем же он звонил ей, когда его руки еще были влажны и дрожали после убийства собственной жены? Не в порыве раскаяния, не затем, чтобы признаться в содеянном и попросить у нее помощи или совета. Нет, нет. Он хотел использовать ее как слепое орудие, сделать из нее живое алиби. Он хотел пригласить ее в ресторан, где был заказан столик, и в театр, куда он купил билеты. Вероятно, он собирался перевести назад свои часы перед тем, как пойти на свидание, и как-нибудь обратить ее внимание на время, чтобы потом она с чистой совестью свидетельствовала в его пользу, уверенная, что говорит правду.

Итак, леди и джентльмены, перед вами убийца, не правда ли?

Но ему не повезло, он не смог дозвониться. Тогда он сделал следующую, единственно возможную вещь. Он отправился один, хладнокровно посетил все места, которые должен был посетить с женой, не пропустив ни единого пункта, и пробыл там от шести часов и до полуночи. В тот момент ему не пришло в голову сделать то, что, как он пытается нас убедить, он сделал: пригласить с собой первую встречную, а затем использовать ее для алиби. Он был слишком возбужден, слишком рассеян. Или же это пришло ему в голову, но он не решился, побоялся довериться незнакомому человеку, побоялся, что чем-то выдаст себя. Или, может быть, сообразил, что уже слишком поздно, слишком много времени прошло с тех пор, как он вышел из дому, и это теперь не поможет ему. Его живое алиби могло с легкостью обернуться против него же самого, едва лишь с момента преступления прошло больше десяти минут. С помощью искусно проведенного допроса можно было бы установить настоящее время, когда он встретился с ней, а не то время, в которое он бы хотел, чтобы мы поверили. Он обо всем этом подумал.

Что же в таком случае было бы лучше? Конечно же воображаемая спутница. Фантом, сопровождающий его, намеренно размытый, намеренно бесформенный, такой, чтобы мы никогда не смогли восстановить его историю и проверить, когда они встретились. Иными словами, что лучше подходило для его целей: неподтвержденное алиби или опровергнутое алиби? Решайте сами, леди и джентльмены. Недоказанное алиби всегда остается недоказанным, но оно все же оставляет некоторые сомнения. Опровергнутое алиби для него гораздо хуже, оно лишает его всякой защиты. Это было лучшее, что он мог сделать, лучшее, на что он мог рассчитывать, и он принял соответствующее решение.

Другими словами, он намеренно выдумал мифическую женщину, зная, что такой не существует, зная, что ее никогда не найдут, и это полностью соответствовало его желаниям, так как его фальшивое алиби имело хоть какую-то силу только в том случае, если эту женщину никогда не найдут.

В заключение, леди и джентльмены, позвольте мне задать один простой вопрос. Разве это естественно, разве это похоже на правду, что человек, чья жизнь зависит от того, сможет ли он вспомнить черты лица другого человека, оказывается не в состоянии припомнить хотя бы что-нибудь. Ничего! Он не может вспомнить ни цвета ее волос, ни цвета глаз, ни формы лица, ни роста, ни сложения — вообще ничего. Представьте себя на его месте. Могли бы вы забыть абсолютно все, если бы ваша жизнь зависела от этого? Инстинкт самосохранения — отличный стимулятор памяти, как вы знаете. Можно ли вообще поверить, что он так намертво забыл бы ее, если бы действительно хотел, чтобы ее нашли? Если она, конечно, вообще существует и ее можно найти.

Решайте сами.

Уважаемые члены жюри, леди и джентльмены, думаю, мне больше нечего сказать вам. Это простой случай. Вывод может быть только один, никаких сомнений быть не может.

Обвинитель торжественно провозгласил:

— Государство обвиняет человека, который находится перед вами, Скотта Хендерсона, в убийстве своей жены.

Государство требует его жизни взамен.

Обвинение закончено.

Глава 6
Девяносто дней до казни

- Обвиняемый, встаньте и повернитесь лицом к жюри.
 - Председатель жюри, встаньте.
 - Леди и джентльмены — члены жюри, вы вынесли вердикт?
 - Да, ваша честь.
 - Виновен ли обвиняемый в преступлении, за которое он привлечен к суду?
 - Виновен, ваша честь.
- Сдавленный голос со стороны скамьи подсудимых:
- О Боже мой — нет!

Глава 7

Восемьдесят семь дней до казни

— Подсудимый, хотите ли вы что-нибудь сказать, прежде чем вам зачитают приговор суда?

— Что можно сказать, когда вам говорят, что вы совершили преступление, а вы, и только вы знаете, что не совершали его? Кто здесь захочет вас услышать, кто здесь поверит вам?

Вы вот-вот скажете мне, что я должен умереть, и, если вы так скажете, значит, я умру. Я боюсь смерти не больше, чем любой другой. Но я боюсь смерти так же, как и любой другой. Умирать всегда нелегко, но еще тяжелее умирать по ошибке. Я умру не потому, что я что-либо сделал, а по ошибке. И это тяжелее всего. Когда мой час наступит, я постараюсь достойно встретить смерть. Это все, что мне остается.

Но сейчас я говорю вам, вам всем, тем, кто не хочет слушать и не верит мне: я этого не делал. Все решения всех жюри, вместе взятых, все судьи во всех судах, все на свете казни на всех электрических стульях не могут сделать белое черным.

Я готов выслушать приговор, ваша честь. Совершенно готов.

Голос со скамьи, с некоторым сочувствием:

— Я очень сожалею, мистер Хендерсон. Вряд ли мне прежде доводилось слышать столь убедительную, исполненную достоинства, мужественную речь из уст человека, ожидающего приговора. Но вердикт присяжных в данном случае не оставляет мне выбора. — Тот же голос, несколько громче: — Скотт Хендерсон, вы предстали перед судом и были признаны виновным в убийстве первой степени. Настоящим я приговариваю вас к смертной казни на электрическом стуле. Приговор будет приведен в исполнение в течение недели начиная с двадцатого октября охраной тюрьмы. Да смилуется над вами Бог.

Глава 8

Двадцать один день до казни

Низкий голос в коридоре, куда выходят камеры приговоренных к смертной казни:

— Здесь он, вот сюда. — И немного громче, перекрывая звон ключей: — К вам посетитель, Хендерсон.

Хендерсон не ответил и не пошевелился. Дверь открылась и снова закрылась. Длинная, неловкая пауза, пока они смотрели друг на друга.

— Полагаю, вы не помните меня.

— Люди обычно помнят тех, кто их убивает.

— Я не убиваю людей, Хендерсон. Я передаю людей, совершивших преступление, в руки тех, в чьи обязанности входит их судить.

— А потом вы заходите убедиться, что они не ускользнули, получить удовлетворение от того, что они все еще куда вы их отправили, отсчитывают день за днем, минуту за минутой. Вы, должно быть, волновались из-за меня. Что же, посмотрите. Я здесь. Жив и здоров. Можете быть счастливы.

— Ваши слова полны горечи, Хендерсон.

— Не очень-то сладко умирать в тридцать два года.

Берджесс не ответил. Никто не смог бы ответить. Он несколько раз мигнул, показывая, что понял. Он подошел к узкому окошку и выглянул наружу.

— Не ахти какой обзор, — сказал Хендерсон, не поворачивая головы.

Берджесс быстро отвернулся и отошел, словно окно вдруг захлопнулось перед ним. Он вытащил что-то из кармана и остановился перед койкой, на которой, скрючившись, сидел Хендерсон.

— Хотите сигарету?

Хендерсон насмешливо посмотрел на него:

— Что такое стряслось?

— Не надо так, — хрипло возразил детектив, продолжая протягивать пачку.

Наконец Хендерсон нехотя взял одну сигарету — не столько потому, что ему действительно хотелось курить, сколько для того, чтобы отодвинуться подальше. Взгляд его казался ожесточенным. Он демонстративно вытер белый цилиндрок о рукав, прежде чем сунуть его в рот.

Берджесс дал ему прикурить. Даже на этот жест Хендерсон ответил презрительным взглядом, глядя ему в лицо поверх язычка пламени:

— Что это значит, уже наступил день казни?

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете... — мягко начал Берджесс.

Хендерсон рывком приподнялся на койке.

— Вы понимаете, что я чувствую! — гневно воскликнул он. Он указал пальцем на ботинки детектива, осыпав их пеплом. — Ваши ноги могут идти куда хотят! — Он ткнул пальцем в свои ботинки. — А мои — нет! — Его рот искривился. — Уходите отсюда. Уходите. Идите, откуда пришли, и убейте еще кого-нибудь. Поймаете кого-нибудь свеженького. Я уже подержанный товар, отработанный материал.

Он снова откинулся назад, выпустив струйку дыма вдоль стены. Дым быстро добрался до спинки койки и вернулся к нему.

Они больше не смотрели друг на друга. Берджесс стоял молча, но не уходил. Наконец он произнес:

— Насколько мне известно, вашу апелляцию отклонили.

— Да, мою апелляцию отклонили. Теперь нет никаких препятствий, ничто больше не помешает, никто не погасит ритуальный костер. Теперь я качусь вниз на полной скорости, никто больше не остановит падения. Теперь людоеды не останутся голодными. Теперь они сделают все быстро, ловко и аккуратно. Отличная работа. — Он повернулся к своему собеседнику: — Почему у

вас такой скорбный вид? Жалеете, что нельзя продлить агонию? Жалеете, что я не могу умереть дважды?

Берджесс поморщился, словно ему попала скверная сигарета. Он наступил на окурок.

— Это удар ниже пояса, Хендерсон. Я ведь даже еще не показал вам кулак.

Какое-то время Хендерсон пристально смотрел на него, как будто только что заметил в его поведении нечто такое, чего до сих пор не мог разглядеть за красным туманом гнева, заставшим все его чувства.

— Что вы хотите сказать? — спросил он. — И что, вообще, привело вас сюда теперь, через несколько месяцев?

Берджесс потер затылок.

— Даже не знаю, как это объяснить. Странная вещь для сыщика, — признал он. — Конечно, моя работа закончилась, когда Большое жюри предъявило вам обвинение и вы предстали перед судом. Мне трудно говорить об этом, — беспомощно закончил он.

— Почему? Что тут трудного? Я всего лишь узник, приговоренный к смерти.

— Именно поэтому. Я пришел, чтобы... Я хочу сказать... — Он помолчал, а потом выпалил: — Я верю, что вы не виновны. Вот так, как бы там оно ни было. Я не верю, что вы это сделали, Хендерсон.

Молчание.

— Ну скажите же что-нибудь. Что вы так сидите и смотрите на меня!

— Я не знаю, что надо говорить, когда парень выкапывает тело, которое сам же помогал хоронить, и говорит: «Извини, старик, я ошибся». Вы лучше сами скажите за меня.

— Вы, наверное, правы. Действительно, что тут скажешь. И все же я утверждаю, что свою часть работы я выполнил хорошо. Не пропустил ни одного доказательства. Я скажу вам больше. Я бы проделал все это по второму разу, на следующий же день, если бы в этом возникла необходимость. Мои собственные чувства в расчет не принимаются, мое дело — работать с конкретными фактами.

— А что послужило причиной такого полного поворота? — спросил Хендерсон с некоторой долей иронии.

— Это трудно объяснить, трудно выразить словами, как и все остальное. Это был долгий процесс, я постепенно проникался этой мыслью в течение нескольких месяцев. Так же медленно, как вода просачивается сквозь фильтр. Я думаю, все началось в суде. Это был как бы обратный процесс. Все факты были представлены так, что они неумолимо свидетельствовали против вас. Но когда, уже позже, я мысленно вернулся к ним, то увидел все совсем в ином свете.

Я не знаю, поймете ли вы меня правильно. Фальшивые алиби всегда так тщательно продуманы, они такие гладкие, полны таких правдоподобных деталей. Ваше выглядело таким жалким, беспомощным. Вы не могли ровным счетом ничего вспомнить об этой женщине. Десятилетний ребенок справился бы с описанием лучше вас. И когда я сидел в задней комнате суда и слушал, до меня постепенно стало доходить: да ведь он говорит чистую правду! Любая ложь, какая бы то ни было, выглядела бы более полнокровной. Только человек, который ни в чем не виноват, может так последовательно лишать себя всех шансов, как это делали вы. Виновные ведут себя умнее. На карту была поставлена ваша жизнь, а вы смогли привести в свою защиту лишь два существительных и одно прилагательное. «Женщина», «шляпа», «оранжевая». И я сказал себе: «Как все это похоже на правду». Парень вне себя от ярости после домашнего скандала. В первом попавшемся баре он заговаривает с женщиной, которая его совершенно не интересует. Ко всему прочему на него обрушивается известие о том, что в его доме совершено убийство и ему предъявляют обвинение.

Он сделал выразительный жест.

— Что более вероятно — что он вспомнит незнакомку во всех подробностях или что даже то слабое впечатление, которое оставалось от нее, окончательно сотрется из памяти, оставив лишь пустое место?

Эта мысль долго не давала мне покоя. Я постоянно возвращался к ней, с каждым разом все больше убеждаясь в своей правоте. Однажды я уже собрался было прийти сюда, но решил вторично все обдумать. Потом я раз или два поговорил с мисс Ричмен...

Хендерсон вытянул шею:

— Я начинаю понимать, в чем дело.

Детектив тотчас резко оборвал его:

— Ничего вы не понимаете! Может быть, вы думаете, что это она пришла ко мне и в конце концов как-то на меня повлияла. Все было совсем не так. Я сам нашел ее и явился, чтобы поговорить с ней — чтобы сказать ей все то, что я сегодня сказал вам. С тех пор, не буду скрывать, она приходила ко мне несколько раз, но не в управление, а домой, и мы еще несколько раз обсуждали ваше дело. Но это ничего не значит. Ни мисс Ричмен, ни кто-либо другой не могут убедить меня в том, во что я сам не верю. Если я в чем-то меняю свое мнение, то только тогда, когда сам прихожу к определенному заключению, а не когда меня побуждают. Если я пришел сюда, то по своей собственной инициативе. Я пришел не потому, что она меня попросила. Она даже не знала, что я собираюсь сюда. Я и сам не знал, пока не пришел.

Он принялся расхаживать взад и вперед.

— Ну что же, я облегчил душу. Я не отказываюсь от собственных слов. Я сделал свою работу так, как должен был сделать при сложившихся обстоятельствах. Нельзя требовать от человека большего.

Хендерсон не отвечал. Он сидел, задумчиво разглядывая пол, и молча размышлял. Он выглядел значительно менее ожесточенным, чем в начале. Тень, отбрасываемая Берджессом, металась туда-сюда мимо него. Он не обращал на это никакого внимания.

Наконец тень перестала двигаться, и он услышал звяканье мелочи во внутреннем кармане.

Задумчиво поигрывая монетами, Берджесс произнес:

— Вам нужно найти кого-нибудь, кто бы мог помочь вам. Кто мог бы полностью посвятить себя вашим делам. — Он снова побренчал деньгами. — Я не могу, у меня есть работа. О, я знаю, что во всяких там фильмах существуют славные детективы, которые готовы бросить все и действовать в одиночку. У меня жена и дети. Я дорожу своей работой. В конце концов, мы с вами чужие люди.

Хендерсон не повернул головы.

— Я и не просил вас, — тихо пробормотал он.

Берджесс наконец перестал бренчать и приблизился к нему.

— Найдите кого-нибудь, кто был бы близок вам, кто много значит для вас, — он сжал кулак и поднял его, словно давая клятву, — и я помогу ему всем, чем могу.

В первый раз за все время Хендерсон поднял взгляд, затем вновь опустил его. Он произнес всего лишь одно слово, без всякого воодушевления:

— Кто?

— Кто-нибудь, кто возьмется за это со страстью, с верой, с пылом. Кто сделает это не ради денег и не ради карьеры. Кто сделает это ради вас, потому что вы Скотт Хендерсон, и только поэтому. Потому что вы его друг, потому что он любит вас, потому что он скорее умрет сам, чем допустит, чтобы умерли вы. Кто не признает поражения, даже если оно неминуемо. Кто не согласится, что слишком поздно, даже если будет слишком поздно. Вот какой человек вам нужен — ни больше ни меньше. Только такой человек сможет помочь вам. — Произнося эти слова, он положил руку на плечо Хендерсона, словно совершая обряд посвящения. — Я знаю, ваша девушка обладает всеми необходимыми качествами. Но она всего лишь девушка. У нее есть чувство, но нет опыта. Она сделает все, что можно, но этого недостаточно.

Мрачное выражение лица Хендерсона немного смягчилось, в первый раз с начала разговора. Он взглянул на детектива с признательностью, которая, конечно, относилась к девушке.

— Я так и думал, — пробормотал он.

— Здесь нужен мужчина. Кто-нибудь, кто хорошо разбирается в жизни. И кто относится к вам так же, как ваша девушка. У вас наверняка есть такой друг. У каждого в жизни найдется хоть один друг.

— Да, когда жизнь только начинается. И у меня были такие друзья, я думаю, как и у каждого. Но по мере того, как вы становитесь старше, друзья понемногу теряются. Особенно когда вы женитесь.

— Они не перестают быть вашими друзьями в том смысле, какой я имею в виду, — настаивал Берджесс. — И не важно, продолжаете вы поддерживать отношения или нет. Тот, кто был вашим другом, останется им навсегда.

— Есть один парень, с которым мы когда-то были как братья, — признался Хендерсон, — но это было давно...

— Для дружбы нет срока давности.

— И кроме того, сейчас его здесь нет. Когда мы виделись с ним в последний раз, он сказал мне, что на следующий день уезжает в Южную Америку. Он подписал контракт на пять лет с какой-то нефтяной компанией. — Хендерсон посмотрел на детектива, наклонив голову. — Несмотря на свою профессию, вы, пожалуй, сохранили кое-какие иллюзии, а? Ведь мне придется попросить его кое о чем, не так ли? Трудно надеяться на то, что человек вернется, проделав три тысячи миль и поставив под угрозу свое ближайшее будущее, чтобы прийти на помощь другу по первой же просьбе. Причем, заметьте, бывшему другу. Не забывайте, с годами люди становятся более толстокожими. Идеализм слезает, как шелуха. Тридцатидвухлетний мужчина для вас уже не такой близкий друг, каким был двадцатипятилетний парень, да и вы для него тоже.

Берджесс больше не возражал.

— Скажите мне лишь одну вещь. Он сделал бы это ради вас раньше?

— Раньше бы сделал.

— Если он сделал бы это когда-то, значит, сделает и сейчас. Я еще раз говорю вам: для настоящей преданности не существует срока давности. Если он не сделает этого сейчас, значит, не сделал бы и раньше.

— Но испытание слишком суровое. Вы поднимаете планку слишком высоко.

— Если для этого парня пятилетний контракт значит больше, чем жизнь друга, — возразил Берджесс, — значит, он вам вообще не друг. А если так, то он не тот человек, который вам нужен. Почему бы не дать ему шанс пройти эту проверку, а потом уже говорить, что он сделает, а что нет?

Он вытащил из кармана записную книжку, вырвал чистый лист и положил его на колени, упершись кончиком ботинка в стену.

Телеграмма 29 22—20 сент.

Ночной тариф

Джону Ломбарду

Компания «Петролеа судамерикана»

Правление, Каракас, Венесуэла

Осужден за убийство Марселлы после твоего отъезда единственный свидетель может оправдать меня если его найдут мой адвокат исчерпал свои возможности прошу тебя приехать больше обратиться не к кому шансов больше нет приговор будет исполнен третью неделю октября апелляция отклонена надеюсь твою помощь *Скотт Хендерсон*

Глава 9 Восемнадцать дней до казни

Он еще сохранил загар, приобретенный в теплых широтах. Он приехал так быстро, что не успел расстаться с ним. Люди в наши дни путешествуют так стремительно, что насморк, подхваченный на Западном побережье, сопровождает их до Восточного, а трехдневного нарыва на шее хватает от Рио-де-Жанейро до Ла-Гардиа-Филд.

Он казался примерно одних лет с Хендерсоном, с тем Скоттом Хендерсоном, который существовал раньше, пять или шесть месяцев назад, а не с нынешним, лицо которого превратилось в застывшую маску, для которого часы, проведенные в камере, превратились в годы.

На нем была еще та же одежда, что и в Южной Америке. Белоснежная панама смотрелась сейчас совсем не по сезону, и серый фланелевый костюм — слишком легким, да и был таковым для американской осени. Он замечательно бы смотрелся под палящим солнцем Венесуэлы.

Ломбард был среднего роста и при этом очень подвижным, абсолютно не стесненным в движениях. Он явно принадлежал к числу тех, кто всегда бежит за уходящим трамваем, даже если тот уже отошел на целый квартал, так как им не составляет труда догнать его. Костюм был новый, но не производил впечатление аккуратного. Усики не мешало бы слегка подстричь, а галстук казался давно не глаженным: концы закручивались в трубочку. В целом его легче представить себе во главе большого отряда работы или склонившимся над чертежной доской, чем танцующим с дамами где-нибудь на балу. Во всем его облике была какая-то основательность, если вообще можно доверять внешнему облику. Он был, как часто говорится в наши дни всеобщей классификации, настоящим мужчиной.

— Как он держится? — понизив голос, спросил Ломбард охранника, который вел его по коридору.

— Ничего. — Подразумевалось: «А чего вы ожидали?»

— Ничего, да? — Ломбард покачал головой и пробормотал: — Бедняга.

Охранник подошел к двери и уже отпирал ее.

Ломбард на секунду задержался, откашлялся, как бы желая смягчить свой голос, затем взглянул на уголок решетки. Ему все же удалось выдавить улыбку, он вошел в камеру и протянул руку так, словно они случайно встретились в холле отеля «Савой-Плаза».

— Рад тебя видеть, Хенди, старина, — медленно проговорил он. — Что ты тут делаешь, решил подшутить над нами?

От ожесточенности, с которой Хендерсон встретил детектива, не осталось и следа. Сразу было видно, что пришел его старый друг. Его нахмуренное лицо прояснилось. Он ответил дружеским тоном:

— Я теперь здесь живу. Как тебе нравится?

Они стояли не разнимая рук, словно это было выше их сил. Они продолжали так стоять, когда охранник уже запер дверь и ушел.

Этим рукопожатием они успели многое сказать, хотя и не вслух, но безошибочно понимая друг друга.

Хендерсон говорил с теплой признательностью:

— Ты пришел. Ты появился. Значит, все, что говорят о настоящей дружбе, — не полная ерунда.

И Ломбард отвечал ему горячим, ободряющим взглядом.

— Я с тобой. И будь я проклят, если им удастся это сделать.

Потом, в течение первых минут, они избегали говорить о главном. Они говорили обо всем, кроме того, о чем им хотелось. Ими овладела какая-то неловкость, неуверенность, как это часто бывает, когда одна-единственная тема оказывается слишком животрепещущей и прикосновение к ней болезненно, как к незатянувшейся, кровоточащей ране.

Поэтому Ломбард сказал:

— Знаешь, я весь пропитался пылью, пока добрался туда.

И Хендерсон подхватил:

— Ты хорошо выглядишь, Джек. Ты правильно сделал, что отправился туда.

— «Правильно»! Лучше не говори! Чертовы грязные скважины! А еда! А москиты! Я был наивен, как младенец, когда подписал контракт на пять лет!

— Но наверное, хорошие деньги, а?

— Конечно. Но что мне там с ними делать? Там их негде тратить. Даже пиво пахнет керосином.

Хендерсон пробормотал:

— И все же я чувствую себя негодяем, что заставил тебя прервать контракт.

— Ты оказал мне любезность, — галантно возразил Ломбард. — И кстати, контракт остается в силе. Мне удалось добиться отпуска. — Он подождал еще немного и наконец подошел к тому, что занимало мысли обоих. Он отвернулся и спросил, глядя куда-то в сторону: — Так что же насчет твоих дел, Хенди?

Хендерсон попытался улыбнуться:

— Ты видишь перед собой выпускника тридцатого года, который через две с половиной недели собирается поучаствовать в эксперименте с электричеством. Что там было обо мне в памятной записи? «Весьма вероятно, что его имя появится в газетах». Хорошее предсказание. В этот день я, очевидно, попаду во все издания.

Ломбард сердито уставился на него:

— Нет, не попадешь. Шутки в сторону. Мы знаем друг друга полжизни, так что можно не стесняться и отбросить условности.

— Разумеется, — грустно согласился Хендерсон. — Черт побери, жизнь так коротка!

Он задним числом осознал справедливость сказанного и растерянно улыбнулся.

Ломбард присел на край умывальника в углу, оторвал одну ногу от пола, обхватил обеими руками лодыжку и стал раскачиваться.

— Я видел ее только однажды, — задумчиво сказал он.

— Дважды, — поправил Хендерсон. — Один раз мы случайно встретили тебя на улице, помнишь?

— Да, помню. Она все тянула тебя за руку, пытаюсь увести.

— Она собиралась купить что-то из одежды, а ты знаешь, каковы женщины в такой ситуации. Их ничто не может... — Он все еще извинялся за нее, за ту, которой уже нет на свете, он даже не отдавал себе отчета, насколько все теперь не важно. — Мы все время собирались пригласить тебя к обеду, но как-то... не помню... ну, ты знаешь, как это бывает.

— Я знаю, как это бывает, — дипломатично ответил Ломбард. — Ни одной жене не нравятся друзья, которые были у ее мужа до женитьбы. — Он достал сигареты и бросил ему пачку через узкую камеру. — Не обессудь, если от них у тебя распухнет язык, а губы покроются волдырями. Я привез их оттуда, они сделаны из селитры пополам с порошком от насекомых. Я еще не успел запастись нашими. — Он глубоко затынулся. — Я думаю, будет лучше, если ты мне все расскажешь.

Хендерсон подавил вздох:

— Да, наверное. Я уже столько раз рассказывал об этом, что мне кажется, будто я просто перематываю пленку назад, вижу один и тот же сон.

— Для меня вся эта история — словно грифельная доска, на которой еще ничего не написано. Так что постарайся по возможности ничего не пропустить.

— Наш с Марселлой брак не стал главным событием нашей жизни, как это должно было быть. Словно мы оба просто попробовали. Мужчины обычно редко признаются в этом, даже своим близким друзьям, но здесь, в камере смертников, подобная сдержанность выглядела бы глупо. А год с небольшим назад вдруг пришло то самое, главное. Но для меня уже было слишком поздно. Ты незнаком с ней, не знаешь ее, так что нет смысла называть ее имя. Они оказались достаточно порядочными, чтобы не называть его даже в суде. Во время всего процесса они называли ее «эта девушка».

— Твоя Девушка, — согласился Ломбард. Он сидел скрестив руки, так что сигарета торчала у него из-под локтя, и напряженно слушал. Его задумчивый взгляд был устремлен в пол.

— Моя Девушка, моя бедная девочка. Это и было оно, то самое, настоящее. Если это приходит, когда ты не женат, тебе ничего не грозит. Или если этим самым окажется твой брак, это еще лучше, тогда ты просто счастливчик. Или если ты женат, но это так никогда и не приходит — ты все равно в безопасности, хотя живешь только наполовину, сам того не подозревая. Но бывает, что ты женат, и это приходит, когда уже слишком поздно, и ты не можешь ни на что надеяться.

— Не можешь ни на что надеяться, — задумчиво повторил Ломбард с сочувствием в голосе.

— Она была сама чистота. Я рассказывал Моей Девушке о Марселле, когда мы встречались во второй раз. Предполагалось, что это наша последняя встреча. Нашу двенадцатую встречу мы все еще пытались сделать последней. Мы старались избегать друг друга — с тем же успехом железные опилки могут стараться избегать магнита.

Марселла догадалась почти сразу же, не прошло и месяца. Я понял, что она догадывается, пошел и рассказал ей все. Это не было для нее ударом, заметь. Она просто слегка улыбнулась и стала ждать. Как наблюдатель, который следит за парой мух, накрытых стаканом.

Я пошел к ней и попросил развода. Тогда все и началось. До тех пор я не слишком-то много для нее значил, как я уже успел заметить. Так, некто, чьи ботинки стоят в прихожей рядом с ее туфлями. Она сказала, что ей надо подумать. И она стала думать. Так проходили недели, месяцы. Она тянула время, она держала меня в подвешенном состоянии. Я до сих пор так и вижу ее медленную, насмешливую улыбку. Из нас троих только она получала удовольствие от этой ситуации.

Из меня словно вытягивали жилы. Я взрослый человек, и мне была нужна Моя Девушка. Я не хотел, чтобы меня водили за нос. Я не хотел никакого романа, я хотел иметь жену. А женщина, которая жила в моем доме, — она не была моей женой. — Он опустил взгляд на свои руки, даже теперь, спустя многие месяцы, они слегка дрожали. — Моя Девушка сказала мне: «Должен же быть какой-то выход. Она держит нас в руках и знает это. Твое угрюмое молчание ни к чему не приведет. Оно вызовет такое же мрачное сопротивление с ее стороны. Подойди к ней подружески. Сходите куда-нибудь вечером вместе. Поговори с ней откровенно. Если два человека когда-то любили друг друга, как вы с ней, что-то должно остаться, хотя бы общие воспоминания. Должны же у нее сохраниться хоть какие-то добрые чувства к тебе, ты можешь затронуть их. Убеди ее, что для нее это тоже лучший выход, как и для нас с тобой».

Итак, я купил билеты на шоу и заказал столик в ресторане, где мы часто бывали до женитьбы. И я пришел домой и сказал: «Давай сегодня вечером сходим куда-нибудь вместе, как раньше».

Она опять улыбнулась своей медленной улыбкой и сказала: «Почему бы и нет?» Когда я пошел в душ, она уже сидела перед зеркалом и прихорашивалась. Все эти движения я знал наизусть, легкие прикосновения к лицу то в одном, то в другом месте. Я весело насвистывал, стоя под душем. В этот момент она мне очень нравилась. Я понял, в чем было дело, она мне всегда очень нравилась, и я принял это за любовь.

Он выронил сигарету и придавил ее ногой. Затем продолжал, глядя в пол:

— Почему она не отказалась сразу же? Почему она позволила мне насвистывать под душем? Причесываться перед зеркалом и мучиться с пробором? Тщательно расправить носовой платок в нагрудном кармане? Впервые за последние шесть месяцев почувствовать себя счастливым? Почему она притворялась, что собирается идти, хотя с самого начала знала, что не пойдет? Потому что у нее была такая манера. В этом была вся она. Потому что она любила держать меня в подвешенном состоянии. Даже в мелочах, не говоря уж о большем.

Мало-помалу я начал понимать. Ее улыбка в зеркале. То, что она едва прикасалась к своему лицу, без всякого результата. Я уже держал в руках галстук, собираясь повязать его. Наконец она перестала даже делать вид, что приводит себя в порядок, а просто сидела не шевелясь и ничего не делала. И только улыбаясь смотрела на влюбленного мужчину. Мужчину, который был у нее в руках.

Есть два варианта развития событий: их и мой. До этого момента они полностью совпадают, не отличаясь ни на йоту. В их истории нет ни единой неверной подробности. Они не упустили ни единого моего движения. Они проделали свою работу отлично. Но, начиная с того момента, как я стоял за ее спиной, глядя в то же самое зеркало, что и она, и держа в руках расправленный

галстук, эти две истории расходятся в противоположных направлениях. Моя — в одну сторону, их — в другую. Я рассказываю мою историю. То, что было на самом деле.

Она ждала, когда я заговорю. Только для этого она так и сидела. С этой улыбкой, скромно положив руки на краешек стола. Наконец, посмотрев на нее какое-то время, я спросил: «Ты не собираешься идти?»

Она засмеялась. Боже, как она смеялась. Долго, жестоко и искренне. Я до тех пор и не подозревал, каким страшным оружием может быть смех. Я видел в зеркале поверх ее лица, как мое лицо постепенно бледнело.

Она сказала: «Но ты не выбрасывай билеты. Зачем зря тратить деньги? Пригласи ее. Пусть она получит удовольствие от спектакля. Пусть она получит обед. Пусть она получит даже тебя. *Но она никогда не получит тебя в таком качестве, в каком ей этого хочется!*»

Это был ее ответ. И я понял, что теперь он таким и останется. Навсегда, до конца наших дней. А это чертовски долгий срок.

Вот что случилось потом. Я стиснул зубы и размахнулся, собираясь ударить ее. Я не помню, куда делся галстук, который я держал в руке, наверное, уронил его на пол. Я знаю только, что он *не оказался* на ее шее.

Я так и не ударил ее. Я не смог. Я не из тех людей. Она даже провоцировала меня. Не знаю почему. Может быть, потому, что знала, что ей ничего не грозит, что я не способен на это. Она, конечно, видела меня в зеркале, ей не нужно было оборачиваться. Она усмехалась. «Ну давай, ударь меня. Не стесняйся. Это тебе не поможет. Ничего тебе не поможет, будь ты веселым или мрачным, вежливым или грубым».

Потом мы оба наговорили друг другу лишнего, как бывает в таких случаях. Но это была лишь словесная перепалка, не более того. Я не поднимал на нее руку. Я сказал: «Я не нужен тебе, какого черта ты тогда в меня вцепилась?» Она ответила: «Хочу, чтобы ты был под рукой на случай, если явятся взломщики».

Я сказал: «Ни на что другое с сегодняшнего дня можешь не рассчитывать!»

Она сказала: «Интересно, замечу ли я разницу?!»

Я сказал: «Ты мне напомнила. Тебе кое-что причитается». Я вынул из бумажника два доллара и бросил их на пол. Я сказал: «Это за то, что я был женат на тебе. А таперу я заплачу потом, по дороге».

Я знаю, это было недостойно, это было низко. Я схватил пальто и шляпу и бросился вон. Она все еще смеялась, глядя в зеркало. Она смеялась, Джек. Она не была мертва, я не тронул ее. Ее смех доносился до меня из-за двери, даже когда я закрыл ее. Он преследовал меня, когда я спускался по лестнице, не дожидаясь лифта. Этот смех сводил меня с ума, я до сих пор не могу забыть его. Я слышал его, даже спустившись на следующую площадку, и только потом он постепенно замер.

Скотт прервался и довольно долго ждал, пока воспоминания, которые он оживил, вновь уйдут в небытие. На его нахмуренном лбу блестели капельки пота.

— Потом, когда я вернулся домой, — сказал он, — она была мертва, и они сказали, что я убил ее. Они сказали, что это случилось в восемь минут и пятнадцать секунд седьмого, — это установили по ее часам. Должно быть, это произошло в течение десяти минут после того, как я захлопнул за собой дверь. От одной мысли меня до сих пор охватывает дрожь. Он, наверное, уже прятался где-то в доме, кто бы это ни был...

— Но ты говоришь, что спускался пешком?

— Может быть, он поднялся на один пролет и сидел у входа на чердак. Я не знаю. Может быть, он все слышал. Может, он даже видел, как я ухожу. Может, я так грохнул дверью, что она не захлопнулась, а отскочила, и он смог войти. Он, наверное, подошел к Марселле прежде, чем та успела заметить. Может быть, ее собственный смех заглушил его шаги, и она услышала их, когда было слишком поздно.

— В таком случае похоже, что это был какой-то случайный бродяга?

— Да, но *мотив*? Копы так и не смогли установить мотив убийства, поэтому и не придали значения такой версии. Это было не ограбление: ничего не взяли. Шестьдесят долларов наличными лежали в ящике стола прямо перед ней, совершенно открыто. Это было и не изнасилование. Ее убили там, где она сидела, и оставили там, где убили.

Ломбард сказал:

— И все же это было или то, или другое. Его что-то спугнуло, и он не успел довести до конца свое дело. Может быть, его напугал какой-то звук снаружи или же то, что он сам только что совершил. Такое случалось тысячу раз.

— Даже это не подходит, — уныло возразил Хендерсон. — Ее кольцо с бриллиантом лежало тут же на столе все это время. Оно было даже не на ее пальце. Вору надо было всего лишь схватить его и убежать. Испугался он или нет, сколько времени это могло занять? Кольцо осталось на столе. — Он покачал головой. — Этот чертов галстук погубил меня. Он обычно висел на вешалке в самом низу, под остальными. А вешалка далеко в шкафу. И именно этот галстук так подходил ко всему, что было на мне надето. Конечно, ведь я сам его взял. Но я не набрасывал его ей на шею. Я уронил его в пылу ссоры. Он, видимо, затерялся на полу. Тогда я схватил тот, в котором пришел домой, второпях надел его и ушел. И когда вор пробрался в комнату, когда он незаметно подкрадывался к ней, галстук попался ему на глаза, он поднял его — один Бог знает, кто это был, и Бог знает, зачем он это сделал!

Ломбард сказал:

— Может быть, без всякой причины и смысла, просто вдруг почувствовал острое желание убить. Какой-нибудь ненормальный, который болтался неподалеку. Вероятно, сама сцена скандала навела его на эту мысль, особенно когда он обнаружил, что дверь осталась открытой. Он понял, что может убить практически безнаказанно и обвинят в этом тебя. Такие вещи бывали, ты же знаешь.

— Если здесь произошло что-то подобное, они никогда не поймут виновного. Убийц такого рода отыскать труднее всего. Это может открыться лишь совершенно случайно, если вдруг повезет. Может быть, когда-нибудь он попадет за что-то совершенно другое и заодно признается в этом, и его признание будет единственной зацепкой. Но мне-то это уже не поможет.

— А что за свидетель, о котором ты упомянул в телеграмме?

— Я как раз подхожу к этому. Это для меня единственный тоненький лучик надежды во всей истории. Если даже они никогда не найдут, кто убил, у меня остается единственный шанс снять с себя подозрение. В моем деле можно прийти к двум совершенно противоположным выводам, и каждый имеет свою логику. — Он начал похлопывать ладонью по тыльной стороне руки и похлопывал все время, пока говорил. — Пока мы сидим в этой камере и обсуждаем мою историю, где-то, не знаю, где именно, существует вполне определенная женщина, которая может снять с меня подозрения, просто рассказав им, в котором часу я встретился с ней в конкретном баре, за восемь кварталов от моего дома. Это было в десять минут седьмого. И она знает это так же, как и я; кто бы она ни была, она знает это. Они провели следственный эксперимент и доказали, что я не мог совершить убийство в своей квартире и при этом оказаться в том баре к данному времени. Джек, если ты хочешь чем-нибудь помочь мне, если надеешься вытащить меня из этой истории, ты должен найти эту женщину. Она, и только она ответит на все вопросы.

Ломбард долго молчал. Наконец, он спросил:

— Что было до сих пор сделано, чтобы найти ее?

— Все, — был обескураживающий ответ. — Все, что только можно.

Ломбард подошел и тяжело опустился на край койки рядом с ним.

— М-да-а! — выдохнул он, приложив ко рту стиснутые руки. — Если полиция не смогла найти ее, твой адвокат не смог, вообще никто не смог найти ее по горячим следам за столько времени — как же я найду ее за восемнадцать дней через несколько месяцев?

Появился охранник. Ломбард поднялся и повернулся, чтобы идти. Его рука коснулась поникшего плеча Хендерсона. Хендерсон поднял голову.

— Ты не хочешь пожать мне руку? — проговорил он запинаясь.

— Зачем? Я ведь приду завтра опять.

— Ты хочешь сказать, что ты все же попробуешь?

Ломбард обернулся и посмотрел на него почти со злобой, словно его раздражала нелепость подобного вопроса.

— Почему, черт побери, тебе пришлось в голову, что я откажусь? — угрюмо проворчал он.

Глава 10

Семнадцать, шестнадцать дней до казни

Ломбард, шаркая, расхаживал по камере, засунув руки в карманы и разглядывая свои ноги, словно до сих пор не замечал, как они действуют. Наконец он остановился и сказал:

— Хенди, ты должен постараться и вспомнить получше. Я не фокусник, я не могу просто вытащить ее из пустой шляпы.

— Послушай, — вымученно произнес Хендерсон. — Я прокручивал все это в голове, пока меня не стало тошнить, пока мне не начало это сниться по ночам. Я не могу выжать из своей памяти не единой детали.

— Ты что, вообще не смотрел на нее?

— Смотрел, наверное тысячу раз, но не запомнил.

— Давай начнем сначала и пройдемся еще раз. Не гляди на меня так, это единственное, что мы можем сделать. Она уже сидела на табуретке в баре, когда ты вошел. Допустим, ты захочешь передать мне свое первое впечатление от нее, если сможешь. Попробуй поймать это. Иногда зрительно легче припомнить мимолетное первое впечатление, чем лицо, которое ты намеренно разглядывал в течение какого-то времени. Итак, твое первое впечатление?

— Рука, протянутая к блюду с крендельками.

Ломбард сердито посмотрел на него:

— Да разве можно встать со своего места, подойти к другому человеку и заговорить с ним и при этом не видеть его? По-моему, ты просто шутишь. Ты ведь знал, что это девушка, не так ли? Ты, надеюсь, не думал, что обращаешься к зеркалу? Ну и как ты догадался, что это девушка?

— На ней была юбка, значит, это была девушка, и у нее не было костылей, значит, она не была калекой. Только это меня и заботило. Я глядел сквозь нее все время, пока я был с ней, я мысленно видел на ее месте Мою Девушку, как ты думаешь, что я могу рассказать? — в свою очередь взорвался Хендерсон.

Ломбард подождал с минуту, пока оба успокоились. Затем продолжил:

— Какой у нее был голос? Он что-нибудь подсказал тебе? Откуда она приехала? Что-нибудь о ней самой?

— Что она закончила среднюю школу. Что она выросла в городе. Она говорила так же, как мы. Абсолютная горожанка. Бесцветная, как кипяченая вода.

— Значит, это ее родной город, раз ты не заметил никакого акцента. Ну хоть что-нибудь. Что было в такси?

— Ничего — колеса себе крутились.

— Что в ресторане?

Хендерсон упрямо набычился:

— Ничего. Это все бесполезно, Джек. Ничего не вспоминается. Я не могу. Не могу. Она ела и говорила, вот и все.

— Да, но о чем?

— Не могу вспомнить. Не могу вспомнить ни слова. Да это и была не та беседа, чтобы запоминать ее. Просто чтобы не молчать, чтобы заполнить паузу. «Отличная рыба. Война — ужасная вещь, не правда ли? Нет, спасибо, сейчас я не хочу курить».

— Ты сведешь меня с ума. Да, ты, должно быть, очень любил Свою Девушку.

— Любил. И люблю. И хватит об этом.

— Что было в театре?

— Только то, что она вскочила на сиденье; я уже три раза тебе об этом рассказывал. И ты согласился, что это говорит тебе не о том, какая она, а лишь о том, что она сделала в определенный момент.

Ломбард подошел поближе:

— Да, но почему она вскочила? Ты все уклоняешься от ответа. Занавес еще не опустился, ты сам говоришь, а люди в таких случаях не вскакивают просто так.

— Я не знаю, почему она встала. Я не читал ее мысли.

— Ты и в своих не больно-то разбирался, насколько я понимаю. Ладно, мы вернемся к этому потом. Раз уж ты вспомнил следствие, причину мы как-нибудь выясним.

Он, тяжело ступая, прошелся по камере, давая им обоим возможность передохнуть.

— Когда она так стояла, ты, наконец, посмотрел на нее?

— Смотреть — это физиологическое действие, выполняемое зрачками глаз, видеть — это умственная работа, которую производят клетки мозга. В тот вечер я много раз смотрел на нее, но ни разу не видел.

— Это пытка, — сказал Ломбард, поморщившись и сведя брови к переносице. — Кажется, я так и не смогу вытянуть ничего из тебя. Надо найти кого-нибудь еще, кто мог бы помочь, кого-нибудь, кто видел вас вместе в тот вечер. Не может быть, чтобы два человека вместе провели в городе шесть часов и никто их не видел.

Хендерсон криво усмехнулся:

— Я тоже так думал. Но оказалось, что я был не прав. Должно быть, в тот вечер в городе бушевала эпидемия астигматизма. Иногда я уже сам начинал сомневаться, была ли со мной на самом деле эта особа, или она — лишь галлюцинация, плод моего воспаленного воображения.

— Ты это брось, слышишь! — коротко приказал Ломбард.

— Свидание закончено, — раздался голос снаружи.

Хендерсон встал, поднял с пола обгоревшую спичку и подошел с ней к стене, на которой углем было нацарапано несколько рядов косых параллельных черточек. Палочки в верхних рядах были перечеркнуты и превратились в букву «Х», снизу оставалось лишь несколько незачеркнутых вертикальных штрихов. Он добавил к одному из них косую черту, превратив и его в «Х».

— И это прекрати! — добавил Ломбард.

Он поплевал на ладонь и, быстро подойдя к стене, яростно провел по ней рукой, и палочки, перечеркнутые и неперечеркнутые, исчезли.

— Хорошо, продолжаем, — сказал он, доставая карандаш и бумагу.

— Теперь я постою для разнообразия, — сказал Хендерсон. — На этой койке может сидеть кто-то один, двоим уже не хватит места.

— Ты понял, чего я хочу? Свежий материал, который еще не отработан. Свидетели второго плана, люди, которые не получили повестку в суд, которых проглядели и фараоны, и твой адвокат Грегори.

— Ты хочешь совсем немного. Тебе тоже нужны привидения, только вторичные. Второстепенные привидения, которые помогут нам поймать главное привидение. Лучше уж давай пригласим медиума.

— Мне не важно, пусть они всего лишь задела тебя локтем или шли по одной стороне улицы, когда вы вдвоем шли по другой. Главное, я хочу быть первым, кто до них доберется, если это возможно. Я не хочу довольствоваться чьими-то объедками. Мы должны найти место, куда можно вбить клин, чтобы расколоть все это дело. Не важно, пусть это будут лишь слабые тени. Составим список. Ну, давай все по новой. Бар.

— Неизбежный бар, — вдохнул Хендерсон.

— Бармена уже обработали. Был там кто-нибудь еще, кроме вас двоих?

— Нет.

— Подумай. Не делай над собой усилий. Ты не сможешь вспомнить, если будешь пытаться. Это только мешает.

Прошло четыре или пять минут.

— Подожди. Девушка в кабинке повернула голову, чтобы посмотреть ей вслед. Я заметил, когда мы выходили. Подойдет?

Карандаш Ломбарда забегал по бумаге.

— Давай, давай: это как раз то, чего я хочу. Можешь что-нибудь сказать об этой девушке?

— Нет. Еще меньше, чем о той женщине, которая была со мной.

— Ладно, дальше.

— Таксист. Его уже использовали. Он изрядно повеселил всех в суде.

— Затем ресторан. В этом «Мезон Бланш» была гардеробщица?
— У нее, одной из немногих, была уважительная причина не запомнить мою спутницу. Я был один, когда заходил в ее владения. Призрак оставил меня и отправился в дамскую комнату. Карандаш Ломбарда снова задвигался.
— Там тоже, наверное, был кто-то из служащих. Правда, если ее не заметили с тобой, еще меньше вероятность, что ее заметили без тебя. Ну а как насчет ресторана? Там никто не повернул головы?
— Она вошла отдельно.
— Значит, переходим к театру.
— Там был швейцар с такими смешными моржовыми усами, я это хорошо помню. Он просто пожирал глазами ее шляпу.
— Хорошо. Берем. — Он записал что-то. — Как насчет билетера?
— Мы опоздали. Он проводил нас на место с карманным фонариком.
— Плохо. А те, кто был на сцене?
— Ты имеешь в виду артистов? Боюсь, что представление было слишком стремительным.
— Когда она встала, как ты говоришь, ее могли заметить. Полиция допрашивала кого-нибудь из них?
— Нет.
— Не мешает проверить. Мы не должны пропустить ничего, понимаешь, ничего! Если бы в тот вечер неподалеку от вас оказался даже слепой, я бы хотел... Что стряслось?
— Эй, — резко сказал Хендерсон.
— Что такое?
— Ты мне кое-что напомнил. Слепой действительно был. Слепой попрошайка пристал к нам, когда мы уходили. — Тут он заметил, как Ломбард быстро записывает что-то своим карандашом. — Ты шутишь, — запротестовал он с недоверием.
— Думаешь? — спокойно спросил Ломбард. — Подожди, сам увидишь. — Он снова держал карандаш наготове.
— Теперь все, больше ничего нет.
Ломбард убрал список в карман и встал.
— Я пробую брешь в этой цепочке! — решительно пообещал он.
Он подошел и постучал по решетке, чтобы его выпустили.
— И нечего пялиться на стену, — добавил он, перехватив взгляд Хендерсона, невольно упавший на то место, где он раньше вел свои подсчеты. — Они не отправят тебя туда! — Он ткнул пальцем в сторону коридора, в направлении, противоположном тому, откуда пришел.
— А они говорят, что отправят! — вполголоса с иронией произнес Хендерсон.

Колонка объявлений во всех газетах:

Убедительно прошу связаться со мной молодую леди, которая вместе со своим спутником занимала кабинку в баре «Ансельмо» около 6.15 вечера 20 мая этого года и которая, может быть, вспомнит оранжевую шляпу, привлекающую ее внимание, когда владелица шляпы проходила мимо. Если леди вспомнит это, мне жизненно необходимо узнать об этом немедленно. Речь идет о счастье человека. Всем ответившим гарантирована строгая конфиденциальность. Ответы присылайте на имя Дж. Л., почтовый ящик 654 в редакции этой газеты.

Ответов не было.

Глава 11

Пятнадцать дней до казни

Ломбард

Неряшливо одетая женщина, чья растрепанная голова походила на кочан капусты, а пряди седеющих волос падали на глаза, открыла ему дверь.

— О'Баннон? Майкл О'Баннон?

Вот и все, что он успел сказать.

— Послушайте! Я уже заходила сегодня в вашу контору, и тот человек сказал, что подождет до среды. Мы не пытаемся надуть бедную нищую компанию, у которой, наверное, всего-то и есть, что какие-то жалкие пятьдесят тысяч баксов.

— Мадам, я пришел не за деньгами. Я просто хочу поговорить с Майклом О'Банноном, который этой весной работал швейцаром в «Казино».

— Да, помню, у него была такая работа, — язвительно признала она, затем слегка повернулась в сторону и немного повысила голос, словно хотела, чтобы кто-то еще услышал ее. — Некоторые теряют работу, а потом не могут оторвать задницу от кресла, чтобы поискать другую. Сидят и ждут, когда работа сама придет к ним!

Где-то в глубине дома послышался звук, напоминавший хриплое мычание дрессированного тюленя.

— К тебе пришли, Майк, — проревела она. И добавила, обращаясь к Ломбарду: — Вы лучше подойдите к нему сами, он сидит там без ботинок.

Ломбард двинулся через длинный, казавшийся бесконечным холл. Наконец он дошел до комнаты, всю середину которой занимал стол, покрытый клеенкой.

Около стола развалился человек, ради которого Ломбард пришел сюда. Он лежал между двумя деревянными стульями с прямыми спинками, растянувшись, словно подвесной мост; середина его тела, оставшаяся без опоры, прогибалась вниз. На нем не было не только ботинок, верхняя часть его гардероба фактически состояла из нижней рубашки неопределенного цвета с короткими рукавами и пары подтяжек, надетых поверх нее. Белые носки торчали кверху на противоположном стуле. Когда Ломбард вошел, он отложил в сторону розовую карточку тотализатора и прокуренную трубку.

— Чем могу помочь вам, сэръ? — любезно пророкотал он.

Не дожидаясь приглашения, Ломбард положил шляпу на стол и присел.

— Один из моих друзей хочет кое-кого найти, — доверительно начал он. Ломбард подумал, что было бы неправильно спустя столько времени подавлять свидетелей, упоминая о смертном приговоре, показаниях в полиции и прочих подобных вещах: люди могут испугаться и не рассказать то, что знают, если даже и знают. — Для него это очень много значит. Все на свете. Так вот. Поэтому я и пришел сюда. Вы можете вспомнить мужчину и женщину, которые приехали в театр на такси, когда вы еще там работали, в мае? Вы, конечно, придержали перед ними дверь.

— Ну, я придерживал дверь перед каждым, кто приходил в театр, это была моя работа.

— Они немного опоздали, вероятно, в этот вечер они были последними, кого вы встретили. И главное, на женщине была ярко-оранжевая шляпа. Очень необычная шляпа, с тонким пером, которое торчало из нее прямо вверх. Эта шляпа проплыла у вас прямо перед глазами — так близко от вас прошла дама. Вы проводили ее взглядом медленно, вот так: справа налево. Знаете, вроде как что-нибудь двигается очень близко от вас, а вы не можете сообразить, что это такое.

— Будьте спокойны! — вызывающе заявила жена от двери, — если это «что-нибудь» находится на голове у хорошенькой женщины, он проводит ее глазами в любом случае, может он сообразить, что это, или нет!

Ни один из двоих не обратил на нее ни малейшего внимания.

— Он видел, как вы посмотрели на нее, — продолжал Ломбард. — Он случайно заметил и рассказал мне. — Он положил руки на колени и оперся о них. — Вы можете вспомнить? Хотя что-нибудь? Вообще, вы помните ее?

О'Баннон задумчиво покачал головой. Затем прикусил верхнюю губу. Потом он опять покачал головой и с упреком посмотрел на него:

— Приятель, да вы хоть понимаете, о чем спрашиваете? Все эти лица, каждый вечер! И почти всегда пары, леди и джентльмен.

Ломбард продолжал смотреть на него через стол, словно самой силы его взгляда было достаточно, чтобы заставить швейцара припомнить.

— Постарайтесь, О'Баннон. Подумайте. Прошу вас, постарайтесь. Для несчастного парня это значит все на свете.

Тут жена стала потихоньку придвигаться поближе, но все еще помалкивала.

О'Баннон опять покачал головой, на этот раз убежденно.

— Нет, — сказал он. — За все время, что я проработал там, из всех людей, перед которыми я открывал двери такси, я сейчас могу вспомнить только одного типа. Парня, который однажды приехал один, пьяный вдрызг. И то только потому, что он вывалился из машины головой вперед, когда я открыл дверь, и мне пришлось ловить его.

Ломбард пресек поток ненужных воспоминаний, который, как он понимал, мог изливаться бесконечно. Он встал:

— Значит, вы твердо уверены, что не помните?

— Я твердо уверен, что не помню. — О'Баннон опять потянулся за дымившейся трубкой и программкой бегов.

Жена уже подобралась к ним вплотную и некоторое время разглядывала Ломбарда, о чем-то напряженно раздумывая. На какой-то момент она даже высунула кончик языка, ведя в уме какие-то подсчеты. Потом она заговорила:

— А если он вспомнит, нам что-нибудь будет с этого?

— Ну, я думаю, что смогу кое-чем отблагодарить вас, если он скажет мне то, что нужно.

— Ты слышал, Майк? — Она налетела на мужа, словно ястреб. Она принялась трясти его за плечо обеими руками, словно замешивала тесто или пыталась выправить вывих. — Думай, Майк, думай!

Он попытался отклониться или хотя бы прикрыть рукой голову.

— Как я могу вспомнить, когда ты раскачиваешь меня, будто пустую лодку. Если в моей голове что-то и кроется, где-то там, в глубине, так ты же вытрясешь это начисто!

— Ну что же, я вижу, не получается, — вздохнул Ломбард, он разочарованно повернулся и пошел обратно по длинному холлу.

Он услышал за своей спиной раздраженные причитания: видимо, жена возобновила атаку на многострадальное плечо мужа.

— Ты видишь — он уходит! Ох, Майк, да что с тобой такое! Все, что от тебя хотят, — это чтобы ты кое-что вспомнил, а ты не можешь сделать даже этого!

Похоже, она обрушила свое негодование на неодушевленные предметы. Послышался страдальческий, протестующий вопль:

— Моя трубка! Моя программка!

Перебранка была в самом разгаре, когда Ломбард закрывал за собой входную дверь. Затем внезапно последовало подозрительное молчание. На лице Ломбарда, когда он начал спускаться по лестнице, появилось понимающее выражение.

Как он и ожидал, через минуту в холле послышался быстрый топот, дверь распахнулась, и жена О'Баннона возбужденно закричала ему вслух в лестничный пролет:

— Мистер, подождите! Вернитесь! Он вспомнил! Он только что вспомнил!

— Вот как? — сухо сказал Ломбард. Он остановился там, где застал его голос, и посмотрел вверх, не собираясь, однако, вновь подниматься. Он вытащил бумажник и выразительно провел пальцем по краю. — Спросите у него, в черном она была или в белом?

Она громко повторила вопрос в глубину дома. Получив ответ, передала его Ломбарду с легким сомнением в голосе:

— В белом, для выхода.

Ломбард убрал бумажник, так и не открыв его.

— Пустой номер, — твердо сказал он и продолжил спускаться.

Глава 12

Четырнадцать, тринадцать, двенадцать дней до казни

Девушка

Она просидела на табурете несколько минут, прежде чем бармен ее заметил. И это было тем более странно, что в баре в это время находилось лишь несколько посетителей и появление еще одного должно было бы привлечь больше внимания. Это говорило лишь о том, как скромно она вошла и села.

Его смена только что началась, так что она, должно быть, пришла сразу же после того, как он занял свое место за стойкой, словно специально рассчитала время, чтобы явиться за ним следом. Когда он только вышел из раздевалки в свеженакрахмаленной куртке и оглядел свои владения, ее еще не было, в этом он был абсолютно уверен. Во всяком случае, обслужив клиента в другом конце бара, он повернулся и увидел ее, спокойно сидевшую там, и немедленно подошел:

— Слушаю вас, мисс?

Она посмотрела ему в глаза странным, как ему показалось, напряженным взглядом. И он тут же спохватился и подумал, что ошибся, что это лишь плод его воображения. Все посетители смотрели на него, делая заказ, для них он был просто машиной, доставляющей выпивку.

А ее взгляд все-таки был другим; это впечатление, исчезнув на минуту, вернулось вновь. Ее взгляд относился непосредственно к нему. Взгляд, который существовал сам по себе; она смотрела на него не потому, что делала заказ, нет; она делала заказ, чтобы иметь повод так смотреть на него. Этот взгляд был направлен на него, на человека, к которому она обращалась с заказом, и предназначался именно ему, и никому другому. Взгляд говорил: «Запомни меня. Хорошенько запомни меня».

Она заказала порцию виски с водой. Когда он отвернулся, чтобы достать стакан, ее глаза неотступно следили за ним. На какой-то момент он даже слегка растерялся от того, что не может достойным образом ответить на этот странный, пристальный взгляд; но чувство исчезло так же быстро, как появилось. Он не слишком обеспокоился, все прошло быстро, как и в первый раз.

Но это было только начало.

Он принес ей заказ и сразу же отвернулся, чтобы обслужить кого-то еще.

Прошло какое-то время. Время, в течение которого он не думал о ней, совсем забыл.

Время, за которое она должна была хоть немного изменить позу: например, слегка пошевелить рукой, приподнять или подвинуть стакан, перевести взгляд на что-нибудь другое. Но нет. Она сидела неподвижно. Настолько неподвижно, что казалось, на табурете сидит вырезанный из картона силуэт девушки. Ее стакан оставался нетронутым, он стоял там, куда его поставили, куда он сам его поставил. Двигались только ее глаза. Они поворачивались за ним, куда бы он ни пошел. Они следили за ним.

В его работе наступил небольшой перерыв, и он опять наткнулся на этот взгляд, в первый раз после того, как заметил его странную неподвижность. Теперь он понял, что эти глаза наблюдают за ним уже долгое время, хотя он этого и не замечал. Это вывело его из равновесия. Он не мог понять, в чем дело. Он украдкой посмотрел в зеркало, — может, что-нибудь не в порядке с курткой или лицом. Нет, все нормально. Он выглядел как всегда, и никто, кроме нее, не смотрел на него таким долгим, упорным взглядом. Он не мог найти объяснения.

Взгляд был намеренным, никаких сомнений, ибо не отрываясь следовал за ним. Не рассеянный, мечтательный взгляд человека, погруженного в свои мысли; но взгляд, за которым угадывался определенный интерес — интерес, направленный на него.

Как только эта мысль пришла ему в голову, он уже не мог от нее отделаться, она упорно возвращалась и стала его беспокоить. Теперь он сам время от времени украдкой посматривал на девушку, всякий раз надеясь, что делает это незаметно. И каждый раз, взглянув на нее, убеждался, что она все еще наблюдает за ним, и, каждый раз не выдержав и отводя взгляд,

видел, что она продолжает смотреть. Его растерянность все возрастала, мало-помалу превращаясь в чувство неловкости.

Он никогда не видел, чтобы человек сидел так неподвижно. Она ни разу не пошевелилась. Стакан стоял нетронутым, словно бармен его вообще не приносил. Она сидела как Будда в женском обличье, мрачные глаза неотрывно следили за ним.

Чувство неловкости начало перерастать в раздражение. Наконец, он подошел к ней и остановился рядом.

— Вам не нравится коктейль, мисс?

Это была попытка расшевелить ее. Она не удалась. Девушка просто срезала его. Ее ответ был лишен каких-либо эмоций:

— Сойдет.

Обстоятельства складывались в ее пользу, так как она была женщиной, а женщинам не приходится тратиться у стойки бара, как пришлось бы мужчине, если бы он захотел посидеть подольше. Более того, она ни с кем не заигрывала, не искала, кто бы оплатил ее счет, она вела себя безупречно, бармен был бессилён против нее.

Почувствовав себя побежденным, он отошел, поминутно оглядываясь, а ее глаза все так же настойчиво следовали за ним.

Теперь он постоянно ощущал дискомфорт. Он попытался было отряхнуть это чувство, передернул плечами, поправил сзади воротничок. Он знал, что девушка не перестает на него смотреть, и старался сам не смотреть в ее сторону, но от этого было только хуже.

Посетителей стало больше, заказы шли чаще, но это не раздражало его, а, напротив, приносило какое-то облегчение. Занимаясь своим делом, производя необходимые манипуляции, он отвлекался мыслями от этого терзающего взгляда. Но когда наступал такой момент, что ему было некого обслуживать, нечего протирать, нечего наливать, ему становилось совсем невмоготу. И тогда он не знал, куда девать руки, что делать с салфеткой.

Он разбил бутылку пива, пытаясь ее открыть, вставил не тот ключ в кассовый аппарат.

Наконец, выведенный из терпения, он опять подступил к ней, пытаясь выяснить, что она от него хочет.

— Что я могу сделать для вас, мисс? — сказал он с плохо скрытым негодованием.

Она ответила ровным голосом, по которому ничего нельзя было понять:

— Разве я сказала, что мне что-нибудь надо?

Он тяжело оперся о стойку бара.

— Вы что-нибудь хотите от меня?

— Разве я сказала, что хочу?

— Извините, но, может быть, я похож на кого-либо из ваших знакомых?

— Нет.

Он начал путаться в словах.

— Я подумал, что, может быть, похож: ведь вы так смотрите на меня, — неуверенно проговорил он. Это прозвучало как упрек.

На этот раз она просто не ответила. Но и не оставила его в покое. В конце концов отступить пришлось ему, и он ушел, чувствуя себя так же неловко, как раньше.

Она не улыбнулась, не заговорила, не выразила ни сожаления, ни открытой враждебности. Она просто сидела и смотрела на него, загадочно и непроницаемо, как сова.

Оказалось, что она выбрала и привела в действие страшное оружие. Обычно никому и в голову не приходит, насколько невыносимо для человека, когда его разглядывают в упор на протяжении длительного времени, скажем двух или трех часов; люди не задумываются об этом просто потому, что редко сталкиваются с подобными вещами и им не представляется случая испытать свою силу духа.

Ему как раз представилась такая возможность, и его нервы уже начали сдавать. Он оказался совершенно незащищен, во-первых, потому, что его поле деятельности было ограничено полукруглой стойкой бара и он не мог никуда от нее отойти; и, во-вторых, учитывая саму ситуацию. Каждый раз, пытаясь дать отпор, он убеждался, что ему просто не к чему придраться. Она просто смотрела. Поле битвы оставалось за нею. Ее взгляд был направлен на него, словно тонкий луч, и он не мог ни заслониться от этого взгляда, ни толкнуть его в сторону.

У него появились и с ужасающей быстротой стали нарастать симптомы заболевания, незнакомого ему до сих пор, которое медицина называет агорафобией: непреодолимое желание запереться, спрятаться в раздевалке или же просто нырнуть под стойку и укрыться там от ее взгляда; он раз-другой сдвинул брови и преодолел это желание. Его глаза все чаще искали часы, висевшие над головой, часы, от которых однажды, как ему говорили, зависела жизнь человека.

Он страстно мечтал, чтобы она ушла. Он почти молился об этом. И все же ему давно стало абсолютно ясно, что она не собирается уходить добровольно, что она уйдет только тогда, когда бар закроется. Так как ни одна из тех причин, что обычно приводят людей в бар, явно не могла быть применима к ней, не стоило и надеяться на скорое освобождение от пытки. Она сидела здесь не потому, что кого-то ждала, иначе этот кто-то уже давно бы появился. Она пришла сюда не для того, чтобы выпить, так как нетронутый стакан все еще стоял там, куда он поставил его несколько часов назад. Она преследовала одну-единственную цель: смотреть на него.

Отчаявшись избавиться от нее каким-либо другим путем, он мечтал только о том, чтобы поскорее пришло время закрытия и его мучениям наступил конец. По мере того как число клиентов пошло на убыль и стало уменьшаться количество сидящих за стойкой, сила воздействия взгляда соответственно возрастала.

Теперь за полукруглой стойкой, за которой он стоял, было много пустых мест, что еще усиливало впечатление от этого безжалостно-неподвижного взгляда Медузы.

Он уронил стакан, чего никогда не случалось с ним раньше. Она просто разрывала его на куски. Он бросил на нее яростный взгляд и наклонился, чтобы подобрать осколки; губы его беззвучно шептали проклятия.

И наконец, когда он уже думал, что это никогда не произойдет, минутная стрелка дошла до двенадцати. Пробыло четыре часа, наступило время закрытия. Двое мужчин, занятых дружеской беседой, последние посетители, поднялись, не дожидаясь, пока их попросят, и медленно пошли к выходу, не прекращая своего негромкого разговора. Но не она. Ни единый мускул не дрогнул на ее лице. Стакан все так же неподвижно стоял перед ней, она продолжала сидеть. Смотрела, наблюдала, ни разу даже не моргнув.

— Спокойной ночи, джентльмены, — громко сказал он вслед последним посетителям, так чтобы она поняла.

Девушка не пошевелилась.

Бармен открыл распределительный щит и резко дернул выключатель. Внешние светильники, расположенные по периметру, погасли, остался только внутренний свет, идущий откуда-то из-за его спины; словно солнечный закат, он отражался в зеркалах и бутылках, выстроившихся рядами вдоль стен. В этом свете он казался черным силуэтом, а она лишенным тела, слабо освещенным ликом, который глядел на него из окружающего полумрака.

Он подошел к ней, забрал невыпитый коктейль и выплеснул его, так резко взмахнув рукой, что пролил мимо.

— Мы закрываемся, — сказал он хрипло.

Наконец она пошевелилась. Поднявшись с табурета и быстро выпрямившись, она некоторое время держалась за стойку, чтобы отошли затекшие ноги.

Его пальцы ловко пробежали сверху вниз по пуговицам куртки. Он раздраженно спросил:

— Что это значит? Что за игру вы затеяли? Что у вас на уме?

Она, не ответив, спокойно направилась через полутемный зал к выходу, словно не слышала его. Он никогда бы не подумал, что вид девушки, покидающей бар, может принести ему чувство такого глубокого облегчения. В расстегнутой на груди куртке, обессиленный, изнемогающий, он оперся одной рукой о стойку и слегка нагнулся вперед в ту сторону, куда она ушла.

На улице у выхода горел фонарь, и он снова увидел ее, когда она там оказалась. Она остановилась недалеко от двери, повернулась и посмотрела на него сквозь разделявшее их пространство долгим, серьезным и многозначительным взглядом. Словно хотела показать, что все это ему не привиделось; более того, показать, что это еще не конец, это только небольшая передышка.

Он повернулся, чтобы закрыть дверь на замок, — она молча стояла на тротуаре, в нескольких ярдах. Она выжидающе повернулась лицом к двери, словно карауля его появление.

Он был вынужден двинуться в ее сторону, к ней, так как именно этим путем он уходил по ночам домой. Они оказались на расстоянии вытянутой руки друг от друга, так как тротуар был довольно узким, а она стояла прямо посередине, не стараясь держаться ближе к стене. По ее лицу, которое она медленно поворачивала по мере того, как он подходил, бармен понял, что она будет молча ждать, пока он пройдет, и, раздраженный этим молчаливым упорством, заговорил сам, хотя минуту назад решил не замечать ее.

— Что вам от меня надо? — свирепо спросил он.

— Разве я сказала, будто мне что-то надо от вас?

Он сделал вид, что идет дальше, потом резко развернулся и, оказавшись лицом к лицу с ней, посмотрел на нее обвиняющим взглядом:

— Вы только что сидели здесь, не сводя с меня глаз! Весь вечер, всю ночь, слышите, вы? — Вне себя от ярости, он колотил кулаком по ладони. — А теперь я вижу, что вы стоите здесь и караулите...

— Разве стоять в этом месте на улице запрещено?

Он угрожающе потряс толстым пальцем:

— Я предупреждаю вас, девушка! Для вашей же пользы...

Она не ответила. Она даже рта не раскрыла, а молчание в споре означает победу. Совершенно сбитый с толку, он повернулся и, тяжело дыша, потащился прочь.

Он не смотрел назад. Не пройдя и двадцати шагов, он, даже не оглядываясь, понял, что девушка идет следом. Догадаться было нетрудно, она, очевидно, и не пыталась скрыть этого. Постукивание каблучков легких туфелек по асфальту отчетливо раздавалось в ночной тишине.

Мимо проплыл перекресток, похожий на застывшую асфальтовую реку, затем другой, третий. Город медленно разворачивался перед ними с запада на восток, и все это время он слышал за своей спиной, не слишком далеко, негромкий стук.

Он повернул голову, в первый раз просто предостерегающе. Она шла непринужденно, словно все это происходило в три часа дня. Походка ее была неторопливой, почти величественной, как умеют ходить женщины — плавно, с прямой спиной.

Он быстро прошел еще несколько шагов и снова обернулся. На этот раз всем телом, и в неожиданном порыве раздражения бросился к ней.

Она остановилась, но не сделала назад ни полушага.

Он приблизился и проревел ей в лицо:

— Поворачивай обратно, ты! С меня хватит, слышишь? Поворачивай, а не то я...

— Мне тоже в эту сторону, — только и сказала она.

И опять обстоятельства были в ее пользу. Если все было наоборот... Но как он, мужчина, мог противостоять ей — позвать полицейского и пожаловаться ему, что одинокая юная девушка преследует его на улице? Курам на смех. Она не оскорбила его, ничего не требовала, она просто шла в том же направлении, что и он. Он был так же бессилен против нее, как и в баре.

Он еще секунду-другую постоял перед ней в угрожающей позе, но в его вызове было скорее желание протянуть время, чтобы с наименьшими потерями выбраться из сложной ситуации. Наконец он круто повернулся, что-то проворчав себе под нос: очевидно, это должно было изобразить воинственный пыл, но на самом деле прозвучало немного беспомощно. Он двинулся прочь, снова направляясь к дому.

Десять шагов, пятнадцать, двадцать. За его спиной, словно по команде, опять послышалось «тук-тук, тук-тук, тук-тук». Безостановочно, как неспешный стук дождевых капель по луже. Она снова шла за ним.

Как и каждый вечер, он завернул за угол и по подземному переходу вышел на лестницу, которая вела на нужную ему платформу. Он остановился наверху, в конце галереи с дощатым полом, ведущей к поездам, и внимательно глядел, не появится ли она из наклонного туннеля.

В приближающемся звуке шагов послышалась металлическая нотка, когда каблучки застучали об обитые железом ступеньки. Через минуту ее голова показалась над промежуточной лестничной площадкой.

Турникет с грохотом захлопнулся за ним, и, оказавшись по другую сторону, он обернулся и приготовился защищаться.

Она миновала лестницу и приблизилась такой естественной, размеренной походкой, словно и не замечала, что он стоит прямо за турникетом, к которому она направилась. Она уже держала наготове монету, зажав ее в пальцах. Она оказалась рядом, лишь турникет разделял их.

Он отвел руку назад и, размахнувшись изо всех сил, уже был готов ударить девушку, от такого удара она наверняка не удержалась бы на ногах и отлетела к перилам. Он ощерился, как собака:

— Убирайся вон! Проваливай, откуда пришла!

Он протянул руку и быстро закрыл отверстие турникета большим пальцем, едва она собралась опустить монету.

Она не протестовала, лишь перешла к соседнему турникету. Мгновенно он опять оказался перед ней. Она вернулась к первому турникету. Он снова передвинулся и загородил ей путь. Задрожали рельсы: приближался один из редких ночных поездов.

Каждый раз, заступая ей дорогу, он держал руку за спиной, наготове для удара. На этот раз он с силой выбросил ее вперед. Такой удар мог бы сбить ее с ног, если бы он достиг цели. Она увернулась в сторону, брезгливо поморщившись, как будто почувствовала неприятный запах. Удар пришелся по воздуху.

Тут же совсем рядом послышался повелительный стук по стеклу. Дежурный по станции высунулся по пояс из боковой двери маленькой запыленной будки:

— Прекратите немедленно! Вы что, хотите помешать пассажирам входить на станцию? Я вам покажу!

Он повернулся, чтобы как-то оправдаться, табу теперь можно было нарушить, так как не он первый искал заступничества.

— У этой девицы, похоже, не все дома: ее надо отправить в психушку! Она увязалась за мной по улице, я не могу от нее отделаться.

Она сказала все тем же бесстрастным голосом:

— Разве вы единственный, кто имеет право ездить по этой ветке?

Он снова воззвал к дежурному, который все еще торчал из своей будки, взяв на себя роль третьей стороны:

— Спросите ее, куда она едет. Она сама не знает!

Ее ответ был адресован дежурному, но скрытый смысл слов предназначался вовсе не ему.

— Я еду на Двадцать седьмую улицу. До Двадцать седьмой улицы, между Второй и Третьей авеню. Я имею право пользоваться этой станцией, не так ли?

Лицо человека, преграждающего ей путь, вдруг побледнело, как будто в названии места, которое она произнесла, было что-то страшное для него. Так оно и было. Он жил именно там.

Она заранее знала, куда он едет. Попытки оторваться от нее были бесполезны.

Дежурный объявил свое решение, сделав величественный жест рукой:

— Проходите, мисс.

Монета сверкнула в ее руке, и она прошла через соседний турникет, не дожидаясь, пока бармен освободит ей дорогу. Он и не подумал отойти в сторону, и уже не из упрямства: мысль о том, что ей известен весь его маршрут, на какое-то время словно парализовала его.

Тем временем подошел поезд, но не на их платформу, а на противоположную. Затем он скрылся из виду, и станция снова погрузилась в полумрак.

Она медленно прошла к внешнему краю платформы и остановилась там, ожидая; наконец, появился и он, держась на некотором расстоянии позади. Так как оба смотрели в одну сторону, откуда должен был появиться поезд, он мог ее видеть, а она его нет.

Вдруг, не отдавая себе отчета в том, что она делает, девушка не торопясь направилась в дальний конец платформы, чтобы, как большинство людей в подобной ситуации, убить время, прохаживаясь туда-сюда. Таким образом, она вскоре оказалась вне поля зрения дежурного на станции, там, где крыша над станцией кончалась, а платформа сужалась так, что двоим там было не разминуться.

Она постояла там немного и, по-видимому, хотела развернуться и направиться обратно, туда, откуда пришла. Но пока она стояла там, спиной к нему, глядя в ту сторону, откуда вот-вот должен был показаться поезд, ею постепенно овладела необъяснимая тревога, какое-то чувство приближающейся опасности.

Должно быть, ее насторожило что-то в доносившемся до нее звуке шагов по дощатому полу. Он тоже медленно двинулся по платформе и теперь шел по направлению к ней. Его походка была такой же медлительной, как и у нее, и все-таки не совсем такой. Его шаги отчетливо раздавались в царившей вокруг неестественной тишине, и были они какими-то крадущимися. Его выдавал ритм, точнее, явная попытка приглушить звук. Это была скованная походка — походка человека, планомерно приближающегося к своей цели и старающегося сделать вид, будто он праздно прогуливается. Девушка не могла бы сказать, как она поняла это, но она поняла еще до того, как обернулась, почувствовала, что за те несколько минут, пока она стояла к нему спиной, ему что-то пришло в голову. Что-то, что раньше не приходило.

Она обернулась, и довольно резко.

Он выглядел не добрее, чем когда их разделял турникет. Но не это укрепило ее подозрение. Она перехватила его взгляд, который он, двигаясь вдоль края платформы, бросил на пути, туда, где проходил контактный рельс. Вот оно что.

Она тут же все поняла. Толчок локтем, точный, сильный, сбивающий с ног удар ногой, как только он поравняется с ней. Она моментально осознала отчаянное положение, в котором невольно оказалась. Она сама заперла себя в дальнем конце платформы. Не подумав об этом заранее, она была теперь отрезана от дежурного по станции, вне его защиты, вне поля его зрения. Будка дежурного осталась сзади, в его обязанности входило наблюдать за турникетами. И он не мог видеть всего, что происходит на платформе.

На всей платформе находились только они двое. Она посмотрела на противоположную сторону — там тоже пусто: только что в северном направлении прошел поезд. А поезда в обратном направлении еще не было видно, что и вселило в нее тревогу.

Идти дальше было бы самоубийством, платформа заканчивалась лишь в нескольких ярдах за ее спиной, она совсем загонит себя в тупик и окажется полностью в его власти. Пойти обратно, к центральной части платформы, где присутствие дежурного гарантировало ее безопасность, означало пойти навстречу ему, пройти мимо него, а именно этого он и добивался.

Если бы она закричала сейчас, не дожидаясь атаки, в надежде, что дежурный успеет прибежать на помощь, это могло еще быстрее привести к роковому исходу. По его глазам девушка видела, что он дошел до предела, и крик скорее, чем молчание, приведет к нежелательному результату. Внезапная перемена в его поведении объяснялась не столько гневом, сколько страхом, и крик мог еще больше напугать его.

Она сильно напугала этого человека, она всего-навсего слишком хорошо сделала свое дело.

Она осторожно направилась в глубь платформы, как можно дальше от путей, пока не прижалась к рекламным плакатам, установленным на перилах ограждения. Прижавшись к щитам всем телом, она незаметно продвигалась вдоль них, внимательно наблюдая за барменом. Она шла так близко к ограждению, что ее платье шуршало, задевая перила.

Заметив ее, он двинулся наперерез по диагонали, очевидно стараясь отрезать ей путь к отступлению. Движения обоих были пугающе замедленны, на этой пустынной платформе, на высоте трех этажей над землей, в коричневатом свете, идущем сверху от редких фонарей, они походили на рыб, плавающих в бассейне.

Бармен продолжал двигаться, девушка тоже, и они неизбежно бы встретились через два-три шага.

Неожиданно хлопнул невидимый отсюда турникет, и какая-то темнокожая девица сомнительного поведения выскочила на платформу всего лишь в нескольких ярдах от них; издали она казалась кривобокой, так как сильно наклонилась в сторону, почесывая ногу.

Они оба замерли, каждый в той позе, в которой их застали, чувствуя, как медленно спадает напряжение. Девушка, прижавшаяся спиной к рекламным щитам, лишь тяжелее оперлась о них, чувствуя, как дрожат ее колени. Он, поникнув, словно из него выпустили воздух, облокотился на автомат для продажи жевательной резинки, оказавшийся рядом. Она почти видела, как его недавнее кровожадное намерение выступает у него из всех пор. Наконец он отвернулся и, с трудом передвигая ноги, пошел прочь. Не было сказано ни слова, вся сцена, от начала и до конца, представляла собой пантомиму.

Больше это не повторится. Она опять одержала верх.

Сверкая, как зарница, подошел поезд, и они оба сели в один и тот же вагон, но в разные концы. Они сидели, разделенные расстоянием в длину вагона, все еще приходя в себя после той сцены, он сгорбился, поставив локти на колени, она сидела с прямой спиной, разглядывая лампочки под потолком. Между ними не было никого, кроме темнокожей девицы, которая все продолжала время от времени почесываться и внимательно читала номера станций, словно выбирала, на какой выйти.

Они оба вышли из вагона на станции «Двадцать восьмая улица», держась на том же расстоянии друг от друга. Бармен знал, что она идет за ним по пятам. Она могла сказать наверняка, что он знает, хотя он не оглядывался. Об этом говорил наклон его головы. Казалось, он смирился, позволил ей делать что угодно, даже идти за ним до самого дома, если ей так этого хочется.

Оба шли по Двадцать седьмой улице по направлению к Второй авеню, он по одной стороне улицы, она по другой. Он выдерживал дистанцию на четыре подъезда, и девушка не прибавляла шагу. Она знала, в какую дверь он войдет, и он знал, что она это знает. Преследование свелось к чисто механическому действию, единственным непонятым моментом оставался вопрос: «Зачем?» Но в нем была вся суть.

Он вошел в дом и растворился в одном из черных дверных проемов сразу за углом. Он, вероятно, до последнего момента слышал это безжалостное, ужасающе-спокойное «тук-тук, тук-тук» у себя за спиной, но, не подавая виду, не обернулся. Наконец они расстались, впервые за весь вечер.

Она продолжала идти, пока не прошла все расстояние, разделявшее их, и не поравнялась с домом. Тогда она заняла позицию на противоположном тротуаре, и открыто встала там, наблюдая за интересовавшими ее двумя темными окнами.

Вдруг они осветились, словно приветствуя кого-то, кого там ждали. Затем через минуту опять погасли, как по команде. Они так и оставались темными, хотя сероватая занавеска на окне, казалось, то и дело шевелится и отодвигается, еле заметно, как мимолетное отражение в зеркале. Девушка знала, что из этих окон за ней наблюдают, может быть и не один человек.

Она бесстрашно несла свою вахту.

Извиваясь, как червяк, вдалеке прополз поезд надземной дороги. Мимо проехало такси, и водитель с любопытством взглянул на нее, но у него уже был пассажир. Поздний прохожий прошел по другой стороне улицы, посмотрел на нее, надеясь привлечь внимание. Она встала к нему вполборота и вернулась в исходное положение лишь после того, как прохожий отошел на приличное расстояние.

Вдруг рядом с ней, возникнув ниоткуда, появился полицейский. Не замеченный девушкой, он, должно быть, уже некоторое время наблюдал за ней.

— Минуточку, мисс. Я получил жалобу от женщины, живущей в одной из этих квартир, что вы преследовали ее мужа по дороге от работы до дома и вот уже полчаса стоите здесь, разглядывая их окна.

— Так и есть.

— Вам лучше уйти.

— Прошу вас, возьмите меня за руку так, как будто вы задержали меня, и давайте завернем за угол.

Он послушался, не без удовольствия. Они остановились так, чтобы их не могли видеть из окон.

— Вот. — Она достала лист бумаги и показала ему.

Полицейский разглядывал его в неверном свете уличного фонаря.

— Кто это? — спросил он.

— Начальник отдела по расследованию убийств. Вы можете позвонить ему и проверить, если хотите. Все это я делаю с его полного одобрения.

— О, что-то вроде секретного задания, а? — проговорил он с возросшим удивлением.

— И пожалуйста, в дальнейшем не давайте ходу жалобам этих людей по поводу меня. В течение ближайших нескольких дней у вас их будет много.

Когда он ушел, она сама позвонила по телефону.

— Ну как, действует? — спросил голос на другом конце провода.

— Он уже заметно нервничает. Он разбил стакан в баре. И только что едва не поддался искушению сбросить меня под поезд на станции надземной дороги.

— Похоже, сработало. Будьте осторожны, не подходите к нему слишком близко, когда рядом никого нет. Помните, самое главное — не давать ему никакого намека на то, в чем все дело, что за этим стоит. *Не задавайте ему вопросов*, в этом весь смысл. Как только он поймет, что вам надо, все будет испорчено, пропадет весь эффект. А если он не будет знать, за что его преследуют, это в конце концов его измотает, и мы получим от него то, что нужно.

— Когда он обычно уходит на работу?

— Каждый день он выходит из дому около пяти, — сообщил ее собеседник, словно все сведения были у него под рукой.

— Завтра, как только он выйдет, я буду тут как тут.

На третью ночь управляющий неожиданно появился у стойки, где сидела она, и, без всяких просьб с ее стороны, позвал бармена.

— В чем дело, почему вы не хотите обслуживать эту юную леди? Я наблюдал. Она уже двадцать минут сидит здесь. Вы что, не заметили ее?

Его лицо посерело и блестело от пота. Это случалось с ним теперь всякий раз, стоило ему подойти к ней.

— Я не могу, — сказал он хрипло, понижая голос, чтобы остальные не слышали его. — Мистер Ансельмо, это бесчеловечно, она издевается надо мной, вы не понимаете... — Он закашлялся, готовый расплакаться, его щеки надулись и снова спали.

Девушка, в двух шагах от него, сидела, глядя на них спокойными, невинными, как у младенца, глазами.

— Три ночи подряд она вот так сидит здесь. Она все время смотрит на меня...

— Она смотрит на вас, она ждет, чтобы ее обслужили, — с упреком сказал управляющий. — А что вы хотите, чтобы она делала? — Он пригляделся к бармену и заметил некоторую странность в его лице. — Что с вами, вы больны? Если вы больны и хотите пойти домой, я позвоню Питу и вызову его.

— Нет, нет! — немедленно взмолился он почти что с рыданием в голосе. — Я не хочу домой — тогда она просто пойдет за мной по всем улицам и опять всю ночь будет стоять под моими окнами! Я лучше останусь здесь, где вокруг люди!

— Прекратите нести чепуху и примите у нее заказ, — бесцеремонно заключил управляющий. Он повернулся и ушел, бросив на нее единственный взгляд и убедившись, что это скромная, хорошо воспитанная и безобидная девушка.

Рука, поставившая перед ней стакан, невольно дрогнула, часть напитка пролилась.

Ни один из них не сказал другому ни слова, хотя они чувствовали дыхание друг друга.

— Хэлло, — приветливо сказал в окошечке дежурный по станции, когда она остановилась рядом с будкой. — Слушайте, как забавно, вы и этот парень, который только что прошел перед вами, вы, кажется, каждый раз приходите сюда в одно и то же время и все же никогда не едете вместе. Вы заметили?

— Да, заметила, — ответила она. — Мы оба едем в одно и то же место каждую ночь.

Она не отходила от будки, положив локти на полочку перед окошком, как будто это прикосновение как-то защищало ее, пока она рассеянно болтала с дежурным, ожидая поезда.

— Приятный вечер, не правда ли?.. Как поживает ваш малыш?.. Я не думаю, что у Доджера есть шанс...

Время от времени она поворачивала голову и бросала взгляд на платформу, где то стояла на месте, то расхаживала, то иногда исчезала из виду одинокая фигура, — но девушка не осмеливалась выйти на платформу сама.

И только когда подошел и остановился поезд и открылись двери, она оторвалась от будки и стремительной походкой вошла в вагон. Теперь уже с ней не могло ничего случиться, так как сами вагоны и их ходовая часть надежно закрывали контактный рельс.

В дальнем конце улицы, извиваясь, как червяк, прополз поезд надземной дороги. Медленно проехало такси, и водитель с любопытством посмотрел на девушку, но он уже ехал на стоянку и не хотел больше брать пассажиров. Двое поздних прохожих прошли мимо, один из них шутливо крикнул:

— Что, подружка, припозднилась?

Не получив ответа, они скрылись в темноте.

Неожиданно, без всякого предупреждения, распахнулась дверь квартиры, которой принадлежали те два окна, и оттуда со скоростью реактивного снаряда вылетела растрепанная женщина в пальто, накинутом поверх ночной сорочки. Свои босые ноги она наспех засунула в то и дело сваливающиеся туфли, которые громко хлопали при каждом шаге.

Размахивая длинной палкой от швабры, она быстро и безошибочно направилась к одинокой фигуре, стоящей на противоположной стороне улицы, и намерения ее не вызвали сомнений.

Девушка повернулась, поспешно направилась к ближайшему перекрестку, свернула за угол и вышла на соседнюю улицу, но движения ее были настолько уверенными, что никому бы и в голову не пришло, что она спасается бегством, скорее, это выглядело так, словно она заблаговременно уходит, чтобы избежать докучной встречи.

Когда она прошла уже половину квартала, ее настигли пронзительные вопли женщины, не поспевавшей за ней:

— Ты три дня ходишь по пятам за моим мужем! Только попробуй еще раз, я тебе покажу! Только попадись мне — увидишь!

Она еще немного постояла на углу, выкрикивая самые свирепые угрозы и размахивая палкой. Девушка замедлила шаг, остановилась и растворилась во мраке.

Наконец женщина повернула обратно, направляясь к своему дому.

Вскоре девушка вновь оказалась на том же самом месте и точно так же стояла, глядя через дорогу вверх на те два окна, словно кошка, караулящая мышиную нору.

Прогрохотал поезд... Проехало такси... Появился запоздалый прохожий, прошел мимо, исчез...

Пустые окна, казалось, теперь смотрели на нее сверху в каком-то беспомощном гневе.

— Уже скоро, — сказал голос по телефону. — Еще один день, чтобы мы были уверены, что он полностью деморализован. Может быть, завтра вечером...

У него был выходной, и вот уже целый час он пытался оторваться от нее.

Девушка видела, что он вот-вот опять остановится. Теперь она предвидела это: она уже хорошо изучила его повадки. На этот раз он остановился на ярко освещенном месте, прислонился спиной к стене дома; люди, спешащие за покупками, сновали мимо. Он уже делал две или три такие остановки, и каждый раз они заканчивались ничем. Как и всегда. Он шел дальше, и она шла за ним.

На этот раз она заметила разницу. На этот раз он остановился, казалось почти неосознанно. Как будто вдруг иссяк запас его выносливости, прямо здесь, на этом самом месте, и он почувствовал себя абсолютно измотанным. Когда бармен прислонился к стене, небольшой сверток, который он немного наискосок держал под мышкой, выскользнул и упал на землю, а он даже не нагнулся за ним.

Девушка остановилась недалеко от него, как обычно не подавая виду, что имеет к нему какое-либо отношение. Она стояла и, как всегда, смотрела на него мрачным взглядом.

Лучи солнца упали ему прямо на лицо, и он заморгал. Он моргал все чаще и чаще.

Неожиданно из глаз у него хлынули слезы, и он разрыдался самым жалким образом, на глазах у всех прохожих; его лицо превратилось в уродливую, кирпично-красную, сморщенную маску.

Два человека остановились, не веря своим глазам. Потом их стало четверо, потом шестеро. Он и девушка оказались в самом центре толпы, которая окружала их со всех сторон, прибывала, становилась все многочисленнее.

Он потерял остатки собственного достоинства и, не видя всей пропасти своего унижения, зывал к чувствам зевак, чуть ли не молил их о помощи и защите.

— Спросите, *что ей от меня надо!* — кричал он, ничего уже не соображая. — Спросите, чего она добивается! Она не оставляет меня в покое целыми сутками, ни днем ни ночью! Я больше не могу, слышите, вы, я больше не могу!

— Он что, пьяный? — вполголоса, с издевкой спросила одна женщина другую.

Девушка бесстрашно стояла тут же, не делая ни малейшей попытки укрыться от внимания, которое он привлек к ним обоим. Она выглядела такой серьезной, подтянутой, преисполненной чувства собственного достоинства, а он таким смешным и нелепым, что результат мог быть только один: симпатии толпы оказались всецело на ее стороне. Толпа обычно предрасположена к садизму.

В толпе то там, то здесь начали появляться ухмылки. Ухмылки переросли в смешки, а смешки — в издевательский хохот. В следующий момент вся толпа безжалостно гоготала над ним. Лишь одно лицо среди всех оставалось бесстрастным и пугающе безразличным.

Ее лицо.

Устроив весь этот спектакль, он только усугубил свое положение, вместо того чтобы облегчить его. Теперь вместо одного мучителя он получил тридцать.

— Я больше не выдержу! Слышите, вы, я с ней что-нибудь *сделаю!* — Неожиданно он рванулся к ней, словно собираясь ударить ее или оттолкнуть от себя.

В ту же минуту мужчины выскочили вперед, бросились на него, схватили за руки, не обращая внимания на его непрекращающиеся злобные выкрики. Вокруг нее образовался клубок барахтающихся тел. Вдруг ему удалось вырваться из кольца и высунуть голову в попытке дотянуться до нее.

Теперь вся толпа была готова броситься на него.

Девушка обратилась к людям — сдержанно, но достаточно громко, чтобы ее могли услышать, — и ее спокойный, ясный голос быстро остановил их:

— Не надо. Оставьте его в покое. Пусть идет своей дорогой.

Но в ее голосе не было ни теплоты, ни сочувствия, только ужасное, стальное безразличие. Она как будто хотела сказать: «Оставьте его мне. Он мой».

Руки, державшие его, разжались, сжатые кулаки опустились, пальто вернулись на плечи своих владельцев, и наиболее агрессивное ядро толпы рассеялось. Но сама толпа осталась, и он стоял в центре ее. Один на один с нею.

Он метнулся в одну, потом в другую сторону, с раздражением, с мукой пытаясь найти проход между плотно обступившими его людьми. Наконец это ему удалось: он устремился в брешь и, работая локтями, выбрался наружу. Он изо всех сил бросился бежать прочь от проклятого места, тяжело топая по тротуару; он убежал от худенькой девушки, которая стояла и смотрела ему вслед, ее талия, стянутая поясом пальто, была не шире мужской ладони. Он дошел до точки.

Девушка не замедлила последовать за ним. Она не ждала аплодисментов, ее не прельщал триумф. Ловкими движениями она просочилась сквозь скопление народа. Тогда изящной, но энергичной походкой, иногда делая легкие перебежки, она поспешила вслед за неуклюже подпрыгивающей фигурой.

Странная погоня. Невероятная погоня. Хрупкая девушка преследует рослого бармена, не отставая от него ни на шаг, среди бела дня по запруженным людьми улицам Нью-Йорка.

Он почти сразу же понял, что та опять принялась за свое. Он, охваченный мрачным предчувствием, оглянулся в первый раз. Она ждала, чтобы он оглянулся еще. Когда он повернул голову, девушка резко выбросила вперед руку, повелительным жестом приказывая остановиться.

Время пришло, час настал. Она была уверена, что Берджесс одобрит ее. После пробежки под полуденным солнцем бармен будет мягким как воск. Толпа, оставшаяся позади, лишила его последней надежды. Он искал защиты, но не получил ее и теперь не чувствовал себя в безопасности даже в разгар дня на шумных улицах города.

Но если она не использует свой шанс, если она не начнет действовать сейчас же, его сопротивление может окрепнуть. Может начаться обратная реакция. Привычка легко переходит в презрение, это она хорошо усвоила.

Теперь — самый подходящий момент; ей просто надо в буквальном смысле припереть его к стенке еще раз, быстро дозвониться до Берджесса, чтобы тот успел приехать и лично довести дело до конца: «Теперь вы признаетесь, что в ту ночь в баре видели женщину вместе с Хендерсоном? Почему вы отрицали, что видели ее? Кто заплатил вам или запугал вас, чтобы вы это отрицали?»

Он на секунду остановился немного впереди нее, на следующем углу, озираясь в поисках выхода, как мечущееся, загнанное в ловушку животное. Паника овладела им. Девушка поняла это по его резким, беспорядочным броскам в разные стороны. Он пытался найти убежище. Теперь он видел в ней не девушку, которую он мог бы, если бы только захотел, сбить с ног одним ударом. Теперь она была для него Немезидой.

Девушка опять вскинула руку; расстояние между ними быстро сокращалось. На него этот жест подействовал как удар хлыста и послужил последним толчком; несчастный окончательно потерял голову. Он стоял на перекрестке, и от проезжей части его отделяла тонкая, но плотная цепочка людей, которые собирались перейти дорогу. На светофоре горел красный сигнал.

Бармен бросил на девушку последний взгляд, она была уже близко, и тогда он рванулся сквозь толпу, как акробат в цирке сквозь бумажное кольцо.

Она резко остановилась, так резко, будто с размаху угодила каблуками обеих туфель в невидимую щель на тротуаре. Тормоза, сгорая, заскрежетали по асфальту.

Она вскинула руки, закрывая глаза, но успела увидеть, как его шляпа взмыла в воздух, описывая петлю высоко над головами прохожих.

Пронзительно завизжала какая-то женщина, а затем над толпой пронесся общий крик ужаса.

Глава 13

Одиннадцать дней до казни Ломбард

Ломбард шел за ним уже полтора часа, а на всем белом свете нельзя двигаться медленнее, чем следуя по пятам за слепым попрошайкой. Слепой двигался как черепаха, у которой в запасе сотни лет, а не как человек, исчисляющий свой век годами. Ему требовалось сорок минут, чтобы пройти один квартал, от угла до угла. Ломбард несколько раз засекал по своим часам.

Слепой не мог видеть, поэтому ему приходилось полагаться на других пешеходов, которые переводили его через дорогу, каждый раз, когда он подходил к перекрестку. Ему никогда не отказывали. Если он подходил к перекрестку, когда горел красный свет, полицейские тут же переключали светофор на зеленый. И почти каждый, кто проходил мимо, кидал что-нибудь в его кружку. Так что ему было выгодно не спешить.

Ломбарду же это давалось с большим трудом; он был энергичным, здоровым человеком, который в эти дни особенно остро ощущал цену времени. Все, что он мог позволить себе, — это на какое-то время остановиться, прекратить это бесконечное, невыносимо медленное движение, которое казалось ему разновидностью китайской пытки, когда на голову по капле льют воду. Но всякий раз он брал себя в руки и не выпускал нищего из виду; он в нетерпении курил сигарету за сигаретой, подолгу простаивал неподвижно у подъездов и витрин, дожидаясь, пока слепой отойдет подальше, затем быстро догонял его энергичными шагами и вновь останавливался, позволяя своей жертве проковылять еще несколько шагов. Такое чередование ходьбы и остановок немного помогало вынести пытку.

«Это не может продолжаться вечно, — все время напоминал он себе. — Это не может продолжаться всю ночь. Этот силуэт впереди принадлежал человеку. Ему надо где-то спать. Ему придется когда-нибудь покинуть открытое пространство, войти хоть в какое-нибудь помещение и улечься там, чтобы отдохнуть. Попрошайки такого рода не промышляют всю ночь до рассвета, это обычно не оправдывает себя».

Наконец-то. Ломбард думал, что это никогда не кончится, но всему приходит конец. Слепой свернул в сторону, в какой-то тесный закоулок, и вошел в дом.

К тому времени они уже очутились в таком заброшенном месте, где нищий вряд ли мог рассчитывать на подаяние. Его обитатели скорее сами нуждались в милостыне, и о том, чтобы подавать кому-то еще, не могло быть и речи. С одной стороны этот квартал был ограничен виадуками из грубых гранитных блоков. Там проходила надземная железная дорога.

Берлога нищего оказалась совсем рядом, в полуразрушенном доме. Ломбарду пришлось теперь быть осторожнее, хотя он не сразу осознал, что конец их путешествия уже близок. Ему пришлось значительно отстать, так как улицы вокруг были пустынно и ничто не заглушало его шагов, а он знал, что у слепых обычно очень чуткий слух.

Поэтому, когда нищий зашел в дом, Ломбард был несколько дальше от него, чем ему следовало бы. Он быстро нагнал слепого в последний момент, чтобы, если удастся, успеть заметить, на какой этаж он поднимется. Ломбард остановился у подъезда, затем осторожно вошел следом за нищим и прошел немного вперед, чтобы было лучше слышно.

Слепой поднимался невыносимо медленно, постукивая тростью по ступеням. Этот звук, доносившийся сверху, напоминал стук капель, падающих из неисправного крана в пустую деревянную кадку. Ломбард насчитал четыре перерыва в этом постукивании, четыре раза, на каждой площадке, менялся ритм его шагов. На ровной площадке звук был более монотонным, чем на наклонной лестнице. Затем шаги затихли где-то в задней части дома.

Ломбард подождал, пока не услышал, как где-то наверху слабо хлопнула дверь, затем тоже начал подниматься, осторожно, но быстро, дав наконец выход своей так долго сдерживаемой энергии. Крутые ступеньки старой лестницы могли смутить кого-нибудь другого — он их просто не замечал.

Перед ним в задней части коридора оказались две двери, но он уже знал, какая именно ему нужна, так как вторая, это было видно даже издали, явно вела в туалет.

Он немного постоял на верхней ступеньке, чтобы совладать с одышкой, затем осторожно направился к двери. «Говорят, у слепых очень хороший слух», — еще раз напомнил он себе. Но он действовал безукоризненно, ни одна половица не скрипнула под ногами, в основном благодаря его совершенной координации движений, а не малому весу. Он всегда отлично владел своим телом, которое скорее напоминало корпус гоночной машины, чем структуру из мышц, костей и кожи.

Он приставил ухо к двери и прислушался.

В комнате, конечно, было темно, потому что свет для ее хозяина не существовал и зажигать его не было никакого смысла. Но время от времени Ломбард улавливал какое-то движение внутри. Ему пришло в голову, что животные так же скрываются в свою нору и некоторое время крутятся, устраиваясь поудобнее, прежде чем улечься на ночлег.

Он не слышал никаких голосов. Должно быть, нищий был там один.

Довольно ждать. Пора. Он постучал.

Движение в комнате тотчас же прекратилось, и все смолкло. Тишина. Комната, которая старается притвориться пустой. Испуганная, затравленная тишина, которая, он знал, может длиться столько, сколько пришелец будет стоять за дверью, — если он клюнет на это.

Ломбард постучал еще раз.

— Откройте! — сурово приказал он.

В третий раз он постучал повелительно. В четвертый раз он начнет колотить в дверь.

— Откройте! — рявкнул он в тишину.

Внутри робко скрипнула половица, а затем — Ломбарду показалось, что через щель он чувствует дыхание, доносящееся изнутри, так близко стоял говоривший, — голос спросил:

— Кто тут?

— Друг.

Голос, вместо того чтобы успокоиться, стал еще более испуганным:

— У меня нет друзей. Я вас не знаю.

— Впустите меня. Я не причиню вам вреда.

— Я не могу. Я здесь один и совершенно беспомощен. Я не могу никого впустить.

Ломбард понял, что слепой боится за свою дневную выручку. Его нельзя было осуждать за это. Удивительно, что он вообще благополучно донес деньги.

— Меня вы можете впустить. Давайте открывайте. Я всего лишь хочу поговорить с вами.

Голос по ту сторону двери задрожал:

— Уходите отсюда. Отойдите от моей двери, или я из окна позову на помощь.

Но это прозвучало скорее как мольба, чем как угроза.

На какое-то время беседа зашла в тупик. Ни один не сдвинулся с места. Ни один не произнес ни звука. Оба ясно чувствовали присутствие друг друга. Страх по одну сторону двери, непреклонность по другую.

Наконец Ломбард достал свой бумажник и задумчиво исследовал его содержимое. Самой крупной оказался пятидесятидолларовый банкнот. Там было несколько более мелких купюр, можно было взять любую, но он выбрал самую крупную. Он опустил ее на корточки и целиком просунул ее под дверь.

Выпрямившись, он сказал:

— Нагнитесь и пощупайте на полу под дверью. Разве это не доказывает, что я не собираюсь вас грабить? А теперь впустите меня.

Нищий немного поколебался, затем брякнула цепочка, отодвинулся засов, и, наконец, в замочной скважине повернулся ключ. Дверь запиралась основательно.

Она нехотя открылась, и сплошные черные очки, которые Ломбард несколько часов созерцал на улице, устали на него.

— С вами есть еще кто-нибудь?

— Нет, я один. И я пришел сюда не за тем, чтобы причинять вам неприятности, так что не беспокойтесь.

— Вы, часом, не из полиции?

— Нет, я не из полиции. Если бы я был из управления, вместе со мной пришел бы еще агент, а тут никого нет. Я просто хочу поговорить с вами, можете вы это, наконец, понять? — Ломбард толкнул дверь и вошел.

Комната терялась в темноте, казалась несуществующей, окутанной покровом мрака — для его собеседника, должно быть, таким представлялся весь мир. Какой-то момент косою луч тусклого желто-коричневого света, падающий с лестницы, из-за спины Ломбарда, еще позволял что-то разглядеть, затем дверь закрылась, и светлая полоса исчезла тоже.

— Вы можете зажечь свет?

— Нет, — ответил слепой, — так мы с вами почти на равных. Если вы хотите только поговорить, зачем вам свет?

Ломбард услышал, как где-то рядом звякнула пружина ветхой кровати, когда хозяин комнаты опустился на нее. Вероятно, уселся на свой дневной заработок, спрятанный под матрас.

— Ладно, бросьте эти глупости, так разговаривать невозможно. — Он пошарил рукой на уровне своих коленей, наткнулся на шаткое деревянное кресло-качалку, придвинул его и сел.

— Вы сказали, что хотите только поговорить, — упрямо повторил голос из темноты. — Вы вошли, так что давайте, говорите. Вам же не обязательно видеть, чтобы говорить.

Ломбард спросил:

— Но закурить-то, по крайней мере, можно? Вы не будете возражать? Вы ведь, поди, тоже курите?

— Когда есть что курить, — с недоверием произнес голос.

— Вот, возьмите, — послышался щелчок, и в руке Ломбарда вспыхнул огонек зажигалки, осветив небольшой уголок комнаты.

Слепой сидел на краешке кровати, его трость лежала наискосок на коленях — на случай, если бы пришлось защищаться.

Рука Ломбарда показалась из кармана, но вместо пачки сигарет в ней был зажат револьвер. Ломбард приставил его к бедру, направив прямо на собеседника.

— Вот, угощайтесь, — вежливо повторил он.

Слепой весь напрягся. Трость скатилась с его колен и со стуком упала на пол. Судорожно дернувшись, он закрыл руками лицо.

— Я знал, что вам нужны мои деньги, — хрипло сказал он. — Мне не надо было впускать вас...

Ломбард сунул револьвер обратно — так же невозмутимо, как и достал.

— Вы не слепой, — спокойно заявил он. — Мне не нужно было проделывать подобный трюк, чтобы убедиться в этом. Но я хотел таким образом показать вам, что вы попались. Для меня было достаточно того простого факта, что вы открыли дверь за пятидесятидолларовую бумажку. Должно быть, вы зажгли на минуту спичку, чтобы получше рассмотреть. Если бы вы были по-настоящему слепым, то как бы вы поняли, что это не один доллар? Банкнот в один доллар по размеру точно такой же, как и в пятьдесят. Ради одного доллара вы бы не открыли дверь, вы, вероятно, пришли сюда с большой суммой. А вот ради пятидесяти долларов стоило рискнуть, это больше, чем вы собрали сегодня. — Он заметил оплывший огарок свечи, подошел и, не переставая говорить, щелкнул зажигалкой.

— Вы полицейский, — запинаясь, проговорил нищий, беспокойно вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. — Мне бы сразу догадаться.

— Не в том смысле, какой вы имеете в виду. Меня не волнует, что вы выпрашиваете деньги, притворяясь слепым. Может быть, вас хоть это немного успокоит.

Он вновь вернулся к креслу.

— Тогда кто вы? Чего вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы вспомнили кое-что, что вы видели, *мистер Слепой*, — иронично добавил он. — Вот послушайте. Как-то раз, вечером, в прошедшем мае, вы болтались у театра «Казино», приставая к зрителям, которые выходили оттуда...

— Но я там бываю часто...

— Меня интересует один вечер, один вполне определенный вечер. Только один, до остального мне нет дела. В тот самый вечер из театра вместе вышли мужчина и женщина. На женщине была ярко-оранжевая шляпа, из которой торчало длинное перо. Вы прицепились к паре, когда она садилась в такси, в нескольких ярдах от выхода. Теперь слушайте внимательно.

Женщина, сама того не заметив, уронила зажженную сигарету в кружку, которую вы ей протянули. Вместо монеты, которую она хотела бросить. Вы обожгли пальцы этой сигаретой. Мужчина быстро вытащил ее и, чтобы загладить оплошность, сунул вам пару долларов. Я думаю, он сказал что-нибудь вроде: «Извини, приятель, она нечаянно». Вы, конечно, помните это. Вы не каждый вечер обжигаете пальцы о сигарету, попавшую в вашу кружку, и не каждый вечер получаете два доллара сразу от одного и того же прохожего.

— А если я скажу, что не помню?

— Тогда прямо сейчас я заберу вас с собой и отведу в ближайший полицейский участок, как мошенника. Вы получите срок в исправительной тюрьме, и с этого дня полиция возьмет вас на заметку и будет задерживать всякий раз, когда вы попытаетесь попрошайничать на улице.

Человек на кровати в отчаянии впился ногтями в лицо, сдвинув на лоб черные очки.

— Но разве вы не вынуждаете меня признать, что я это помню, не важно, помню я или нет?

— Я только заставляю вас признать то, что, я уверен, вы и так помните.

— Предположим, я скажу, что помню, что тогда?

— Для начала вы расскажете мне, что именно вы помните, затем повторите это моему другу, полицейскому в штатском. Я либо приведу его сюда, либо вас отведу к нему...

Попрошайка в отчаянии подскочил:

— Но как же я сделаю это, не выдав себя? Полицейский в штатском! Считается, что я слепой, как же я скажу, что видел их? Это ведь то же самое, чем вы угрожали мне, если я не вспомню!

— Нет, вы расскажете это только одному человеку, а не всей полиции. Я могу договориться с ним, он пообещает, что вас не будут преследовать. Ну что, подходит?

— Да, видел, — тихо признал так называемый слепой. — Я видел их вместе. Обычно я закрываю глаза, даже в очках, если оказываюсь в ярко освещенных местах, как около этого театра. Но когда я обжег палец, то широко раскрыл их. Я вижу сквозь очки, и я разглядел их обоих, точно.

Ломбард вынул что-то из бумажника.

— Это он?

Слепой отшвырнул свои очки подальше и внимательно изучил моментальный снимок.

— Я бы сказал — да, — наконец произнес он. — Хотя я видел его только мельком и это было давно, мне кажется, что это он и есть.

— А как насчет дамы? Вы бы смогли узнать ее, если бы снова увидели?

— А я и видел ее снова. Его я видел только в тот вечер, но ее я видел и после, по крайней мере еще один раз...

— Что? — Ломбард резко вскочил, нагнувшись к нему. Покинутое кресло закачалось за его спиной. Он схватил нищего за плечо, стиснув так, словно хотел буквально выжать информацию из этого костлявого тела. — Я хочу все знать об этом! Говорите! Быстро!

— Это случилось вскоре после того вечера, поэтому я и догадался, что передо мной именно она. Я стоял около одного из шикарных отелей, вы знаете, как там светло. Я услышал шаги двоих, спускавшихся по ступенькам, мужчины и женщины. Затем женщина остановилась и сказала: «Подождите минутку, может быть, это принесет мне удачу», и я понял, что она имеет в виду меня. Я снова услышал ее шаги, она повернулась и подошла ко мне. Звякнула монетка. Двадцать пять центов. Я по звуку могу различать монеты. А затем произошло самое забавное, из-за чего я и догадался, что это она. Это такая мелочь, я не знаю, сможете ли вы уловить. Она целую минуту стояла передо мной, люди обычно так не делают. Монета уже была в кружке, и я понял, что она, должно быть, просто смотрит на меня. Или на что-то такое во мне. Я держал кружку в правой руке, на которой был ожог, а ожог к тому времени превратился в большой волдырь. Я думаю, что его она и заметила. Короче говоря, дальше было вот что. Я расслышал, как она сказала вполголоса не мне, а самой себе: «Надо же, как странно!» Затем ее шаги удалились, она направилась туда, где ждал мужчина. Вот и все...

— Но...

— Подождите, я еще не закончил. Я приоткрыл глаза, совсем чуть-чуть, и заглянул в кружку. *Она добавила долларовую бумажку к той монете, которую бросила вначале.* Я понял, что это именно она, потому что раньше такой бумажки там не было. Почему она вдруг передумала и добавила еще доллар, когда уже положила двадцать пять центов? Должно быть, это была та же

самая женщина, она, вероятно, узнала меня по ожогу и вспомнила, что случилось несколько дней назад...

— Вероятно, вероятно, — нетерпеливо скрипнул зубами Ломбард. — Я-то думал, что вы видели ее и можете рассказать, как она выглядит!

— Я не могу сказать, как она выглядит спереди, потому что я не решился открыть глаза. Вокруг было слишком светло, и я боялся выдать себя. Когда она отвернулась и я увидел доллар, то немного приподнял веки, и посмотрел ей вслед из-под ресниц, и разглядел ее со спины, когда она садилась в машину.

— Со спины! Хорошо, скажите мне хотя бы, как она выглядит со спины!

— Я не мог рассмотреть ее всю даже со спины, я боялся слишком широко открывать глаза. Я увидел только шов на шелковом чулке и один каблук, когда она подняла ногу, чтобы сесть в машину. Вот и все, что я смог разглядеть из-под опущенных век.

— Оранжевая шляпа в первый вечер. Шов на чулке и один каблук во второй, неделю спустя! — Ломбард пихнул нищего на кровать. — С такими темпами не пройдет и двадцати лет, как мы соберем ее целиком!

Он подошел к двери, с силой распахнул ее и, обернувшись, бросил на нищего недобрый взгляд:

— Уверен, вы можете вспомнить гораздо больше! И профессионал сумеет вытянуть это из вас. Вы наверняка смотрели на нее во все глаза в первый вечер около театра. А во второй раз вы должны были слышать, какой адрес назвали водителю, когда дама села в машину.

— Я не слышал.

— Вы останетесь здесь, понятно? Никуда не уходите. Я спущусь вниз и позвоню тому парню, о котором я вам говорил. Я хочу, чтобы он пришел сюда и выслушал вашу историю.

— Но он же коп!

— Я уже сказал: все будет в порядке. Вы нас не интересуете — ни его, ни меня. Вам не о чем беспокоиться. Но не вздумайте удрать отсюда, пока меня не будет, или вам придется плохо.

Он закрыл за собой дверь.

Голос на другом конце провода казался удивленным:

— У вас уже что-то есть?

— У меня уже кое-что есть, и я хочу, чтобы вы послушали и решили, важно это или не очень. Я думаю, вы сможете узнать больше, чем я. Я сейчас на углу Сто двадцать третьей улицы и Парк-авеню, в последнем доме около железнодорожных путей. Было бы лучше, если бы вы как можно скорее приехали сюда и посмотрели, чего все это стоит. Я поставил полицейского из патруля около входа, чтобы он понаблюдал за нищим, пока я не вернусь. Я звоню из автомата на углу, это единственный телефон поблизости. Я буду ждать вас внизу у подъезда.

Через несколько минут неподалеку притормозила патрульная машина, из которой на ходу выпрыгнул Берджесс. Автомобиль, не останавливаясь, поехал дальше, а Берджесс поспешил к подъезду, у которого стояли Ломбард и полицейский.

— Сюда, — сказал Ломбард и без дальнейших объяснений повернулся к двери.

— Я, наверное, могу продолжать обход, — сказал полицейский, двигаясь прочь.

— Большое спасибо, офицер, — крикнул ему вслед Ломбард. (Они оба были уже на лестнице). — Наверх до самого конца, — пояснил Ломбард, идущий впереди. — Этот парень дважды видел ее, в тот вечер и еще раз, неделю спустя. Он слепой: не смейтесь, липовый, конечно.

— Что ж, ради этого стоило приехать, — признал Берджесс.

Они, следуя друг за другом, миновали один лестничный пролет. Руки скользили по перилам.

— Он хочет, чтобы его не привлекали за обман. Бойтся полиции.

— Мы что-нибудь придумаем, если дело стоит того, — проворчал Берджесс.

Вторая площадка.

— Еще одна, — предупредил Ломбард, не дожидаясь вопроса.

Они берегли дыхание для следующего марша.

Третья площадка.

— Что стряслось со светом здесь, наверху? — выдохнул Берджесс.

Ломбард сбился с шага, словно его толкнули.

— Странно. Когда я спускался, там горела одна лампочка. Либо она перегорела, либо кто-то специально ее выкрутил.

— Вы уверены, что лампочка горела?

— Абсолютно. Я помню, у него в комнате было темно, но через открытую дверь проникал с лестницы свет.

— Лучше я пойду первым. У меня есть карманный фонарик. — Берджесс обогнал его и пошел впереди.

Должно быть, его мысли все еще были заняты погасшей лампочкой, когда на промежуточной между этажами площадке, на повороте, где лестница меняла направление, он вдруг пошатнулся, неуклюже взмахнул руками и рухнул на четвереньки.

— Осторожно, — предупредил он Ломбарда. — Отойдите назад.

Луч его фонарика метнулся вверх, освещая пространство между стеной и нижней ступенькой. Там наискосок лежала неподвижная, нелепо изогнутая фигура. Ноги свисали с последних ступеней, туловище целиком лежало на площадке, а голова, повернутая назад под неестественно острым углом, опиралась затылком о стену. На одном ухе болтались чудом не разбившиеся очки.

— Это он? — пробормотал Берджесс.

— Он, — коротко ответил Ломбард.

Берджесс наклонился над телом, что-то ощупывая, потом, выпрямившись, произнес:

— Шея сломана. Умер мгновенно.

Он посветил вверх, вдоль лестницы, затем поднялся по ней, внимательно глядя под ноги.

— Несчастный случай, — сделал вывод полицейский. — Оступился на верхней ступеньке, полетел вниз головой и с размаху ударился о стенку на площадке. Видны характерные следы на краю верхней ступеньки.

Ломбард медленно подошел к нему и горестно простонал:

— Нашел время для несчастного случая. Теперь у него ничего не узнаешь... — Он вдруг замолчал и при свете фонарика испытующе взглянул на детектива: — А вам не кажется, что тут дело нечисто?

— Мимо вас или мимо того парня никто не проходил, пока вы ждали у двери?

— Нет, ни туда, ни обратно.

— И вы не слышали звука падения?

— Нет, иначе мы бы вошли и посмотрели. Но пока мы вас ждали, через виадук по крайней мере дважды проходили длинные составы, а они грохочут так, что вы не слышите даже собственных мыслей. Может, тогда это и случилось.

Берджесс кивнул:

— Поэтому, вероятно, и другие обитатели дома ничего не слышали. Видите: слишком много здесь совпадений, чтобы можно было заподозрить нечто иное, кроме несчастного случая. Он мог десять раз удариться головой о стену и остаться в живых, мог даже свалиться и не сломать при этом шею. Он совершенно случайно погиб на месте, на это нельзя было рассчитывать.

— Хорошо, а лампочка? Сдается мне, тут тоже слишком много совпадений, а? Я знаю, что говорю: с лампочкой было все в порядке, когда я спускался по лестнице, чтобы позвонить вам. Если бы свет не горел, мне бы пришлось идти ощупью, а я спустился очень быстро.

Берджесс провел фонариком вдоль стены, пока не обнаружил лампочку. Она висела на кронштейне, торчащем из стены.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он, разглядывая лампочку. — Ведь его считали слепым; в любом случае, он большей частью ходил с закрытыми глазами, что в общем-то одно и то же, — так при чем же тут лампочка? Разве ему помешала бы темнота? По идее, в темноте он должен был увереннее двигаться, чем при свете, так как не привык полагаться на свои глаза.

— Может быть, в этом все и дело, — возразил Ломбард. — Может быть, он выбежал второпях, чтобы удрать, пока я не вернулся, и в спешке забыл закрыть глаза, оставил их открытыми. А с открытыми глазами он, наверное, чувствовал себя ничуть не лучше, чем вы или я в темноте.

— Ну, теперь вы окончательно запутались. Для того чтобы ослепить его, свет должен был гореть. А ваша версия строится на том, что свет не горел. И в любом случае, чего ради это стоило делать? Как можно было рассчитывать, что он оступится и, более того, сломает себе шею?

— Согласен, но все же какой-то странный несчастный случай. — Ломбард с досадой взмахнул рукой, делая шаг вниз. — Одно могу сказать: не нравится мне, что он произошел именно сейчас. Я не смогу от него ничего узнать...

— Сами знаете: такие вещи случаются весьма некстати.

Ломбард в раздражении спускался по лестнице, тяжело топя по ступеням.

— Все, чего от него можно было добиться, исчезло навсегда.

— Не отчаивайтесь. Может быть, вам удастся найти еще кого-нибудь.

— Но то, что знал он, утрачено. А эти сведения были под рукой, только и ждали, чтобы их нашли. — Он остановился на площадке, где лежало тело, и неожиданно обернулся. — Что случилось? Что это значит?

Берджесс указал на стену:

— Лампочка опять загорелась. Ваши шаги на лестнице встряхнули ее. Вот и объяснение тому, что произошло раньше, — когда он упал, что-то разъединилось. Проводка, видимо, неисправна. Так что свет тут ни при чем. — Он тронул Ломбарда за локоть. — Вы должны держаться в стороне. Я сам доложу о происшествии. Никто не должен знать, что вы каким-то образом замешаны в этой истории, если вы хотите продолжать.

Ломбард в подавленном настроении вышел на улицу, легкость исчезла из его походки, Берджесс остался наверху, рядом с неподвижным телом на площадке.

Глава 14
Десять дней до казни
Девушка

На клочке бумаги, который дал ей Берджесс, было написано:

«Клифф Милберн»
оркестр театра «Казино» — в прошлом сезоне
текущий сезон — «Реджент».

И два номера телефона. Один — номер полицейского участка, действовавший до определенного часа. Второй — его домашний номер, если ей понадобится позвонить после окончания рабочего дня.

Он заявил:

— Я не могу подсказать вам, как действовать. Вам придется решать на месте. Может быть, ваша интуиция поможет вам больше, чем я. Только не бойтесь и не теряйте головы, и все будет в порядке.

В конце концов Кэрол нашла единственную возможность. То, что она придумала, теперь глядело на нее из зеркала. Исчезло наивное, мальчишеское выражение лица. Не было и озорной пряди, пересекавшей чистый лоб. Вместо этого появилась копна медных волос, завитых и так сильно залитых лаком, что вся прическа напоминала металлическую каску. Обычно она предпочитала свободную молодежную одежду струящихся очертаний. Теперь же она натянула нечто столь облегающее, что, хотя ее никто не видел и она находилась одна в своей собственной комнате, ей стало немного не по себе. И к тому же платье ужасно короткое, такое, что стоило только сесть... Ладно: надо привлечь его внимание во что бы то ни стало. Бесстыдные красные пятна румян на щеках, заметные издали, как запрещающий сигнал светофора, только значение подразумевалось прямо противоположное: «Вперед!» Нитка бус позвякивала на шее. Носовой платок, сверх меры украшенный кружевом и пропитанный такими едкими духами, что у Кэрол защипало в носу, когда она прятала его в сумочку. Она в первый раз в жизни подвела глаза синей тушью, от чего веки сразу набрякли.

Скотт Хендерсон смотрел на все эти приготовления из рамки около зеркала, и ей стало стыдно.

— Ты бы и не узнал меня, дорогой, не правда ли? — с грустью сказала она. — Не смотри на меня, дорогой, не смотри на меня.

И наконец, последний ужасный штрих, чтобы впечатление доступности было полным. Она приподняла ногу и натянула шелковую розовато-сиреневую подвязку с розочкой так, чтобы ее было видно. По крайней мере, когда она сядет.

Кэрол быстро отвернулась, Его Девушка не могла выглядеть как эта особа в зеркале, только не Его Девушка. Она обошла квартиру, выключая всюду свет. Внешне она была спокойна, в душе — взвинчена до предела. Только тот, кто хорошо знал ее, мог бы догадаться об этом. Он понял бы сразу. Но его здесь не было.

Подойдя к последнему выключателю, у двери, она произнесла короткое заклинание, которое произносила каждый раз, выходя из дому, глядя через комнату на его лицо в рамке.

— Может быть, сегодня, дорогой, — едва слышно прошептала она. — Может быть, сегодня.

Она выключила свет и закрыла дверь, и он остался там, в темноте, возле зеркала.

Когда Кэрол вышла из такси, фонари над входом уже горели, но тротуар перед ними был еще пуст. Она так и рассчитывала: войти пораньше и постараться привлечь его внимание до того, как в зале выключат свет. Она с трудом могла вспомнить название представления, кажется, что-то вроде «Продолжай танцевать». Ей было все равно, она знала, что забудет о шоу в тот же миг, как только выйдет из театра.

Она остановилась у кассы:

— Я заказала билет на сегодняшний вечер. Первый ряд, у прохода. Мими Гордон.

Ей пришлось ждать несколько дней. Потому что она шла не за тем, чтобы увидеть шоу, а за тем, чтобы ее увидели. Доставая деньги и вручая их кассиру, она уточнила:

— Вы уверены, что место именно то, какое мне надо? С той стороны сцены, где сидит ударник, правильно?

— Верно. Я проверял, прежде чем отложить билет для вас. — Он ухмыльнулся, на что она и рассчитывала. — Вы, наверное, много думаете о нем. Счастливчик этот парень.

— Вы не поняли, дело не в нем самом. Я его в жизни не видела. Просто... Как бы это объяснить? У каждого есть какое-то хобби. Ну, вот мое хобби — ударные инструменты. Каждый раз, когда я смотрю шоу, я стараюсь сесть как можно ближе к ударнику. Обожаю смотреть, как он играет, на меня это как-то особенно действует. С детства люблю барабаны. Может быть, это звучит странно, — она развела руками, — но так уж получилось.

— Я не хотел совать свой нос в ваши дела, — извинился он, разочарованный.

Девушка вошла в театр. Она появилась так рано, что контролер у входа только-только занял свой пост и билетер едва успел подняться из раздевалки. В отличие от галерки, где еще не привилась мода опаздывать, в партере она явно оказалась первой зрительницей.

Она сидела в зале, маленькая, одинокая фигурка с золотыми волосами среди моря пустых кресел. Ее вызывающее одеяние с трех сторон было скрыто плащом, который она предусмотрительно накинула на плечи. Убийственный эффект предназначался только для фронтального обзора.

Вокруг все чаще и чаще хлопали, опускаясь, сиденья. Этот шорох и невнятный гул говорили о том, что театр постепенно заполняется. Кэрол пристально смотрела в одну-единственную точку у самого края сцены, туда, где таилась маленькая, почти незаметная дверь. Эта дверца находилась прямо напротив Кэрол. Через щели в ней уже пробивался свет, девушка слышала голоса, доносившиеся оттуда. Там собирались музыканты, готовясь занять свои места.

Вдруг эта дверь распахнулась, и музыканты начали заполнять оркестровую яму; чтобы пройти, им приходилось сильно пригибать голову и плечи. Кэрол не знала, который из них тот, кто ей нужен, и не могла этого узнать, пока он не сядет на свое место, потому что никогда раньше его не видела. Один за другим оркестранты рассаживались по своим местам, образуя узкий полумесяц вокруг авансцены, ниже ramпы.

Со стороны казалось, что девушка погружена в программку, лежащую у нее на коленях. Она сидела опустив голову, но при этом продолжала внимательно разглядывать музыкантов из-под опущенных ресниц. Этот, который входит сейчас? Нет, он остановился у дальнего стула. Тот, следующий? Какое зверское лицо. Она почти почувствовала облегчение, когда он остановился у второго от нее стула. Кларнет или что-то в этом роде. Ну, тогда, должно быть, этот — но нет, он свернул в другую сторону, контрабас.

Больше не появлялся никто. Она вдруг почувствовала беспокойство. Последний даже закрыл за собой дверь. За сценой никого не оставалось. Они все уже расселись, настраивали инструменты, усаживались поудобнее. Даже дирижер уже был здесь. И только место ударника, прямо перед ней, оставалось злоеце пустым. Может быть, он уволился? Нет, потому что тогда кого-то взяли бы на его место. Может быть, он заболел и не может играть сегодня? О, неужели это случилось именно сегодня! Всю неделю, каждый вечер, до сегодняшнего дня, он, наверное, был здесь!.. Вряд ли ей удастся еще раз получить билет на это самое место в ближайшие несколько недель: шоу имело успех и билеты пользовались спросом. А она не могла позволить себе ждать так долго. Время значило так много и шло так быстро, что его уже почти не осталось.

Кэрол слышала, как музыканты вполголоса разговаривают между собой. Она сидела достаточно близко, чтобы слышать почти каждое слово, несмотря на беспорядочные звуки настраиваемых инструментов, которые заглушали разговор для остальной публики.

— Вы когда-нибудь встречали такого разгильдяя? Кажется, за весь сезон он пришел вовремя один раз. Его и штрафами не приймаешь.

Саксофон сказал:

— Наверное, подцепил в парке какую-нибудь блондинку и опять позабыл прийти.

Сидящий позади возразил шутливо:

— Хорошего барабанщика трудно найти.

— Не настолько трудно.

Она уставилась в программку, даже не стараясь прочесть, что в ней напечатано. Она застыла, снедаемая беспокойством. По какой-то злой иронии судьбы все музыканты оркестра были на месте, кроме одного-единственного, того, который мог ей помочь.

«Это такое же невезение, что преследовало бедного Скотта в тот вечер...» — пришло ей в голову.

Наступило короткое затишье перед увертюрой. Музыканты приготовились, зажгли свет над пюпитрами. Неожиданно, когда она уже перестала смотреть на оркестр, потеряв всякую надежду, дверь, ведущая в оркестровую яму, распахнулась и опять захлопнулась — так быстро, что Кэрол не успела и моргнуть, — и какая-то фигура торопливо проскользнула мимо стульев к пустующему месту перед ней, согнувшись в три погибели, чтобы двигаться быстрее и не попасться на глаза дирижеру. Ей тут же пришло в голову, что он похож на грызуна, так она и стала мысленно называть его.

Дирижер бросил на него испепеляющий взгляд.

Его это не смутило. Она услышала, как барабанщик, еще тяжело дыша, прошептал соседу:

— Послушай, приятель, у меня есть кое-что на завтра. Наверняка!

— Я знаю наверняка только то, что опять ничего не выйдет, — сухо ответил тот.

Он пока не заметил девушку. Он был слишком занят, усаживаясь поудобнее, настраивая инструмент. Ее рука скользнула вниз по бедру, незаметно приподнимая юбку еще на дюйм.

Наконец ударник закончил свои приготовления. Кэрол услышала, как он спросил: «Что сегодня за публика?» И вот, в первый раз после своего появления, он обернулся и посмотрел в зал поверх барьера, отделявшего оркестровую яму.

Она была наготове. Она смотрела на него в упор. Она достигла своей цели.

Должно быть, он толкнул локтем своего соседа. Девушка не могла этого видеть, но зато услышала, как тот невнятно пробормотал: «Да, знаю. Я уже видел».

Она поразила его воображение. Она чувствовала на себе его взгляд и даже могла бы нарисовать траекторию этого взгляда. Она выжидала. Теперь не надо торопиться. Не прямо сейчас. «Забавно, — подумала Кэрол, — как мы, девушки, знаем эти фокусы, даже те из нас, кто никогда не проделывал их раньше». Она внимательно изучала строчку в программке, словно никак не могла постичь ее таинственного смысла. Там были в основном точки, от одного края страницы до другого. Это помогало удерживать взгляд неподвижно.

«Викторина Дикси Ли».

Он сосчитала точки. Двадцать семь — от имени героини до имени актрисы, исполняющей роль. Так, теперь пора. Прошло достаточно времени. Ее ресницы медленно поднялись.

Их глаза встретились. И она продолжала смотреть на него. Ударник думал, что девушка, смутившись, опустит глаза. Она, напротив, выдержала его взгляд и не отводила его все время, пока он смотрел на нее. Ее глаза, казалось, говорили: «Я вас интересую? Очень хорошо, вперед, я не возражаю».

На какой-то момент его слегка удивила эта явная готовность. Он продолжал разглядывать ее, в свою очередь стараясь привлечь к себе внимание. Он даже попробовал изобразить нерешительную улыбку, готовый в то же время стереть ее с лица по первому же знаку.

Она приняла эту улыбку благосклонно. Она даже улыбнулась в ответ, так же нерешительно. Он улыбнулся шире. Она тоже.

Начало было положено, они вступили в игру... И тут звонок, будь он проклят, прозвучал из-за кулис. Дирижер постучал по пульту, призывая оркестр к вниманию, вскинул руки, застыл так, потом резко взмахнул ими, и началась увертюра; они были вынуждены прервать свой немой разговор.

«Все хорошо, — успокаивала себя Кэрол, — пока все в порядке. Шоу не может сплошь состоять из одной только музыки, так не бывает. Должны же быть перерывы».

Занавес поднялся. Она слышала голоса, видела какие-то фигуры, свет, но не обращала внимания на действие. Она пришла сюда не для того, чтобы смотреть представление. Она упорно добивалась своей цели, а этой целью было познакомиться с ударником.

Как только начался антракт и музыканты толпой повалили покурить и отдохнуть, он повернулся и заговорил с ней. Он сидел дальше всех от двери, так что выходил в последнюю очередь; это давало ему возможность поговорить с девушкой так, чтобы остальные ничего не заметили. Зрители, сидевшие рядом с ней, уже встали и вышли, так что и она была одна, это добавляло ему уверенности, хотя то, как она вела себя до сих пор, не оставляло никаких сомнений.

— Как тебе все это нравится?

— Здорово, — промурлыкала она.

— Куда идешь потом?

— Пока никуда, но хотелось бы, — надула она губки.

— Значит, пойдем вместе, — бесцеремонно заявил он, выходя вслед за своим соседом.

Едва он вышел, она тут же одернула юбку до разумных пределов. Ей казалось, что ее с ног до головы ошпарили кипятком.

Ее лицо приняло свое обычное выражение. Даже слой косметики не мог скрыть перемены. Она сидела серьезная, одинокая, среди опустевших кресел. «Может быть, сегодня, дорогой, может быть, сегодня».

Когда занавес упал в последний раз и в зале зажегся свет, она не торопилась уходить, то делая вид, будто что-то уронила, то притворяясь, будто поправляет одежду, пока публика медленно просачивалась по проходам к двери.

Музыканты, проводив публику, бравурным маршем закончили игру. Он в последний раз ударил по тарелкам, придержал их пальцами, сложил палочки и выключил свет над подставкой для нот. Его рабочий день закончился, теперь он принадлежал самому себе. Он не спеша повернулся к ней, уже ощущая себя хозяином положения.

— Подожди меня у служебного входа, лапочка, — велел он. — Я выйду через пять минут.

Даже просто ждать его казалось Кэрол чем-то позорным, она даже не могла объяснить почему. Может быть, в нем самом было что-то гадкое. Прохаживаясь взад-вперед по аллее, она чувствовала, как мурашки бегут по всему телу. Она немного боялась. И то, как смотрели на нее другие музыканты, выходявшие раньше (он даже не мог избавить ее от лишнего унижения и вышел последним), еще больше смущало ее.

Вдруг совершенно неожиданно он подхватил ее. Именно вдруг, так как Кэрол даже не видела, как он подошел, просто оказалось, что он держит ее под руку и тащит за собой, не сбавляя шага. Она подумала, что такова, наверное, его обычная манера.

— Как поживает моя новая подружка? — весело начал он.

— Великолепно, а как мой дружок? — откликнулась она в том же тоне.

— Мы пойдем вместе с ребятами, — сказал он. — Без них я скисну.

Она поняла, в чем дело. Для него она была чем-то вроде новой бутоньерки, он хотел похвастаться ею.

Было двенадцать часов.

К двум часам она решила, что он уже достаточно разомлел от пива и можно приступить к выполнению задачи. Они уже сменили два места, которые показались ей совершенно одинаковыми, но все еще не разбивали компанию. Она заметила, что они придерживались какого-то особого этикета. Милберн вместе с ней шел туда, куда шли все остальные, но, едва заявившись в новое место, они обособлялись, устроившись за отдельным столиком. Он то и дело вставал и подходил к друзьям, а потом опять возвращался к ней, но, как заметила Кэрол, никто из компании ни разу не подошел к нему. Может быть, потому, что она была его девушкой и все остальные старались держаться подальше.

Кэрол следила за ним, ожидая благоприятного момента. Пора было приступить: в конце концов, эта ночь не будет длиться вечно, а она боялась даже подумать о том, чтобы еще раз пойти на что-нибудь подобное.

Случай наконец представился, как раз такой, как она хотела. Милберн сделал девушке один из своих дешевых комплиментов, которые он время от времени — когда вспоминал — подбрасывал ей, как подбрасывают дрова в печку, чтобы не погас огонь.

— Ты говоришь, я самая хорошенькая из всех, кто когда-либо сидел на этом месте. Но ведь, наверное, и раньше бывало, что ты оборачивался и видел рядом какую-нибудь девушку, которая нравилась тебе. Расскажи-ка мне о них.

— Нет, когда я с тобой, я не хочу о них и думать.

— Ну просто, смеха ради. Я не ревнива. Скажи мне: если бы у тебя была возможность, кого бы ты выбрал из всех симпатичных девушек, которых ты когда-нибудь видел рядом с твоим местом, как раз там, где сегодня сидела я? С тех пор как ты начал играть в театрах, какая девушка тебе понравилась больше всех?

— Конечно, ты.

— Я так и знала, что ты это скажешь. Ну а после меня, кого бы ты выбрал? Мне интересно, как много ты помнишь. Я готова поспорить, что ты уже на следующий вечер их забываешь.

— Это я-то забываю? Вот, послушай. Однажды я обернулся, и там, по ту сторону барьера, напротив меня сидела такая дама...

Она сцепила руки под столом, словно пытаюсь сдержать невыносимую боль.

— Это было в другом театре, в «Казино». Сам не знаю: что-то в ней было такое...

Смутные тени потянулись поодиночке мимо их стола; последняя остановилась:

— Мы пойдем поимпровизируем немного внизу, в подвале. Ты с нами?

Кэрл разомкнула руки, и они безвольно повисли вдоль стула. Ее планы были сорваны. Все встали и столпились у задней двери, ведущей в подвал.

— Нет, останься со мной, — попыталась она уговорить музыканта, протягивая руку и удерживая его. — Закончи то, что ты...

Он уже встал:

— Пойдем, киска, такое пропускать нельзя.

— Неужели тебе мало было играть весь вечер в театре?

— Да, но то за деньги. А это для души. Тебе понравится.

Кэрл поняла, что он все равно пойдет, даже оставит ее, туда его тянуло сильнее, чем к ней, поэтому она нехотя встала и потащилась следом по узкой, выложенной кирпичом лестнице в ресторанный подвал. Внизу они оказались в большой комнате, где их уже ждали инструменты: видимо, здесь играли не в первый раз. Там даже стояло пианино. Единственная лампочка, большая, но закопченная, свисала на шнуре посередине комнаты, ее дополняли свечи, воткнутые в бутылки. Посередине громоздился грубый деревянный стол, на него составили бутылки джина, примерно по одной на человека. Один из музыкантов расстелил кусок коричневой оберточной бумаги и высыпал туда сигареты, чтобы каждый, кто хочет, мог брать. Она догадалась, что сигареты с «травкой»; наверху такие не курил никто.

Дверь закрыли и заперли на засов, как только Милберн и девушка вошли в помещение: ребята не хотели, чтобы им мешали. Она была единственной девушкой среди них.

Сесть можно было лишь на пустые ящики и картонные коробки, да еще на пару бочонков. Печально пропел кларнет, и оргия началась.

Следующие два часа могли послужить иллюстрацией к «Аду» Данте. Кэрл казалось, что, едва все кончится, она уже не сможет поверить, что видела это своими глазами. Дело было не в музыке — музыка была неплохой. Странное ощущение создавали длинные, до потолка, тени на стенах, размытые и колеблющиеся. И призрачные лица, сосредоточенные, демонические, то и дело неожиданно появляющиеся из разных углов, чтобы затем вновь скрыться в темноте. И джин, и сигареты с марихуаной, наполнявшие комнату дымом и странным запахом. Неистовство, время от времени овладевавшее ими, заставляло ее то прятаться в какой-нибудь дальний угол, то с ногами забираться на ящики. То и дело кто-нибудь подходил к ней, теснил ее, подталкивал к стене, у которой, развалившись, сидели остальные. Она привлекала внимание, потому что была единственной девушкой здесь. Ее оглушали духовыми инструментами, выдувая мелодию прямо в лицо, наполняя душу ужасом и заставляя шевелиться волосы на голове.

— Давай полезай на бочку, потанцуй!

— Я не могу, я не умею!

— Не обязательно танцевать ногами! Верти тем, что у тебя есть! Оно для этого и предназначено. Не переживай насчет платья. Мы все здесь друзья.

«Дорогой, — думала она, уворачиваясь от обезумевшего саксофониста, пока, наконец, он не оставил ее в покое, издав напоследок особенно душераздирающий звук, — о, дорогой, как мне приходится нелегко».

Ей удалось пробраться вдоль стены к тому месту, где среди всего этого грохота сидел ударник. Она поймала его руки, бьющие по инструментам, и потянула их вниз:

— Клифф, заведи меня отсюда! Я больше не могу, слышишь, не могу! Еще минута, и я хлопнусь в обморок.

Он уже накурился марихуаны, это было видно по глазам.

— Куда пойдём? Ко мне?

Ей пришлось сказать «да», она понимала, что только так можно вытащить его отсюда.

Милберн встал и, слегка пошатываясь, пошел следом за ней к выходу. Он открыл перед ней дверь, и она вылетела на площадку, словно камень, выпущенный из пращи. Он вышел тоже. Видимо, он мог уйти, когда заблагорассудится, не прощаясь и никому ничего не объясняя. Остальные, похоже, даже не заметили его исчезновения. Дверь захлопнулась, приглушив беспорядочный грохот, словно обрезав ножом. Внезапно наступившая тишина сначала казалась немного странной.

Ты так неожиданно пришла в этот раз.

Дай мне подумать, дай мне выпить, и...

В ресторане наверху было темно и пусто, только где-то сзади горел одинокий ночной фонарь. Когда Кэрл наконец вышла на тротуар, от свежего воздуха у нее едва не закружилась голова, таким он был прохладным, ясным, кристально-чистым после атмосферы подвала. Она подумала, что никогда прежде не вдыхала более чистого и вкусного воздуха. Словно в изнеможении, прислонившись к стене, прижавшись к штукатурке щекой, она жадно глотала этот воздух. Милберн вышел немного погодя, он, кажется, возился там с дверью.

Было уже часа четыре, но еще не рассвело, и город вокруг них спал. На какой-то момент она почувствовала искушение броситься со всех ног вдоль по улице, подальше от него, и покончить со всем этим. Она бы легко убежала, парень был бы не в состоянии ее догнать.

Но она не сделала ни шагу и осталась стоять. Мысленно она увидела фотографию на стене своей комнаты. Она знала, что эта фотография бросится ей в глаза, едва она откроет дверь. Тут ударник подошел к ней, и шанс был упущен.

Они подъехали на такси к его дому. Обычный старый дом: по квартире на каждом этаже. Он провел гостью на второй этаж, открыл дверь и зажег перед ней свет. Квартира показалась ей довольно убогой, с потемневшим от старости паркетом, кое-где сохранившим остатки лака, высокими потолками, узкими, похожими на гробы, амбразурами окон. Не то место, куда стоило приходить в четыре часа утра. С кем бы то ни было, а тем более с ним.

Кэрл слегка поежилась и осталась стоять в прихожей, стараясь не замечать, с какой тщательностью он запирает дверь изнутри. Она хотела расслабиться и сохранить ясность мысли, насколько это возможно, а посторонние соображения только мешали.

Он кончил закрывать дверь.

— Нам это не понадобится, — сказал он, пытаясь снять с нее плащ.

— Нет, оставь, — ответила она твердо. — Мне холодно.

Время поджимало.

— Ты что, так и собираешься тут стоять?

— Нет, — сказала она покорно, с рассеянным видом, — нет, я не собираюсь тут стоять. — Она неуверенно сделала шаг вперед, как конькобежец, пробующий каток.

В полном отчаянии она продолжала озираться. Как же начать? Цвет. Оранжевый. Что-нибудь оранжевое.

— Что ты вертишь головой? — буркнул он. — Это просто комната, ты что, никогда раньше комнат не видела?

Наконец она нашла. Дешевый абажур из искусственного шелка на лампе, стоявшей в дальнем углу комнаты. Девушка пошла туда, слегка наклонила лампу. Лампа отбрасывала на стену небольшой кружок света. Кэрл положила руку на абажур и повернулась к нему:

— Я люблю этот цвет.

Милберн не обратил на нее внимания.

Она продолжала, не отпуская руки:

— Ты меня не слушаешь. Я говорю, что это мой любимый цвет.

На этот раз он посмотрел на нее мутным взглядом:

— Чудненько: ну и что с того?

— Я хочу шляпу такого цвета.

— Я куплю тебе такую. З-завтра или послезавтра.

— Посмотри, посмотри, вот как я хочу. — Она подняла лампу за маленькое основание, не выключая ее, и поставила себе на плечо. Затем повернулась к нему, так что абажур оказался у нее над головой. — Посмотри на меня. Посмотри на меня хорошенько. Ты никогда не видел раньше, чтобы кто-нибудь носил шляпу такого цвета? Она тебе никого не напоминает?

Он пару раз моргнул, мрачно, как сова.

— Смотри на меня, — упрашивала она. — Просто смотри на меня. Ты можешь вспомнить, если захочешь. Разве ты не видел когда-то давно девушку, которая сидела в театре прямо перед тобой, на том самом месте, где сегодня сидела я, в шляпе такого цвета?

Он ответил совершенно произвольно, не задумываясь:

— О, это то самое, за что я получил пятьсот зеленых! — и тут же озадаченно потер ребром ладони глаза. — Эй, я же не должен был никому про это рассказывать. — Затем взглянул на нее и спросил с какой-то наивной доверчивостью: — А я тебе уже говорил?

— Да, конечно.

Только так она и могла ответить. Он, наверное, уперся бы и не рассказал это в первый раз, но почему бы ему не повторить свой рассказ, раз он уже все равно нарушил обещание. Похоже, эти сигареты как-то действовали на его память.

Нельзя было упускать случай, надо было хвататься за него, даже если пока и неизвестно, то ли это, что ей нужно, и что вообще он может рассказать. Она поспешно поставила лампу на место и так же поспешно направилась к нему, хотя со стороны ее походка казалась расслабленной и неторопливой.

— Ну же, расскажи мне это еще раз. Я хочу еще раз услышать эту историю. Говори же, Клифф: ведь я — твоя новая подружка, ты сам сказал. Так что же тут такого?

Он опять моргнул.

— О чем мы хоть говорили? — спросил он беспомощно. — Я немного забыл.

Его одурманенный наркотиками мозг все время терял нить рассуждений. Приходилось подталкивать его, как постоянно заедающий механизм.

— Оранжевая шляпа. Ты слушаешь меня? Пятьсот — пятьсот зеленых, помнишь? Она сидела на том же месте, что и я.

— А, да, — послушно продолжал он. — Прямо напротив меня. Я хорошо разглядел ее. — Он глупо захихикал. — Я получил пятьсот зеленых только за то, что посмотрел на нее. Только за то, что посмотрел на нее и никому об этом не сказал.

Кэрл смотрела, словно со стороны, как ее руки медленно подбираются к его воротничку, обвивают шею. Девушка не пыталась остановить их, казалось, они двигаются независимо от ее воли. Ни на секунду не отрывая от музыканта взгляда, она склонилась к нему. «Как близко можно подойти к разгадке, — мелькнула у нее мысль, — и все же не знать наверняка».

— Расскажи мне еще раз об этом, Клифф. Расскажи. Я люблю слушать, когда ты рассказываешь.

Его глаза вновь затуманились и потускнели.

— Я опять забыл, что я говорил. — Он снова отключился.

— Ты получил пятьсот долларов за то, что никому не расскажешь о женщине, которую ты видел. Помнишь, леди в оранжевой шляпе? Это она дала тебе пятьсот долларов, Клифф? Кто дал тебе пятьсот долларов? Пожалуйста, расскажи мне.

— Мне дала их какая-то рука, в темноте. Чья-то рука, чей-то голос и чей-то носовой платок. Ах да, там была еще одна штука — пистолет.

Ее пальцы продолжали медленно скользить по его шее, время от времени слегка касаясь затылка.

— Да, но чья рука?

— Я не знаю. Я не видел тогда и так и не узнал потом. Иногда я и сам не уверен, что это было на самом деле. Может быть, думаю я, мне все это померещилось из-за «травки». Но потом я опять понимаю, что это было наяву.

— Ну так расскажи мне.

— Дело было так. В тот вечер я пришел домой поздно, после работы. Когда я вошел в холл внизу, там было темно, хотя обычно там горит свет. Наверное, лампочка перегорела, подумал я, и стал на ощупь подниматься по лестнице. И тут протянулась чья-то рука и остановила меня. Такая тяжелая и холодная и так крепко держала меня.

Я прислонился к стене и спросил: «Кто здесь? Кто вы?»

Это был мужчина, я понял по голосу. Немного погодя, когда мои глаза попривыкли к темноте, я разглядел что-то белое, вроде носового платка, на том месте, где должно быть лицо. Из-за этого голос звучал глухо, но я хорошо его слышал.

Сначала он назвал мое имя и сказал, где я работаю; он, кажется, знал обо мне все. Потом он спросил, помню ли я леди в оранжевой шляпе, которую видел в театре прошлой ночью.

Я ответил, что, если бы он не заговорил об этом, я бы сам не вспомнил, но когда он навел меня на мысль, то теперь да, помню.

Тогда он сказал — тем же спокойным голосом, даже ничуть не взволнованным: «Как вам понравится, если я вас застрелю?»

Я ничего не ответил, просто не мог говорить. Он взял мою руку и положил на что-то холодное, что он держал в руке. Это был пистолет. Я подскочил, но он заставил меня ощупать эту штуку, чтобы я не сомневался. Он сказал: «Это для вас, если вы кому-нибудь скажете об этом».

Он немного подождал, потом опять заговорил. Он сказал: «Или, может быть, вы предпочтете пятьсот долларов?»

Я услышал, как зашуршала бумага, и он что-то сунул мне в руку. «Здесь пятьсот долларов, — сказал он. — У вас есть спички? Не бойтесь, я разрешаю вам зажечь спичку, так что можете посмотреть». Я так и сделал, и это действительно были пятьсот долларов. Затем я поднял было глаза на его лицо, но успел разглядеть только платок, и он тут же задул спичку.

«Теперь вы не видели эту леди, — сказал он. — Там не было никакой леди. Не важно, кто вас спросит, говорите 'нет', всегда говорите 'нет', и останетесь живы». Он подождал минуту и затем спросил: «Теперь, если вас спросят, что вы должны сказать?»

Я ответил: «Я не видел этой леди. Там не было никакой леди». Я дрожал с ног до головы.

«Теперь идите наверх, — приказал он. — Спокойной ночи». Через платок его голос звучал как из могилы.

Я с трудом дошел до своей квартиры. Когда мне удалось войти, я тут же заперся изнутри и старался не подходить к окнам. Как раз перед тем я выкурил сигарету с «травкой»: сама знаешь, как это бывает. — Он опять рассмеялся безжизненным, металлическим смехом, который внезапно оборвался. — Я проиграл эти пятьсот долларов на скачках на следующий же день, — жалобно добавил он. Потом он беспокойно задвигался, столкнув ее с ручки кресла, на которой она примостилась. — Ты напомнила мне эту историю, ты заставила меня говорить о ней. Из-за тебя мне опять страшно, меня трясет, как много дней подряд после того. Дай мне еще сигарету, я хочу немного встряхнуться. Я совсем скис, мне надо сделать пару затяжек.

— Я не ношу с собой марихуану.

— В твоей сумке наверняка что-нибудь найдется. Из тех, что мы курили там. Ты же была там со мной, ты, наверное, кое-что прихватила. — Очевидно, он считал само собой разумеющимся, что она тоже покуривает марихуану.

Сумка лежала тут же, на столе, и, прежде чем Кэрол успела дотянуться и помешать ему, он открыл ее и вытряхнул все содержимое.

— Нет! — закричала девушка, внезапно почувствовав тревогу. — Это ерунда, не смотри!

Но он уже прочитал то, что было написано на клочке бумаги, который она не успела выхватить у него из рук. Она совсем забыла об этом листке, полученном от Берджесса. В первый момент парень лишь простоудушно удивился, не осознав полностью, что это значит.

— Эй, да ведь это про меня! Мое имя, и где я работаю, и даже...

— Нет, нет!

Он оттолкнул ее.

— И звонить по первому номеру в участок, а если там нет, то звонить...

Она видела, как подозрение начало проступать на его лице, наползать на него, словно туча. Оно надвигалось откуда-то из глубины зрачков, неотвратимо, как гроза. Затем оно сменилось чем-то более опасным; в его глазах появился и застыл безрассудный страх, навеянный наркотическими галлюцинациями; страх, который стремится разрушить то, что его породило. Зрачки стали медленно расширяться, уже нельзя было разобрать, какого цвета у него глаза.

— Тебя специально подослали, ты не случайно пришла туда ко мне. Кто-то следит за мной, я не знаю, кто, если бы я только мог вспомнить, кто — кто-то хочет застрелить меня из револьвера, кто-то говорил мне, что меня застрелят из револьвера! Если бы я только вспомнил, чего я не должен был делать. Ты заставила меня!

Кэрол никогда раньше не имела дела с наркоманами, она знала о марихуане только понаслышке. Она понятия не имела о том, как наркотики разжигают такие эмоции, как подозрение, недоверие, страх, особенно если все это уже сидит в глубине сознания. Глядя на него, она думала, что перед ней существо, совершенно лишенное разума. Течение его мыслей было непредсказуемо, их направление становилось все опаснее, и она не знала, как смягчить, как направить их в другое русло. Она не могла достучаться до его сознания, потому что была нормальна, а он — на какое-то время — нет.

Он с минуту постоял в недоумении, склонив голову, глядя на нее сверху вниз из-за насупленных бровей.

— Я рассказал тебе что-то такое, чего не должен был рассказывать. О, если бы я только мог вспомнить, что именно! — Он растерянно потер лоб ладонью.

— Нет, ты не рассказывал, ты ничего мне не рассказывал, — попыталась она его успокоить. Она поняла, что лучше немедленно уйти отсюда, и инстинктивно почувствовала: нельзя, чтобы он догадался об этом намерении. И вот очень медленно, короткими незаметными шажками, она стала пробираться к выходу. Руки она держала за спиной, так чтобы можно было нащупать дверь и попытаться открыть ее прежде, чем он догадается, чего она хочет. В то же время Кэрол не отрываясь смотрела ему в глаза, пытаясь удержать его взгляд и таким образом отвлечь его внимание от своего медленного отступления. Ей стоило невероятного напряжения двигаться так ужасающе медленно. Так человек пятится от свернувшейся кольцами змеи, опасаясь, что, если он сделает слишком быстрый рывок, это скорее заставит ее броситься, а если он будет чересчур мешкать...

— Нет, рассказывал. Что-то такое, чего нельзя было рассказывать. А теперь ты пойдешь и кому-то скажешь. Кто-то следит за мной. И они придут и доберутся до меня, как обещали...

— Нет, честное слово, ты мне ничего не говорил, тебе только кажется, что ты говорил.

Вместо того чтобы успокоиться, он приходил все в большее возбуждение. Ему казалось, что ее лицо как-то съежилось. Кэрол уже не могла больше скрывать от него свои попытки ускользнуть. Она стояла у самой стенки, ее руки, незаметно вытянутые за спиной, отчаянно пытались нащупать дверной замок, но вместо этого натыкались на гладкую отштукатуренную поверхность. Она выбрала неверное направление, нужно было двигаться в другую сторону. Краешком глаза она увидела темный проем двери, до которой оставалось несколько ярдов. Если бы он только еще секунду-другую оставался там, где стоит...

Незаметно двигаться в сторону оказалось еще труднее, чем назад. Она осторожно ступала на один каблук и, перекачиваясь на нем, поворачивала всю ступню, затем проделывала то же самое другой ногой, ставила их рядом и при этом старалась не сделать ни единого движения верхней частью туловища.

— Разве ты не помнишь? Я сидела на ручке твоего кресла и теребила твои волосы, вот и все, что я делала. А-а, не надо! — простонала она в отчаянии, едва успев увернуться в последнюю минуту.

Прошло лишь несколько секунд с того момента, как начался этот смертельный менуэт. Ей казалось, что прошла целая ночь. Если бы только у нее нашлась хотя бы одна из тех дьявольских сигарет, может быть...

Медленно продвигаясь боком, она случайно задела легкий столик или подставку, и какой-то маленький предмет упал на пол. Едва слышный, приглушенный стук — и она невольно выдала себя. Он заметил движение; этого было достаточно, лавина тронулась. Казалось, его натянутые

нервы только этого и ждали, дав наконец волю тому, что, как она инстинктивно чувствовала с самого начала, должно было последовать с минуты на минуту. Он вышел из оцепенения и, словно неуклюжая восковая фигура, сошедшая с пьедестала, двинулся на нее, вытянув руки и сильно кренясь в сторону.

Кэрол бросилась к двери с придушенным, слабым криком, который, собственно, и криком назвать было нельзя. Судорожно размахивая руками, она успела лишь убедиться, что забытый ключ все еще торчит в замке. Ей пришлось проскочить мимо — он не дал ей времени что-нибудь предпринять.

Она оторвалась от стены и, срезая угол, метнулась к окну, которое виднелось с другой стороны. Шторы были задернуты, скрывая четкие очертания оконного переплета и обрекая на неудачу любую попытку выбить стекло и позвать на помощь через окно, — а это было все, на что она могла рассчитывать, уклоняясь от стремительного натиска. По обе стороны окна свисали тяжелые пропыленные портьеры. Обернувшись на бегу, она толкнула одну из портьер на своего преследователя, это немного задержало его, и ей удалось набросить свободный конец ему на голову.

В противоположном углу комнаты наискосок стоял ветхий диван. Она забежала за него, но не успела выскочить с другой стороны, как Милберн преградил ей путь.

Они дважды пробежали туда и обратно вдоль дивана, он со своей стороны, она со своей, это было похоже на игру в кошки-мышки или на пантомиму викторианской эпохи «Красавица и чудовище». Раньше, до того, как пять минут назад все это началось, она всегда смеялась над такими вещами, казавшимися ей совершенно неправдоподобными, принадлежащими другому миру; теперь она не будет смеяться над ними до конца своей жизни — хотя, очевидно, этой жизни оставалось две-три минуты.

— Не надо, — задыхаясь, повторяла она. — Нет! Не смей! Ты же знаешь, что с тобой сделают, если ты посмеешь, ты знаешь, что они с тобой сделают!

Она обращалась не к человеку, перед ней был наркоман, накурившийся до одурения.

Он вдруг резко рванулся к ней, встав одной ногой на диван и пытаясь дотянуться до нее через спинку. В тесном треугольнике не было места, чтобы она могла отскочить на достаточное расстояние. Его пальцы вцепились в вырез ее платья, чуть сбоку. Но прежде чем он успел крепко сжать их, она сумела освободиться, два или три раза крутанувшись вокруг своей оси. Платье сползло с плеча, но зато он выпустил ее.

Девушка выскочила из-за дивана, с той стороны, где не было спинки, воспользовавшись тем, что Милберн еще стоял, нависая над диваном всем телом. Она проскользнула вдоль четвертой, последней стены комнаты. Таким образом она сделала полный круг и опять приближалась к двери, но уже с другой стороны. Сократить путь, пробежав по диагонали, — означало миновать его, так как он стоял как раз посередине.

С этой стороны была еще одна дверь, за которой виднелось какое-то темное помещение, возможно туалет или ванная, но после своего печального опыта с диваном Кэрол проскочила мимо не останавливаясь, опасаясь, что еще быстрее окажется в тесной ловушке, что бы там ни оказалось за дверью. Кроме того, дверь на лестницу, единственный путь к спасению, была в другой стороне.

На бегу она налетела на деревянное вращающееся кресло, крутанула его и толкнула назад, надеясь задержать преследователя. Но он успел заметить этот маневр и обежал вокруг. Она выиграла лишь пять секунд.

Девушка уже начала задыхаться. Когда она достигла последнего угла и повернулась в ту сторону, где началась эта бесконечная игра в пятнашки, Милберн бросился ей наперерез, развернулся и отрезал все пути к бегству. Она не успела отскочить назад и едва не налетела на него. Теперь, прижатая к стене, она была в его власти. Его руки готовы были сомкнуться на ее горле. Она не могла бежать ни вперед, ни назад, и она нырнула вниз, это было единственное, что ей оставалось. Она успела проскользнуть между его руками прежде, чем они сомкнулись, и стремительно выскочить из-под них, слегка оттолкнув Милберна.

Она выкрикнула имя. Имя того человека, который в настоящую минуту меньше всех на свете мог помочь ей:

— Скотт! Скотт, дорогой!

Путь к двери был свободен, но ей не успеть добежать. А промчаться мимо и начать все сначала уже не было сил.

Маленькая лампа, та самая, с помощью которой она пыталась оживить его воспоминания, все еще стояла на том же месте. Она была слишком легкой и вряд ли могла причинить какой-нибудь вред, но девушка схватила ее и швырнула назад. Она даже не попала в своего врага: лампа без толку упала где-то в стороне на грязный ковер, и даже лампочка в ней не разбилась. Не останавливаясь ни на секунду, он сделал последний бросок, и оба знали: как только...

И тут что-то случилось. Должно быть, он зацепился обо что-то носком ботинка. Тогда она этого не заметила, а вспомнила уже потом. Уцелевшая лампа за его спиной яростно затрещала и коротко вспыхнула ослепительным синим пламенем, и он во весь рост растянулся на полу, широко раскинув руки.

Между ним и вожделенной дверью оставалось небольшое расстояние. Она не решалась пройти мимо него, но еще больше боялась остаться на месте. Эти руки, сейчас почти безжизненные, чуть загоразживали проход. Она перепрыгнула, едва не коснувшись судорожно сжимавшихся пальцев.

Мгновение может длиться так долго. Мгновение может оказаться таким коротким. Одно лишь мгновение он беспомощно лежал лицом вниз, всего лишь одно мгновение. Она ощущала, как ее руки поворачивают ключ. Ей казалось, что все происходит во сне или с кем-то другим, а не с ней. В первый раз она повернула ключ не в ту сторону, замок не открылся. Ей пришлось вытащить ключ, перевернуть и вставить другой стороной. Ее противник не встал, но перекатывался на животе по полу, стараясь преодолеть те несколько дюймов, что разделяли их, дотянуться, схватить ее за щиколотки, чтобы и она упала рядом с ним.

Ключ щелкнул, Кэрол потянула ручку, и дверь распахнулась. Она бросилась в образовавшуюся щель и уже на бегу почувствовала какое-то слабое царапанье, словно чьи-то ногти тщетно пытались ухватить ее за задник туфли.

Потом был какой-то невероятный сумбур, Кэрол чувствовала облегчение и одновременно ужас. Ужас, что вот-вот он бросится следом. Она помчалась вниз по тускло освещенной лестнице, она почти ничего не видела, бежала почти наугад. Она нашла дверь, открыла ее, там была ночь, там была прохлада, там она была в безопасности. Но она, спотыкаясь, шла все дальше, дальше от этого зловещего места, которое она не скоро сможет забыть. Она шла по безлюдной улице зигзагами, шатаясь из стороны в сторону, точно пьяная, она действительно опьянела от переполнявшего ее ужаса.

Она помнила, как завернула за угол. Теперь она уже перестала понимать, где находится. Потом она увидела впереди свет и пошла на него; теперь она бежала, чтобы скорее добраться до источника этого света, прежде чем Милберн настигнет ее. Она вошла и оказалась среди зеркальных витрин, в которых лежали колбасы и тарелочки с картофельным салатом. Должно быть, она попала в магазин деликатесов, торгующий всю ночь.

В магазине никого не было, кроме мужчины, дремавшего за прилавком. Он открыл глаза и увидел девушку, потерянно стоявшую перед ним. Ее платье было порвано и криво висело на одном плече. Он вскочил, подбежал поближе и, облокотившись на прилавок, уставился на нее:

— Что случилось, мисс? Несчастный случай? Я могу чем-нибудь помочь?

— Дайте мне жетон, — обессиленно выдохнула сквозь рыдания она. — Дайте мне, пожалуйста, жетон, мне можно позвонить отсюда?

Она подошла к телефону, все еще судорожно всхлипывая, и опустила жетон.

Добродушный толстяк крикнул в глубь магазина:

— Мамошка, выйди на минутку. Одна девушка здесь, похоже, попала в беду.

Она застала Берджесса дома, было около пяти часов утра. Она совершенно забыла назвать свое имя, но он, видимо, понял.

— Берджесс, вы можете приехать ко мне сюда? Это было ужасно, и, кажется, дальше мне одной не справиться...

Тем временем в глубине магазина владелец и его жена — она вышла в халате и бигуди — держали срочный совет.

— Черный кофе, как ты думаешь?

— Да, только это. Аспирина у нас нет.

Женщина вышла из-за прилавка, села за столик напротив девушки и ободряюще похлопала ее по руке.

— Что они сделал, дорогая? Вы иметь мамочка?

Все еще всхлипывая, она не могла сдержать слабую улыбку при мысли о том, что сейчас ее матерью был детектив, которому по определению полагалось быть суровым.

Берджесс приехал один, воротник его пальто был поднят. Кэрол сидела, нахохлившись, над огромной кружкой дымящегося черного кофе. Она все еще дрожала, конечно не от холода, но уже понемногу успокаивалась. Он приехал один, потому что действовал неофициально, это было его личным делом, здесь пока можно было избежать формальностей.

Вместо приветствия, она издала слабый стон облегчения.

Сыщик похлопал ее по плечу.

— Бедная девочка, — сказал он, придвигая соседний стул и присаживаясь на краешек. — Вам пришлось несладко, а?

— Это еще ничего; видели бы вы меня пять — десять минут назад. — Затем она сменила тон и в возбуждении наклонилась к нему. — Берджесс, дело стоило того! Он видел ее! И вот еще что: кто-то потом явился к нему и подкупил его. Какой-то мужчина, я думаю, действовавший по ее поручению. Вы сможете вытянуть это из него, правда?

— Пойдемте, — коротко сказал он. — Если я ничего не добьюсь от него, то уж никак не от недостатка усердия. Я пойду туда прямо сейчас. Сначала посажу вас в такси, а потом...

— Нет, нет, я хочу пойти вместе с вами. Со мной уже все в порядке, мне лучше.

Владельцы магазина деликатесов проводили их до дверей и смотрели, как они идут по улице в бледных лучах рассвета. На их лицах ясно читалось глубокое неодобрение по поводу Берджесса.

— Да-а, хорош у ней братец! — презрительно проворчал муж. — Сначала отпускает ее отну ф пять часов утра, а потом яфляется, когда уже слишком поздно, и теперь наделает шуму с тем парнем! Лень ему присмотреть за ней как следует!

Берджесс бесшумно поднимался по лестнице, сильно опередив девушку. Он знаком показал ей, чтобы она не торопилась. Когда Кэрол догнала его, сыщик уже некоторое время внимательно прислушивался, нагнувшись и прижавшись ухом к двери.

— Похоже, удрал, — прошептал он. — Ничего не слышно. Отойдите немного назад, не стойте слишком близко, вдруг он появится не с пустыми руками.

Кэрол спустилась на несколько ступенек, теперь ее голова и плечи едва виднелись над площадкой. Она видела, как Берджесс что-то вставил в замок и осторожно, почти беззвучно возился с ним. Неожиданно дверь приоткрылась, он сунул руку в задний карман и, не вынимая ее оттуда, со всеми предосторожностями шагнул вперед.

Она шла следом, затаив дыхание, с минуты на минуту ожидая вспышки ярости или даже нападения из засады. Она уже перешагнула через порог, когда неожиданно вспыхнувший за дверью электрический свет заставил ее судорожно дернуться, хотя никаких звуков не последовало. Берджесс просто зажег свет в комнате.

Она посмотрела вперед и успела заметить, что Берджесс скрылся за дверью в боковой стене, за той самой дверью, за которую она побоялась зайти совсем недавно, во время сумасшедшей гонки вокруг комнаты. Она осмелилась перешагнуть через порог, ей придало смелости то, что детектив беспрепятственно прошел через всю комнату, — значит, она пуста.

Еще одна беззвучная вспышка света, и темное пространство, куда он вошел, превратилось в сияющую белизной ванную комнату. Она уже поравнялась с дверью в ванную; на какой-то момент ей удалось заглянуть туда. Она увидела старомодную ванну на четырех ножках и человеческую фигуру, сложенную пополам и перегнувшуюся через край ванны задом вверх, так что этот человек напоминал бельевую прищепку. Подошвы его ботинок были вывернуты назад — она видела и их. Сама ванна не могла быть мраморной в такой дыре, и все же она странным образом казалась отделанной мрамором даже снаружи. Наверное, благодаря одной или двум едва заметным красным прожилкам, сбегавшим вниз по наружной стенке. Мрамор с красными прожилками...

На какой-то момент она подумала, что ему стало плохо и он потерял сознание. Она хотела было войти, но резкий крик Берджесса: «Не входите, Кэрол! Оставайтесь на месте!» — остановил

ее, как щелчок кнута. Он сделал шаг или два назад и, слегка подтолкнув Кэрол, прикрыл дверь так, чтобы девушка не могла больше видеть, что происходит внутри, но не закрыл полностью.

Сам он оставался там довольно долго. Кэрол стояла на месте и ждала. Она заметила, что ее рука слегка дрожит, но теперь уже не от страха, а от эмоционального напряжения. Теперь она поняла, что это было там, внутри. Поняла она и причину произошедшего. Пароксизм страха, усиленного наркотиками, ставшего невыносимым после того, как она убежала. Невидимые щупальца возмездия, казалось, были готовы задушить его. И все же это казалось еще ужаснее от того, что было слишком неопределенным.

Грязный клочок бумаги на столе, который привлек ее внимание, подтвердил это. Три слова, которые с трудом можно было разобрать, переходящие в бессмысленные каракули и затем в неровную черту. На полу валялся сломанный грифель. «За мной следя...»

Дверь, как будто нехотя, приоткрылась пошире, и Берджесс наконец вышел. Кэрол показалось, что он побледнел. Он потихоньку подталкивал девушку перед собой, так что она обнаружила, что невольно двигается назад, к наружной двери.

— Вы это видели? — спросила она, имея в виду записку.

— Да, когда вошел.

— Что он сделал?

Вместо ответа, Берджесс ткнул пальцем себе в шею и резко прочертил от одного уха до другого.

Она со свистом втянула в себя воздух.

— Давайте выходите отсюда, — сказал он с напускной грубостью. — Вам здесь не место. — Он запирает за ними обоими дверь так же, как она была заперта перед их приходом. — Эта ванна, — бормотал он себе под нос, пока вел ее вниз по лестнице, обнимая за вздрагивающие плечи. — Теперь всегда, стоит мне подумать о Красном море, я буду вспоминать. — Тут он заметил, что она слушает, и замолчал.

На углу он усадил ее в такси.

— Вы поезжайте домой. Я должен вернуться туда и доложить о происшествии.

— Теперь это нам не поможет? — спросила она чуть не плача, склонившись к нему через стекло машины.

— Нет, Кэрол, не поможет.

— А я не могу повторить то, что он сказал мне?

— Это будут показания с чужих слов. Вы слышали, как кто-то сказал, что видел ее и что его подкупили, чтобы он это отрицал. Свидетельство из вторых рук. Это не поможет, его не примут в расчет.

Он вытащил из кармана сложенный в несколько раз носовой платок и развернул его на ладони. Она заметила, что он рассматривает какой-то предмет, завернутый в платок.

— Что это? — спросила она.

— Как вы думаете?

— Лезвие бритвы.

— Не просто бритвы.

— А-а, лезвие безопасной бритвы.

— Вот именно. И если парень перерезал себе горло открытой бритвой старого образца, — как раз такую я обнаружил в ванне под ним, — то что же делала там эта штука, которую я заметил в шкафчике? Обычно ведь используют какой-то один тип, а не оба сразу. — Он убрал бритву. — Все скажут: «Самоубийство». И наверное, я не буду возражать — на данный момент. Поезжайте домой, Кэрол. Что бы ни случилось, вас здесь сегодня не было, вы остаетесь в стороне. Я позабочусь об этом.

В такси, по дороге домой, проезжая по улицам, посеребренным разгорающимся рассветом, она опустила голову.

«Не сегодня, дорогой, даже после всего, что было, — не сегодня. Но может быть, завтра. Или послезавтра».

Глава 15
Девять дней до казни
Ломбард

Это был один из невероятно роскошных отелей, его стройная башня высокомерно возвышалась над окружающими ее обычными зданиями, словно аристократ, задирающий нос перед простыми смертными. Он походил на обитый бархатом и украшенный драгоценностями насест, излюбленное место отдыха райских птичек, направляющихся на восток из страны кино. Стайки потрепанных, но еще не растерявших свое богатое оперение пичуг, спешащих на запад в преддверии надвигающейся бури, тоже находили здесь приют.

Ломбард понимал, что такая обстановка сама по себе требует некоторой деликатности. Нужно было найти верный путь, выбрать правильный подход. Он не совершил тактической ошибки, не пытался с ходу добиться аудиенции, тем более что здесь его пока не знали. Не в обычаях этого отеля было принимать кого бы то ни было по одной лишь просьбе или с первой попытки. Приходилось продумывать план операции, идти окольными путями.

Таким образом, он начал с цветочного магазина, куда из холла вела выгнутая дверь голубого стекла. Он вошел и спросил:

— Не могли бы вы рассказать, какие цветы предпочитает мисс Мендоса? Как я понимаю, вы часто доставляете ей букеты.

— Ничем не могу вам помочь, — возразил продавец.

Вытащив из кармана банкнот, Ломбард повторил свой вопрос, как будто в первый раз он говорил недостаточно громко.

Видимо, так оно и было.

— Посетители всегда посылают ей привычные цветы вроде орхидей, гардений. Но я-то случайно узнал, что в Южной Америке, откуда она приехала, эти цветы ценятся не слишком высоко, они там растут где попало. Если вы действительно хотите ей угодить, — продавец понизил голос, словно сообщая бесценные сведения, — то я вам скажу: когда она несколько раз заказывала цветы сама, чтобы украсить номер, всякий раз это был розовый душистый горошек.

— Я беру все, что у вас есть, — немедленно отозвался Ломбард. — Чтобы не осталось ни единого цветка. И дайте мне две карточки.

На одной карточке он нацарапал коротенькое послание по-английски. Достав карманный словарь, он перевел каждое слово на испанский язык и надписал вторую карточку. Затем выбросил первую.

— Отправьте это мисс Мендосе вместе с цветами и позаботьтесь, чтобы все было сделано сейчас же. Сколько времени вам понадобится?

— Цветы будут у нее через пять минут. Она у себя, а посыльный воспользуется скоростным лифтом.

Ломбард вернулся в холл и стал нетерпеливо прохаживаться около стойки регистратора; глаза его неотрывно следили за стрелкой часов, словно он считал чей-то пульс.

— Да, сэръ? — осведомился служащий.

— Еще нет, — ответил Ломбард.

Он хотел точно рассчитать, когда она получит цветы.

— Пора! — сказал он через минуту так неожиданно, что служащий отскочил. — Позвоните в номер мисс Мендосы и спросите, может ли она на минуту принять джентльмена, пославшего ей цветы. По фамилии Ломбард, но не забудьте упомянуть цветы.

Служащий вернулся с совершенно ошеломленным видом.

— Она сказала «да», — пробормотал он изумленно. Только что на его глазах было нарушено одно из неписаных правил отеля. Нашелся человек, которого приняли по первой просьбе.

Тем временем Ломбард стремительно, словно ракета, поднимался в башню. Он вышел из лифта, чувствуя легкую дрожь в коленях. У приоткрытой двери стояла, встречая его, молодая женщина. Видимо, личная горничная, судя по изящному черному форменному платью.

— Мистер Ломбард? — спросила она.

— Да, это я.

Очевидно, здесь ему предстояло пройти последний досмотр, прежде чем получить окончательное позволение войти.

— Вы не по поводу интервью прессе?

— Нет.

— И не за автографом?

— Нет.

— И не за рекомендательным письмом?

— Нет.

— И не ради какого-нибудь счета, который... э-э... — она деликатно подыскивала слово, — который ускользнул от внимания сеньориты?

— Нет.

Последний пункт, по-видимому, был решающим. Продолжения не последовало.

— Минуточку.

Дверь закрылась и через подобающий промежуток времени открылась вновь. На этот раз полностью.

— Вы можете войти, мистер Ломбард. Сеньорита попытается вклинить вас между разбором почты и парикмахером. Не хотите ли присесть?

Он очутился в комнате, замечательной во всех отношениях. Но его поразили не ее размеры, и не вид из окон с просто космической высоты, и не захватывающая дух роскошь обстановки, хотя все это само по себе уже было потрясающим: его поразила стихия звуков, которые ухитрились заполнить всю комнату, в то время как в ней не было ни души, кроме него самого. Это была самая шумная из всех пустых комнат, в которых он когда-либо бывал. Из-за одной двери доносилось шипение и потрескивание, как если бы там капало из незавернутого крана или что-то жарилось в масле. Скорее даже последнее, так как звуки сопровождались пряным ароматом. К ним присоединялись обрывки какой-то песенки, исполняемой энергичным, но не совсем верным баритоном. Из-за другой двери, состоявшей из двух попеременно открывающихся и закрывающихся створок, доносилась еще более оглушительная смесь звуков. Она состояла, насколько его слух позволил разобраться в этом звуковом хаосе, из музыкальной программы, идущей на коротких волнах, иногда прерываемой помехами; из женского голоса, с пулеметной скоростью тараторившего по-испански и, похоже, не нуждавшегося в глотке воздуха между отдельными фразами; из звонков телефона, который, казалось, не был в состоянии умолкнуть больше чем на две с половиной минуты. И в придачу ко всей этой мешанине то и дело раздавался какой-то скребущий по нервам скрип, резкий и совершенно непереносимый, словно кто-то царапал гвоздем по стеклу или мелом по грифельной доске. К счастью, этот скрежет раздавался через достаточно длительные промежутки.

Ломбард сидел и терпеливо ждал. Он проник сюда, и половина дела была сделана. И не важно, сколько времени займет вторая половина.

Горничная стремительно вбежала в комнату — он решил, что девушка пришла позвать его, и привстал. Но у нее, судя по суетливости, оказалось гораздо более важное дело. Она впрорхнула в помещение, из которого доносилось скворчание в сопровождении баритона, и предостерегающе закричала:

— Не лей много масла, Энрико! Она сказала, не лей много масла!

Затем она выскочила, а вслед ей раскатился зловецкий бас, от которого, казалось, задрожали стены:

— Я готовлю, чтобы угодить ей или этим несчастным напольным весам, что стоят в ванной?

Всякий раз, входя и выходя, горничная держала на вытянутых руках какой-то странный халат из розовых страусовых перьев. Она несла его с таким видом, словно собиралась кого-то им укутать, при этом было совершенно непонятно, какое отношение эта вещь имеет к данному ей

поручению. И когда она шла туда, а потом обратно, этот халат повсюду оставлял за собой перышки, которые еще долго висели в воздухе, лениво опускаясь на пол.

Наконец что-то яростно затрещало, шипение прекратилось, послышалось глубокое удовлетворенное «А-а-ах!», и показался маленький кругленький человечек с лицом кофейного цвета, в белой куртке и высоком поварском колпаке. Удовлетворенно качая головой, он прошествовал через всю комнату к соседней двери и скрылся там с накрытым колпаком подносом.

Последовало секундное затишье. Именно секундное. Затем оно взорвалось такой лавиной звуков, по сравнению с которой то, что было раньше, показалось райской тишиной. Тут были все прежние звуки и кое-что новенькое: резкие крики сопрано, рев баритона, душераздирающий скрежет, глубокий, похожий на удар гонга, звон, раздавшийся, когда крышку от кастрюли в ярости запустили в стенку и она, дребезжа, покатила к середине комнаты.

Круглый человечек выскочил в ярости. Его лицо больше не было кофейного цвета, оно было в потеках, явно состоящих из яичных желтков и красного перца. Его руки вращались, словно крылья ветряной мельницы.

— На этот раз я еду домой! Я уплываю на ближайшем пароходе! На этот раз я не останусь, даже если она встанет передо мной на свои паршивые колени!

Ломбард слегка наклонился вперед в своем кресле, пытаясь заткнуть мизинцами уши, чтобы дать им хоть немного отдохнуть. В конце концов, барабанная перепонка человека достаточно деликатный орган, он может вынести лишь определенное количество шума, и не больше.

Когда он опять открыл уши, то, к своему облегчению, убедился, что обстановка вокруг стала немного спокойнее: сумасбродство достигло своего обычного уровня. По крайней мере, теперь хоть не звенело в голове. Неожиданно, видимо для разнообразия, вместо телефонного звонка раздался звонок в дверь, и горничная впустила нового посетителя, темноволосого, с изящно подстриженными усами, который уселся и тоже стал ждать. Но он проявлял гораздо меньше терпения, чем Ломбард. Он почти сразу же снова вскочил и принялся быстро ходить взад и вперед какой-то сбивчивой, торопливой походкой. Затем он обнаружил один из присланных Ломбардом букетиков душистого горошка, остановился, вытащил цветок и поднес его к носу. К этому моменту Ломбард уже отбросил всякие мысли об установлении дипломатических отношений, даже если у него таковые и были.

— Она когда-нибудь будет готова принять меня? — возмущенно спросил незнакомец у горничной, когда та в очередной раз впорхнула в комнату. — У меня родилась новая идея. И я бы хотел схватить ее, пока она не ускользнула.

— Я бы тоже не прочь, — подумал Ломбард, свирепо глядя ему в затылок.

Продолжая нюхать горошек, незнакомец снова сел. Затем опять вскочил, всем своим видом демонстрируя отчаянное нетерпение.

— Она ускользает, — предупредил он. — Я теряю ее. Если только она ускользнет, мне придется вернуться к тому, что было раньше.

Напутствуемая этими ужасными предупреждениями, горничная убежала.

Ломбард проворчал себе под нос:

— Тебе давно уже пора вернуться к тому, что было.

Но так или иначе, это сработало. Горничная появилась вновь, поманила его нетерпеливым жестом, и он вошел. Ломбард нагнулся к цветку, который тот обронил, аккуратно поддел его носком туфли и раздраженно подбросил кверху — от этого будто бы стало немного легче.

Горничная приблизилась и доверительно нагнулась к нему, чтобы утишить его гнев:

— Она обязательно втиснет вас между ним и портным. С ним трудно ладить, знаете ли.

— О, я не знаю, — запротестовал Ломбард, слегка сгибая вытянутую ногу и пристально разглядывая ее.

Последовало долгое затишье. По крайней мере, относительное. Горничная появилась всего лишь один или два раза, и телефон зазвонил только один или два раза. Даже пулеметные очереди испанской речи теперь звучали с перерывами. Появился личный повар, который собирался уехать на первом же корабле, — в берете, шарфе и ворсистом пальто он казался еще более кругленьким, — но лишь попросил с оскорбленным видом:

— Выясните, она сегодня обедает дома? Я не могу выяснить сам, я с ней не разговариваю.

Соперник, опередивший Ломбарда, наконец показался в дверях, держа в руках свои инструменты, и вышел. При этом он не удержался, сделал небольшой крюк и похитил еще один цветок душистого горошка. Нога Ломбарда поползла к чаше, в которой стояли остальные цветы, словно он хотел подбросить их все сразу, но усилием воли он подавил этот порыв.

Горничная вновь возникла на пороге святая святых и возвестила:

— Сеньорита сейчас вас примет.

Попытавшись подняться, он обнаружил, что ноги стали ватными от долгого сидения. Он несколько раз притопнул, поправил галстук, поддернул манжеты и вошел.

Едва он успел окинуть взглядом фигуру, растянувшуюся на шезлонге в томной позе Клеопатры, как нечто пронеслось в воздухе, словно реактивный снаряд, прыгнуло на него и устроилось на плече, издав пронзительный скрип, напоминавший скрип железа по стеклу, из тех, которые то и дело доносились до него, пока он ждал снаружи. Ломбард вздрогнул от неожиданности. Что-то вроде длинной бархатистой змейки нежно обвил его шею.

Женщина в кресле смотрела с сияющей улыбкой, как любящая мамаша на расшалившегося отпрыска.

— Не пугайтесь, сеньор. Это мой маленький Биби.

Но такого человека, как Ломбард, лишь отчасти устроило то, что ему назвали кличку животного. Он попытался повернуть голову и разглядеть существо, но оно было слишком близко. Помня о цели своего визита, Ломбард сумел изобразить подобие добродушной улыбки.

— Я полагаюсь на Биби, — доверительно сообщила ему хозяйка. — Биби — это мой, как это сказать, комитет по встречам. Если Биби кого-то не любить, он убежать под диван, я быстро избавляться от такие люди. Если Биби понравиться, он прыгать им на шея, тогда все хорошо, они оставаться. — Она обезоруживающе пожала плечами. — Вы ему понравиться. Биби, пойдти же с дядина шея, — слащаво уговаривала она.

— Нет, пусть остается. Я ничуть не возражаю, — терпеливо проговорил Ломбард. Он почувствовал, что принять всерьез ее упрек своему любимцу — значило бы с самого начала сделать неверный шаг. Обоняние подсказало ему, что пришелец — не кто иной, как небольшая обезьянка, хотя и обрызганная духами с ног до головы. Хвост развернулся, но лишь затем, чтобы обвить его шею по-другому. Похоже, он угадал. Он чувствовал, как зверек тщательно перебирает и разглядывает его волосы, словно что-то ищет.

Актриса восхищенно заворковала. Если что-то вообще могло вызвать у нее симпатию, то, похоже, только это создание, так что Ломбард не мог позволить себе обидеться на способ знакомства, выбранный зверьком.

— Садитесь, — радушно предложила она.

Он несколько скованно подошел к креслу и опустил туда, стараясь держать голову прямо и не терять равновесия. Теперь он впервые смог как следует рассмотреть ее. На ней была черная бархатная пижама, причем из каждой штанины по ширине вполне могла получиться целая юбка, плечи прикрывала пелерина из розовых страусовых перьев. Голову украшала пугающего вида конструкция, сооруженная любителем душистого горошка, который побывал здесь до Ломбарда; казалось, что ей на волосы пролилась кипящая лава. Горничная стояла сзади, обмахивая это сооружение пальмовым листом, словно для того, чтобы остудить.

— У меня есть минута, пока это укладываться, — вежливо объяснила владелица прически.

Ломбард заметил, как актриса украдкой взглянула на карточку, которую он некоторое время назад послал ей вместе с цветами, очевидно, чтобы вспомнить его имя.

— Как приятно для разнообразия получить цветы по-испански, сеньор Ломбард. Вы говорить, вы недавно приехал из *mi tierra*¹. Мы там были знакомы?

К счастью, она сама забыла этот вопрос, прежде чем ему пришлось бы сказать правду. В ее больших черных глазах появилось мечтательное выражение, она устремила их к потолку; сложив руки наподобие подушечки, она прижалась к ним щекой.

— Ах, мой Буэнос-Айрес, — вздохнула она, — мой Буэнос-Айрес. Как я скучаю по нему! Огни на Калье-Флорида, как они гореть по вечерам...

¹ Моя страна (исп.).

Нет, не напрасно перед тем, как прийти сюда, он провел несколько часов, роясь в справочниках для туристов.

— Пляжи Ла-Плата, побережье, — мягко продолжил он, — парк Палермо...

— Не надо! — воскликнула она. — Не надо, я сейчас заплачу.

Она не притворялась. По крайней мере, не совсем притворялась, сказал бы он. Она просто драматизировала те чувства, по своей природе искренние, которые испытывала на самом деле, как обычно и делают люди со сценическим темпераментом.

— Зачем я покидал все это? Зачем я здесь, так далеко?

«Семь тысяч долларов в неделю и десять процентов с каждого выступления могли бы послужить ответом на этот вопрос», — мелькнуло у него в голове, но он благоразумно держал эти мысли при себе.

Тем временем Биби, не найдя ничего заслуживающего особого внимания в его волосах, потерял к нему всякий интерес, пробежал вниз по его руке и легким прыжком соскочил на пол. Разговаривать стало намного легче, хотя его прическа, над которой поработал Биби, теперь напоминала сильно потрепанный ветром стог сена. Он преодолел желание пригладить волосы из опасения, что это может обидеть непостоянную в своих настроениях хозяйку. Сейчас ему удалось привести ее в мягкое расположение духа, насколько он мог рассчитывать после столь короткого знакомства. И он решился.

— Я пришел к вам потому, что все знают: вы столь же умны, сколь талантливы и красивы, — сказал он, не скупясь на комплименты.

— Это правда, никто еще не называл меня куклой, — признала знаменитость с милой непосредственностью, разглядывая свои ногти.

Ломбард слегка пододвинул к ней свое кресло.

— Вы помните номер, с которым выступали в прошлом сезоне, когда вы кидали в зал зрительницам цветы, такие маленькие букетики?

Она торжествующе подняла палец. Глаза ее блеснули.

— А, чика-чика, бум! Si, si, вам нравится? Хорошо, правда? — с теплотой в голосе проговорила она.

— Великолпно, — горячо согласился он, хотя кадык его незаметно дернулся, — так вот, однажды вечером мой друг...

Больше он в этот раз не успел сказать ничего. Горничная, которая уже прекратила обмахивать прическу, снова появилась в комнате:

— Сеньорита, Вильям пришел за указаниями на сегодня.

— Извините, я на минуту. — Она повернулась к двери.

Рослый парень в шоферской униформе вошел и почтительно остановился у двери.

— Вы не нужны мне до двенадцати. Я отправляться на ленч в «Кок Блю», так что будьте внизу в десять часов. — Затем она добавила, не меняя интонации: — И вы лучше заберите эту штуку, пока вы здесь, вы оставляйте это.

Парень подошел к туалетному столику, на который она показывала, взял кованный серебряный портсигар, сунул в карман и опять отошел с совершенным безразличием.

— Это не из «Пять-и-десять»², вы знаете, — сказала она ему вслед, как показалось Ломбарду, с некоторой злостью. В ее глазах что-то промелькнуло, и, судя по этому блеску, Вильяму не приходилось на многое рассчитывать.

Чуть поостыв, она опять повернулась к Ломбарду.

— Я как раз говорил, что один из моих друзей однажды пришел на представление с дамой. Поэтому я и пришел к вам.

— Как?

— Я пытаюсь найти эту даму для него.

Она неправильно поняла. Ее глаза вспыхнули новым интересом.

— Ах, роман! Я любить роман!

² «Пять-и-десять» (five-and-ten), — магазины, торгующие предметами домашнего обихода и личного пользования, большинство товаров в которых стоят от пяти до десяти центов.

— Боюсь, что нет. Это дело жизни и смерти. — Как и в разговорах с остальными, он не решился рассказать все подробности, чтобы не отпугнуть ее.

Но ей, по-видимому, это понравилось еще больше.

— Ах, тайна! Я люблю тайна, — она пожала плечами, — пока это случаться не со мной.

Вдруг что-то заставило ее замолчать. Очевидно, произошло большое несчастье, если судить по произведенному эффекту. Певица уставилась на крошечную, инкрустированную бриллиантами вещицу, украшавшую ее запястье. Неожиданно она вскочила и принялась громко щелкать пальцами, треск при этом напоминал фейерверк. Служанка поспешно влетела в комнату. Ломбард подумал было, что сейчас его бесцеремонно выставят, чтобы освободить место для следующего посетителя.

— Вы знаете, который час? — язвительно проговорила певица. — Я не говорил вам следить внимательно? Вы очень безответственны. Вы едва не пропустили время. Доктор сказал, на каждый час. Один раз на час. Принесите микстуру...

Прежде чем Ломбард успел сообразить, в чем дело, вокруг него во всю мощь уже бушевал тайфун, которые, по-видимому, случались здесь регулярно.

Скорострельный испанский диалог, душераздирающий визг, горничная, бегающая вокруг комнаты в тщетной попытке поймать Биби, — от всего этого Ломбарду вскоре показалось, что он стоит в центре вращающейся карусели.

Наконец и он присоединил свой голос к общему гвалту.

— Может быть, вам лучше резко остановиться и повернуться в обратную сторону? — закричал он, стараясь перекрыть гвалт.

Этим все и кончилось. Биби с разбегу налетел на горничную, а та влила микстуру в Биби.

Когда с приемом лекарства было покончено и Биби с несчастным видом вцепился в хозяйку, обняв ее за шею обеими руками, так что казалось, будто у нее выросла борода, Ломбард продолжил свои расспросы.

— Я понимаю, мало надежды на то, что вы вспомните одного-единственного человека из того моря лиц, которое вы видите перед собой каждый вечер. Я понимаю, что вы выступали в течение целого сезона, давая по шесть вечерних и по два утренних представления в неделю и всякий раз зал бывал переполнен...

— Я ни разу в жизни не выступать в пустом зале, — сообщила она со свойственной ей скромностью. — Даже пожар не сравняться со мной. Однажды в Буэнос-Айрес театр загореться, так, вы думать, они уходить?

Он подождал, пока она договорит.

— Мой друг и эта женщина сидели в первом ряду у прохода. — Он сверился с клочком бумаги, который достал из кармана. — Слева от вас, когда вы стоите лицом к залу. Так вот, единственная подсказка — это то, что она вскочила с места во время второго или третьего куплета вашей песни.

Ее глаза недоверчиво блеснули.

— Она вскочить? Когда Мендоса на сцене? Это меня интересно. Я не помню, что такое случаться раньше.

Он заметил, что ее длинные тонкие пальцы слегка теребят бархат пижамы, словно она ищет достойный ответ на оскорбление.

— Ее не трогать мое пение? Может быть, она опаздывает на поезд?

— Нет, нет, нет, вы меня не поняли, — поспешил он успокоить звезду. — Кто бы позволил себе такое на вашем концерте? Нет, дело вот в чем. Это было во время номера «Чика-чика, бум». Вы забыли бросить ей букетик, и она встала, чтобы привлечь ваше внимание. Она стояла прямо перед вами одну или две секунды, и мы надеялись...

Она несколько раз быстро зажмурилась, стараясь припомнить этот случай. Она даже заложила длинный палец за ухо, стараясь при этом не испортить прическу.

— Я попытаюсь вспоминать для вас.

Она старалась изо всех сил. Она делала все, что помогает оживить память, — даже зажгла сигарету, хотя по тому, как неловко артистка с ней обращалась, было видно, что она не такой уж заядлый курильщик. Она просто держала сигарету в пальцах и смотрела, как она горит.

— Нет, не могу, — сказала она наконец. — Очень сожалею. Я стараться изо всех сил. Для меня прошлый сезон как двадцать лет назад. — Она печально покачала головой и пару раз сочувственно поцокала языком.

Он уже хотел было засунуть клочок бумаги в карман и в последний раз взглянул на него.

— О, вот еще что — хотя, боюсь, от этого так же мало проку, как и от остального. На ней была такая же шляпа, как и на вас, так утверждает мой друг. То есть имитация, точная копия.

Неожиданно она выпрямилась, словно эти слова что-то ей напомнили. По-видимому, теперь Ломбарду удалось полностью завладеть ее вниманием, даже если раньше он не сумел ее заинтересовать. Она задумалась. Глаза ее сузились, а потом сверкнули из-под ресниц. Он боялся пошевелиться или даже вздохнуть. Даже Биби, мохнатым клубком свернувшийся на ковре у ее ног, с любопытством поглядел вверх.

Наконец она вспомнила. Она резким движением отбросила сигарету и испустила пронзительный крик, который сделал бы честь самому голосистому попугаю в джунглях:

— А-а-ай! Вот теперь я помню!

Поток испанской речи ничего нового ему не сообщил. Наконец, после долгих излияний, она вновь перешла на английский:

— Эта тварь, которая вставала там! Эта дрянь, которая стоять перед всем залом, в моей шляпе, чтобы все это видели! Она даже попасть в свет прожектора, он освещать ее вместо меня! Ха! Помню ли я это? Будьте уверены, еще как! Вы думать, я забывать быстро такие вещи? Ха! Вы не знать Мендоса!

Она фыркнула с такой яростью, что Биби, казалось, пролетел по полу несколько футов, как сухой лист, хотя, скорее всего, он на всякий случай по своей воле спасался бегством.

И именно этот, самый неподходящий, момент горничная выбрала для того, чтобы явиться опять.

— Сеньорита, портниха уже некоторое время ждет.

Она яростно замахала руками:

— Она будет подождать еще! Я слушаю кое-что, что я не хочу слышать!

Она передвинулась к краю шезлонга, поближе к Ломбарду, и оперлась на одно колено. Казалось, то, что она пришла в такую ярость, было для нее достижением, которым следовало гордиться. Она картинно вскинула руки и, словно дятел, забарабанила ладонями по груди:

— Вы видеть, в каком я состоянии! Видеть, как я до сих пор сердита, даже теперь, спустя столько времени! Посмотрите, что со мной творится!

После этого она с воинственным видом вскочила на ноги, плотно обхватила себя за талию и принялась расхаживать взад и вперед по комнате, то и дело стремительно разворачиваясь и поднимая настоящий ветер своими широкими штанинами. Покинутый Биби скорчился в дальнем углу, повесив голову и обхватив ее костлявыми лапками.

— А для чего она вам нужна, вам и этому вашему другу? — вдруг подозрительно спросила она. — Вы мне еще не сказали!

По ее вызывающей интонации Ломбард понял, что если бы он собирался устроить счастье особы, имевшей наглость присвоить чужой стиль, то никакой помощи от Мендосы он бы не дождался, даже если бы она и оказалась в состоянии помочь ему. Он постарался изложить факты так, чтобы она подумала, что их цели полностью совпадают, хотя это было не так.

— Мой друг попал в серьезную беду, поверьте мне, сеньорита. Я не хочу утомлять вас подробностями, но эта дама — единственная, кто может спасти его. Он должен доказать, что в тот вечер он был с ней, а не там, где будто бы он был. Он встретил ее в тот вечер впервые; мы не знаем ни ее имени, ни адреса, вообще ничего о ней не знаем. Поэтому мы и используем любую возможность.

Он наблюдал, как она обдумывает услышанное. Затем она сообщила:

— Я хочу помочь вам. Я рассказать все, что поможет вам узнать, кто она. — Тут оживление исчезло с ее лица, и она беспомощно развела руками. — Но я никогда не видеть ее раньше. Я не видеть ее потом. Я видеть ее, только когда она так стоять. Вот и все. Я больше ничего не могу вам сказать.

Казалось, по крайней мере со стороны, что она разочарована даже больше, чем он.

— А его вы хоть заметили? Мужчину, который был с ней?

— Нет, я даже не смотреть на него. Я не могу сказать, кто был с ней. Он сидеть в тени, внизу.

— Видите ли, опять не хватает одного звена, только на этот раз другого. Большинство очевидцев помнят его, а не ее. Вы помните ее, но не помните его. Это нам опять не поможет, это ничего не доказывает. Получается только, что какая-то женщина в театре встала с места во время одного из выступлений. Просто какая-то женщина. Может быть, она вообще пришла с кем-то другим. Это ровным счетом ничего не значит. Мне нужно найти хотя бы одного свидетеля, который видел бы этих двоих вместе. — Он огорченно хлопнул себя по колену и встал, чтобы уйти. — Похоже, мы не сдвинулись с места. Ну что же, спасибо за то, что уделили мне время.

— Я еще попытаюсь для вас, — пообещала она, протягивая ему руку. — Я не знаю, что я могу сделать, но я постараюсь.

Он тоже не знал, что еще он может сделать. Он коротко пожал ей руку и в подавленном настроении прошел через наружную комнату. Он чувствовал себя обманутым, словно ему неожиданно преградили путь к цели, это чувство казалось особенно невыносимым от того, что в первый раз он нащупал что-то реальное и это уже было почти у него в руках — и ускользнуло в самый последний момент. И теперь он был на том же самом месте, откуда начинал.

Лифтер обернулся и выжидающе смотрел. Он понял, что лифт уже спустился вниз, а он и не заметил и пора выходить из кабины. Кто-то распахнул перед ним дверь, и он оказался на улице. Некоторое время он неподвижно стоял около входа, просто потому что не мог решить, по какому адресу отправиться теперь. Надежды всюду было мало, так что он не видел разницы. И при этом был даже не в состоянии принять какое-либо решение, мысли беспомощно шевелились в голове.

Мимо проехало такси, Ломбард окликнул его. Но оно было занято, пришлось ждать следующего. Это задержало его еще на минуту. А иногда минута может значить очень много. Он не оставил Мендосе никакой зацепки, как его найти.

Он уже уселся во второе такси, и машина уже почти тронулась с места, как вдруг вращающаяся дверь отеля завертелась, как пропеллер, и мальчик-посыльный стрелой вылетел из нее и бросился к нему.

— Вы тот джентльмен, который только что был в номере мисс Мендосы? Она позвонила вниз через минуту после вашего ухода. Она бы хотела, чтобы вы вернулись, если вы не против.

Он поспешил войти в отель и подняться в ее номер. Мохнатый клубок опять бросился на него, с радостью узнавая старого знакомого. На этот раз Ломбард не обратил на него внимания. Теперь на певичке уже не было пижамы, он застал ее в самый разгар примерки. Звезда стояла посреди комнаты и была лишь наполовину прикрыта предполагаемым платьем, широкая юбка которого напоминала абажур настольной лампы, но он не стал особо приглядываться.

Если она и смутилась, то лишь самую малость.

— Я надеюсь, вы женаты? Если нет, то когда-нибудь будете женаты, а это одно и то же.

Он не сразу понял, что этими словами она отдала некоторую дань соблюдению приличий, но, в любом случае, не стал возражать. Она подняла кусок ткани и небрежно набросила на одно плечо, там, где это меньше всего было нужно. Потом она велела уйти не замеченной им в первый момент особе, которая стояла на коленях с полным ртом булавок.

— Спустя минуту после того, как вы уходил, я кое-что вспоминать, — сказала Мендоса, лишь только они остались вдвоем. — Я все еще была немногим... — Она сделала жест рукой, словно дергала ручку двери. — Вы понимаете, немного сердита.

«Вильям», — подумал он про себя.

— И я, как всегда, когда я сердита, немного расслабилась, разбив пару вещиц. — Она совершенно равнодушно указала на многочисленные хрустальные осколки, усыпавшие пол, и разбитую лампу посередине. — И тогда случится смешная вещь. Это мне напомнить другой раз, когда я была сердита, из-за той женщины, о которой мы с вами говорить. Я бросать вещи сейчас, и поэтому я вспоминать, как я бросать вещи тогда. — Она пожала плечами. — Забавно, да? Это напомнить мне, что я сделать со шляпой. Я подумать, что, может быть, это поможет вам.

Он ждал, произвольно сделав шаг в ее сторону.

Она многозначительно подняла палец.

— Значит, в тот вечер, когда эта женщина сделать мне такое, я вернуться в гримерную и — м-м-м. — Она глубоко вздохнула. — Меня должны были связать. Я взять все на столе и сделать вот

так! — Она махнула рукой, словно сметая все со стола. — Вы меня понимать, нет? Вы не осуждать меня?

— Я вовсе вас не осуждаю. — Она колотила себя ладонью в грудь, в то место, где соединялись округлые чашечки бюстгальтера. — Вы думать, кто-то может делать такое на глазах у всего зала? Вы думать, я, Мендоса, позволять ему спокойно уходить?

Он уже так не думал, после того как она пару раз продемонстрировала свой бешеный темперамент.

— Им пришлось держать меня сзади, за обе руки, помощник режиссера и моя горничная, чтобы я не выбежать через служебный вход прямо в том костюме, в каком я на сцене, и не искать ее у выхода из театра, и не разорвать ее на куски своими руками!

На какой-то момент у него мелькнула надежда, что к этому она и ведет, что так и случилось и она устроила незнакомке скандал у выхода. Но он знал, что этого не произошло, иначе Хендерсон упомянул бы об этом, да и сама певица вспомнила бы гораздо быстрее.

— Уж тут бы я ей показала, не думайте!

Похоже, что даже теперь она все еще готова была отомстить своей обидчице. Она стояла перед ним чуть пригнувшись, как пантера перед прыжком, ее пальцы судорожно подергивались, так что Ломбард даже отступил на пару шагов назад. Биби сжимал и разжимал свои крошечные пальчики, старательно подражая хозяйке.

Она выпрямилась и взмахнула руками, словно собираясь плыть брассом.

— На следующий день я все еще сердита. У меня это долго. И я пойти к модистке, модельеру, которая сделать мне эту шляпу, и там я выпускать пар. Я бросить шляпу ей в лицо, там была полная комната заказчиц. Я говорить: «Так вы делать мне оригинал для моего главного номера, ха? Единственная в своем роде шляпа, ха? Ни у кого больше такой не будет, ха?» И я ткнуть эту шляпу ей в лицо, и, когда я уходить, она еще выплевывать кусочки ткани изо рта и не говорить ничего. — Она вскинула руки и вопросительно посмотрела на него: — Это вам пригодится, нет? Поможет, нет? Эта паршивая модистка, она должна знать, кому продавать копию шляпы. Вы идете к ней и узнаете, кто эта женщина, которую вы искать.

— Великолепно! Грандиозно! Наконец-то! — взревел он с энтузиазмом, так что Биби нырнул вниз головой под кресло и поспешил втянуть туда же и хвост. — Как ее зовут? Скажите мне ее имя!

— Подождите, я вспоминать для вас. — Она, как бы извиняясь, постучала пальцами по вискам. — Я выступать в таких разных шоу, и иметь так много модельеров, я не могу удержать их в памяти.

Она вызвала горничную и дала ей указание:

— Посмотрите счета за шляпы к прошлогоднему сезону, постарайтесь найти то, что мне нужно.

— Но, сеньорита, мы же не храним их так долго?

— Глупая, вам не надо смотреть все с самого начала, — сказала звезда со своей обычной непосредственностью. — Поищите среди тех, что за последний месяц, он, должно быть, еще там. Горничная вернулась довольно быстро, хотя Ломбарду ожидание показалось бесконечным.

— Да, я нашла: в этом месяце чек пришел опять. Тут написано: «Одна шляпа, сто долларов», и на бланке стоит имя: «Кеттиша».

— Хорошо! Это он! — Она передала его Ломбарду. — Вы взять его?

Он переписал адрес и возвратил ей счет. Несколько яростных движений рук — и множество мелких клочков усеяли пол. Мендоса поставила ногу в самую середину.

— Ну и наглость! Она еще посылать мне счет через год! Эта женщина совсем не иметь стыда!

Когда она взглянула на Ломбарда, тот уже шел через соседнюю комнату к выходу. Он был рационалистом; в конце концов, актриса сделала свое дело и больше ничем не могла быть ему полезна. Он должен двигаться дальше.

Мендоса торопливо подошла к двери будуара, чтобы попрощаться с ним и пожелать удачи. Но двигал ею не альтруизм, а злоба. Она была готова проводить его до самого выхода, но незаконченная пышная юбка, которая была на ней надета, застряла в дверях и не пустила ее дальше.

— Я надеюсь, вы ее поймать! — мстительно кричала она ему вслед. — Я надеюсь, она имеет много неприятностей.

Женщина простит вам все, что угодно, но не вздумайте появиться рядом с ней в такой же шляпе, как у нее.

Войдя туда, он почувствовал себя как рыба, вытщенная из воды, но это его не остановило. Ради достижения своей цели он был готов отправиться и в гораздо менее привлекательные места. Он оказался в одном из заведений, которые обычно располагаются в переулках, в бывших особняках, переделанных под ателье, мастерские и тому подобное. Цены и престиж оказывались тем выше, чем незаметнее было само заведение. Весь первый этаж занимал демонстрационный зал, или как там его принято называть. Объяснив, по какому делу он пришел, Ломбард устроился в укромном уголке, выбрав по возможности самый незаметный.

Он вошел, когда показ был в самом разгаре. Впрочем, может быть, у них ежедневно в это время происходили показы. Он еще больше почувствовал себя не в своей тарелке. Он оказался единственным мужчиной здесь — по крайней мере, единственным молодым мужчиной. Среди горстки клиентов, расположившихся в зале, он обнаружил сморщенного джентльмена лет семидесяти. Очаровательная юная особа, сидевшая рядом с ним, вне всяких сомнений его внучка, по-видимому, привела его сюда, чтобы дед помог ей выбрать обновку. «Разум, — думал Ломбард, бросая на него желчный взгляд, — действительно может творить чудеса». Но этот старичок был единственным исключением в женском царстве. Даже роли швейцара и посыльных исполняли девушки.

Манекенщицы, одна за другой, появлялись откуда-то сзади и совершали круг по передней части комнаты, грациозно поворачиваясь на ходу то в одну, то в другую сторону. По какой-то причине, возможно, просто потому, что он уселся в этом углу, все они останавливались и кружились именно там. Его так и подмывало сказать им: «Я пришел сюда не для покупок», но не хватало духу. Он чувствовал себя ужасно неловко, и это чувство еще более усиливалось от того, что приходилось разглядывать их лица, а в девушках было много другого, что он предпочел бы рассмотреть получше.

Молодая женщина, с которой он говорил, наконец вернулась и вызволила его.

— Мадам Кеттиша примет вас в своем кабинете, по лестнице на второй этаж, — прошептала она.

Девушка-посыльная проводила его наверх, постучала в дверь и исчезла.

В комнате, куда он вошел, за большим столом сидела полная рыжеволосая ирландка средних лет. Всем своим обликом она никак не соответствовала образу шикарного кутюрье, была одета слишком ярко, даже крикливо. Вероятно, в дешевых кварталах, где она когда-то жила, ее звали Китти Шоу. «Такая вполне заслуживает доверия», — сказал себе Ломбард, разглядывая ее. У нее, наверное, просто талант делать деньги: только явно преуспевающая женщина может позволить себе демонстрировать такое вызывающее пренебрежение к своему внешнему виду.

Она с невероятной быстротой просматривала пачку цветных карандашных эскизов, одни, отвергнутые, откладывала направо, другие, с одобрителем о'кей, — налево. А может, наоборот.

— Ну, дружище, чем я могу помочь вам? — грубовато проворчала она, не глядя на Ломбарда.

Ему уже было не до дипломатии. Он еще не успел полностью восстановить силы после беседы с Мендосой. Кроме того, близился уже конец дня — было около пяти часов.

— Я пришел сюда прямо от одной из ваших бывших заказчиц. Это южноамериканская актриса Мендоса.

При этих словах модистка подняла взгляд.

— В прошлом сезоне вы изготовили для нее шляпу к выступлению, помните? За сто долларов. Я хочу знать, кто получил копию.

Прежде чем дать волю эмоциям, она убрала эскизы в безопасное место. Нужные — в ящик стола, ненужные — в корзинку для мусора. По-видимому, она могла по желанию включать и выключать свой темперамент на определенное время. Это ему понравилось больше, чем яростный гнев Мендосы. По крайней мере, более откровенно. Ее рука опустилась на крышку стола с таким грохотом, словно разорвалась ручная граната.

— Хватит об этом! — проревела она. — Мало мне неприятностей с этой шляпой! Я сказала тогда, что мы не делали никакой копии, и я повторяю сейчас — никакой копии не было. Когда я делаю оригинальную шляпу, она так и остается единственной! Если кто-то и изготовил копию, то не здесь и без моего ведома, и я за это не отвечаю! Я, может быть, и деру за шляпы втридорога, но я никого не надуваю!

— И все-таки копия была, — настаивал Ломбард. — И она появилась в театре и оказалась прямо напротив оригинала, их разделяла лишь рампа!

Модистка наклонилась к нему через стол.

— Чего она добивается — чтобы я подала на нее в суд за клевету? — закричала она. — Я так и сделаю, если она не уймется! Она лжет, так ей и передайте!

Но он не ушел, а снял шляпу и положил ее в угол кресла, показывая тем самым, что не двинется с места, пока не получит то, зачем пришел. Он даже расстегнул пальто, чтобы чувствовать себя вольготнее.

— Мендоса не имеет к этому никакого отношения, забудьте о ней. У меня есть свои причины прийти сюда. Копия существовала, потому что мой друг был в театре с женщиной, на которой была такая шляпа. Так что не говорите мне, что копии не было. Я хочу знать, кто эта дама, я хочу узнать ее имя, оно должно быть в списке заказчиков.

— Его там нет. И не может быть, потому что здесь у нас не оформляли такого заказа. Вы что, собираетесь торчать тут весь день?

Он вздернул подбородок и в свою очередь грохнул ладонью по столу так, что тот задребезжал.

— Послушайте, Бога ради! Человеку осталось жить считанные дни! Черт возьми, неужели в такой ситуации меня волнует этика вашего бизнеса? Вам не удастся одурачить меня, я запру дверь и просижу здесь вместе с вами целую ночь! Вы меня понимаете? Человека должны казнить через девять дней! Владелица этой шляпы — единственная, кто может спасти его. Вы обязаны назвать мне ее имя. Мне не нужна шляпа, мне нужна эта женщина!

Неожиданно ее голос опять стал вполне обычным. Очевидно, она выключила свой гнев. Ломбарду удалось заинтересовать ее.

— Кто он? — с любопытством спросила Кеттиша.

— Скотт Хендерсон, его обвиняют в убийстве жены.

Она кивнула:

— Я помню, я читала об этом в свое время.

Он снова хлопнул по столу, на сей раз не так оглушительно.

— Этот человек не виновен. Дело надо прекратить. Мендоса купила у вас шляпу, специально изготовленную для нее, так что эту модель не могли воспроизвести в другом месте. Некая дама явилась в театр в точно такой же шляпе. Хендерсон был с этой дамой, он провел с ней весь вечер, но так и не узнал ни ее имени, ни вообще чего-либо о ней. И теперь я должен любой ценой найти ее. Она может доказать, что его не было дома, когда это случилось. Вы меня понимаете? Если нет, то я уж и не знаю, как вам еще объяснить.

Владелица ателье производила впечатление женщины, которая очень редко проявляет нерешительность, если такое вообще случается. Сейчас она колебалась, но очень недолго. Она задала лишь один вопрос, чтобы обезопасить себя:

— А вы уверены, что все это не хитрость со стороны вашей латиноамериканской ведьмы? Единственная причина, по которой я не предъявляю ей иск за неуплату и за скандал, который она устроила, заявившись сюда, — это то, что она может предъявить мне встречный иск. Огласка повредила бы репутации моего заведения.

— Я не адвокат, — заверил он. — Я инженер из Южной Америки. Если вы все еще сомневаетесь, я вам это докажу.

Ломбард достал из кармана документы, удостоверяющие его личность, и показал ей.

— Тогда я могу говорить с вами конфиденциально, — решила она.

— Абсолютно. Меня интересует только Хендерсон. Я из кожи лезу вон, чтобы вытащить его из этой передраги. Ваши стычки с певицей меня не касаются ни с какой стороны. Меня это волнует лишь постольку, поскольку пересекается с моими поисками.

Она кивнула и посмотрела на дверь, чтобы убедиться, что та плотно закрыта.

— Тогда хорошо. Есть кое-что, в чем я ни за что на свете не призналась бы Мендосе, понимаете? Должно быть, здесь каким-то образом произошла утечка. Копию выполняли у нас, но неофициально. Одна из наших сотрудниц изготовила ее украдкой. Я рассказываю это вам, но не хочу, чтобы информация пошла дальше. Если это каким-либо образом выплывет наружу, я, конечно, стану все отрицать. Девушка-дизайнер, которая делает эскизы, вне подозрений. Я знаю, что это не она нас подвела. Мы вместе с ней начинали дело, она имеет свой пай. Ей нет никакого смысла продавать тайком свои идеи за пятьдесят, семьдесят пять или сколько там долларов. Это было бы себе во вред. Мы вдвоем, она и я, провели небольшое расследование в тот день, когда сюда явилась Мендоса и устроила скандал. Мы обнаружили, что именно этот эскиз исчез из альбома, его там не было, когда мы стали смотреть. Кто-то специально вытащил его, чтобы использовать еще раз. Мы вычислили, кто это: должно быть, швея, девушка, которая делала в мастерской всякую подсобную работу. Она, конечно, все отрицала, а у нас не было против нее никаких доказательств. Я думаю, мы поймали ее прежде, чем она успела подсунуть украденный эскиз обратно в альбом. Ну, чтобы обезопасить себя, чтобы быть уверенными, что мы не влипнем в подобную историю еще раз, мы указали ей на дверь.

Она ткнула пальцем через плечо.

— Так что, видите, Ломбард, — вас ведь так зовут, верно? — если говорить о записях, которые мы ведем здесь, то в них никогда не значился второй покупатель шляпы. Это совершенно точно. Тут я ничем не могу вам помочь. Все, что я могу предложить вам, если вы хотите найти эту женщину, — это постараться отыскать нашу бывшую швею. Как я вам уже сказала, я не могу гарантировать, что она и в самом деле что-нибудь знает. Я знаю только одно: мы сами были достаточно твердо убеждены, что это сделала она, — так твердо, что уволили ее. Если хотите попробовать — дело за вами.

Опять удача ускользала в тот момент, когда он уже думал, будто настиг ее.

— Я должен попытаться, у меня нет другого выхода, — мрачно сказал он.

— Может быть, я смогу вам немного помочь, — сказала Кеттиша с надеждой. Она щелкнула кнопкой динамика. — Мисс Льюис, поищите имя девицы, которую вы уволили сразу после неприятности с Мендосой. И адрес тоже.

Ломбард сидел опершись локтем о стол и склонив голову набок, пока они ждали. По-видимому, модистка заметила в его поведении что-то необычное.

— Вы очень переживаете за него, я замечаю, — сказала она почти нежно. Эта интонация была непривычна ей, так что даже пришлось прочистить горло, чтобы взять верный тон.

Он ничего не ответил. Да и что тут можно было ответить?

Она открыла шкафик и вытащила пузатую бутылку ирландского виски.

— К черту дурацкое шампанское, которое подают внизу. Глоток этого напитка больше подойдет человеку, который изо всех сил борется с обстоятельствами. Так говаривал мой старик, мир его праху.

Динамик загудел. Девичий голос произнес:

— Это Мэдж Пейтон. Когда она работала здесь, ее адрес был: Четырнадцатая улица, 498.

— Да, но которая Четырнадцатая улица?

— Здесь не указано.

— Ничего страшного, — сказал Ломбард. — Есть только два варианта — восток и запад.

Он записал адрес, поднялся, надел шляпу и застегнул пальто, готовый идти дальше. Короткий отдых закончился.

Модистка сидела, прикрыв глаза ладонью.

— Посмотрим, может быть, я помогу вам найти к ней подход. Добровольно она не признается, вы же понимаете. — Она опустила руку и взглянула на собеседника. — Да, теперь я вспомнила ее. Это была такая маленькая серенькая мышка. Юбочка, блузка с длинными рукавами — вы понимаете, что я имею в виду? Девицы такого типа всегда готовы выкинуть какой-нибудь фокус ради денег. С такими это случается гораздо чаще, чем с хорошенькими, потому что деньги даются им нелегко. Они обычно боятся парней и не решаются знакомиться с ними; а уж если у такой кто-то и появится, то наверняка какой-нибудь мерзавец, так как у нее совершенно нет опыта, чтобы разбираться в людях.

Она понимает, что к чему, признал Ломбард. Наверное, поэтому она и перестала быть Китти Шоу из кварталов для бедноты.

— Мы потребовали с Мендосы сто долларов за оригинальную идею. Эта девица вряд ли получила больше пятидесяти за повторение. Вот вам и подход к ней. Пообещайте ей еще пятьдесят долларов, это должно подействовать — если только вы сможете найти ее.

— Если я смогу найти ее, — мрачно повторил он, спускаясь по лестнице.

Хозяйка меблированных комнат открыла дверь, окрашенную под черное дерево, с задернутым коричневой занавеской квадратным стеклянным окошком в верхней половине.

— Ну? — спросила она.

— Я ищу Мэдж Пейтон.

Женщина покачала головой, стараясь не делать лишних движений.

— Девушку, такую... серенькую, как мышка.

— Да, я знаю, о ком вы говорите. Нет, она больше здесь не живет. Раньше жила, но некоторое время назад съехала.

Разговаривая, женщина продолжала разглядывать улицу, словно если уж она дала себе труд подойти к двери, то хотела хоть что-то получить от этого, прежде чем уйти обратно в дом. Может быть, поэтому она и стояла у дверей так долго, а вовсе не потому, что ее занимала проблема посетителя.

— Вы не догадываетесь, куда она отправилась?

— Нет, она ушла, и все, больше ничего не могу вам сказать. Я не поддерживаю с жильцами связи.

— Но должен же быть какой-то след. Люди не превращаются в дым. На чем она увезла свои вещи?

— На своих двоих. — Она показала пальцем. — Вон в ту сторону, если это вам поможет.

Не слишком много. Дальше «в ту сторону» шли три пересекающиеся улицы. И оживленная магистраль. А потом река. А потом не то пятнадцать, не то двадцать штатов. А потом океан.

Хозяйка тем временем нагладелась на улицу и надышалась воздухом.

— Я могла бы, конечно, что-то предположить, — сказала она. — Но если вам нужны только факты... — Женщина прижала пальцы к губам и дунула на них, показывая, что ей нечего сказать. Она стала запирать дверь и вдруг заметила: — Что с вами, мистер? Вы побледнели?

— Я неважно себя чувствую, — признал он. — Ничего, если я минутку посижу у вас на ступеньках?

— Сидите сколько угодно, пока вы никому не мешаете входить и выходить.

Дверь захлопнулась.

Глава 16

Восемь дней до исполнения приговора

Глава 17

Семь дней до исполнения приговора

Глава 18

Шесть дней до исполнения приговора

Он вышел из поезда после трехчасового путешествия по городу и с удивлением огляделся вокруг, сомневаясь, туда ли он попал. Это была одна из тех маленьких пригородных деревушек, расположенных недалеко от центра, которые, непонятно почему, зачастую производят впечатление гораздо более тихих и провинциальных, чем те, что на самом деле находятся намного дальше. Может быть, потому, что контраст слишком уж внезапен, глаз просто не успевает привыкнуть к переменам. Городок был расположен достаточно близко, чтобы иметь присущие метрополии примеры. Здесь был и хорошо известный магазин дешевых товаров «Пять-и-десять», и «А. П.», знакомая компания, торгующая апельсиновым соком. Но они только подчеркивали удаленность от центра, вместо того чтобы сглаживать ее.

Он сверился с конвертом, на обратной стороне которого в столбик были записаны имена, каждое с соответствующим ему адресом. Все имена были очень похожи, хотя одни были английские, а другие — нет. Все, кроме двух последних, были вычеркнуты.

Список выглядел примерно так:

Мэдж Пейтон, дамские шляпы (и адрес)
Мардж Пейтон, дамские шляпы (и адрес)
Маргарет Пейтон, шляпы (и адрес)
мадам Магда, шляпки (и адрес)
мадам Марго, шляпки (и адрес).

Ломбард пересек пути и подошел к заправочной станции. Там он спросил парнишку, вымазанного с ног до головы машинным маслом:

— Ты знаешь здесь какую-нибудь женщину, которая делает шляпы и называет себя Маргаритой?

— Жилица старой миссис Хаском, дальше по этой улице, у нее в окне какая-то вывеска. Я только не знаю, шляпы или платья, я никогда ее не разглядывал. Идите прямо по этой стороне улицы, последний дом.

Он увидел неприглядный каркасный дом. В одном из окон первого этажа, в углу, висел жалкий, написанный от руки плакат: «Маргарита, шляпы». Торговая марка для Богом забытого уголка вроде этого. И даже в таком убогом местечке, с любопытством отметил он, имя на вывеске было написано по-французски. Забавное наблюдение.

Он поднялся на темное крыльцо и постучал. Если верить описанию Кеттиши, то девушка, открывшая ему двери, и была та, которую он искал. Некрасивая, простенько одетая. Батистовая блузка с длинными рукавами, темно-синяя юбка. Он заметил, что на одном пальце у нее блестит наперсток.

Девушка подумала, что ему нужна хозяйка, которой принадлежит дом, и, не дожидаясь его расспросов, сказала:

— Миссис Хаском ушла в магазин. Она должна вернуться в...

Ломбард прервал ее:

— Мисс Пейтон, я потратил немало времени, чтобы найти вас.

Она сразу же испугалась, попыталась скрыться в доме и закрыть за собой дверь. Он придержал дверь ногой.

— Я думаю, что вы ошиблись адресом.

— Я думаю, что не ошибся.

Один только ее испуг мог служить достаточным доказательством, хотя Ломбард и не понимал, чем он вызван. Девушка все еще трясла головой.

— Хорошо, тогда я скажу вам. Вы когда-то работали у Кеттиши, в ее швейной мастерской.

Девушка побелела, как бумага: видимо, он попал в точку. Ломбард подошел к ней и крепко взял за руку, чтобы ей не вздумалось убежать, оставив открытой дверь; это, как он заметил, она и собиралась проделать.

— Какая-то женщина пришла к вам и уговорила сделать ей точно такую же шляпу, какую вы сделали для актрисы Мендосы.

Мэдж продолжала мотать головой все быстрее и быстрее; казалось, это все, на что она способна. До смерти перепуганная, она пыталась вырваться, отклоняясь назад под невероятным углом. В дверях ее удерживала только его рука, вцепившаяся ей в запястье. Панический страх может быть не менее упрямым, чем мужество, его противоположность.

— Я только хочу узнать имя этой женщины, вот и все.

Она была не в состоянии что-либо понять. Он ни разу не видел, чтобы кто-нибудь был настолько охвачен ужасом. Ее лицо стало серым, щеки заметно дрожали, словно сердце выпрыгнуло у нее из груди и теперь трепыхалось во рту. Не может быть, чтобы такой испуг был вызван кражей модели. Слишком уж несопоставимы были причины и следствие. Слишком мелкая провинность и слишком великий страх. Ломбард смутно догадывался, что он наткнулся на какую-то другую историю, на совершенно другую историю, которая наложила на то, что его интересовало. Вот и все, что он смог понять.

— Только имя этой женщины... — Глядя в ее затуманенные страхом глаза, он понял, что девушка даже не слышит его. — Вам ничего не грозит, вас не будут преследовать. Вы должны знать, как ее звали.

Голос наконец вернулся к ней. Правда, чужой и придушенный.

— Я дам вам его. У меня он записан в комнате. Позвольте мне выйти на минуту...

Он придержал дверь так, чтобы Мэдж не могла закрыть ее, и разжал руку, сжимавшую ее запястье. В ту же секунду он остался один. Девушка исчезла из виду, словно ее сдуло ветром.

Он постоял внизу с минуту, ожидая ее, и тут какое-то необъяснимое чувство, какая-то напряженность, оставшаяся в воздухе после ее ухода, заставила его броситься вперед, пробежать через мрачный центральный холл и рывком распахнуть дверь, которую она только что закрыла за собой.

К счастью, она не заперлась. Он рванул дверь на себя как раз в тот момент, когда огромные портновские ножницы сверкнули в воздухе прямо над ее головой. Он так и не понял, как это ему удалось, но он успел вовремя. Он успел отклонить удар, резко выбросив вперед руку, при этом ножницы порвали ему рукав и, проехавшись по руке, глубоко врезались в тело. Он выхватил у нее ножницы и со звоном швырнул в угол. Они были достаточно длинными, чтобы достать до сердца, если бы она ударила в нужное место.

— Зачем ты хотела это сделать? — спросил он, морщась и пытаясь просунуть платок под рукав.

Она осела, как раздавленный стаканчик мороженого. Она растворилась в потоке слез и бессвязной речи:

— Я с тех пор его не видела. Я не знаю, что делать. Я боялась его, я боялась ему отказать. Он сказал, всего на пару дней, а теперь прошло несколько месяцев, а я боюсь пойти и сказать кому-нибудь, он сказал, что убьет меня...

Он зажал ей рот ладонью и подержал минуту. Это была другая история, которая была не нужна ему. Не его история.

— Заткнись, ты, перепуганная клуша. Мне нужно только имя, имя женщины, для которой ты скопировала шляпу, когда работала у Кеттиши. Дойдет это когда-нибудь до тебя?

Перемена была слишком внезапной, мысль о вновь обретенной безопасности — слишком мучительной, чтобы она могла так сразу полностью поверить в это.

— Вы только так говорите, вы просто пытаетесь обмануть меня...

Где-то рядом послышался приглушенный плач, такой тихий, что его едва было слышно. Но ее, казалось, могло напугать все, что угодно. Он увидел, что ее щеки опять побелели при звуке этого плача, хотя ухо едва могло его различить.

— К какой вере ты принадлежишь? — спросил он.

— Я была католичкой. — По тому, с каким напряжением она это произнесла, Ломбард понял, что в этом заключается какая-то часть трагедии.

— У тебя есть молитвенник? Принеси его. — Он понял, что придется воззвать к ее чувствам, раз уж не удалось воздействовать на разум.

Она принесла молитвенник и протянула ему. Ломбард положил на него обе руки.

— Итак, я клянусь, что хочу узнать у тебя только то, о чем сказал. Ничего больше. Клянусь, что не причиню тебе ни малейшего вреда. Я пришел сюда только по этому делу. Достаточно?

Она немного расслабилась, словно прикосновение к молитвеннику само по себе действовало на нее успокаивающе.

— Пьеретта Дуглас, Риверсайд-Драйв, 6, — сказала она не задумываясь.

Плач мало-помалу становился все громче. Она в последний раз с некоторым сомнением посмотрела на гостя. Потом зашла за занавеску, прикрывавшую небольшую нишу в дальнем углу комнаты. Плач тут же прекратился. Она вышла оттуда, держа на сложенных руках белый продолговатый сверток, концы которого свешивались вниз. Сверху торчало маленькое красное личико, доверчиво глядящее на нее. Она была еще испугана, и сильно, когда смотрела на Ломбарда. Но когда она, слегка наклонив голову, посмотрела на это личико, в ее взгляде светилась неподдельная любовь. Преступная, тайная, но упрямая; любовь одинокого существа, которая день за днем, неделя за неделей становится все крепче, все сильнее.

— Пьеретта Дуглас, Риверсайд-Драйв, 6. — Он отсчитывал деньги. — Сколько она заплатила тебе?

— Пятьдесят долларов, — сказала Мэдж рассеянно, как о чем-то давно забытом.

Он неизбежно опустил деньги в перевернутую форму для шляпы, над которой она работала.

— И в следующий раз, — сказал он от дверей, — постарайся держать себя в руках. Так ты только сразу же выдаешь себя.

Она не слышала его. Она и не слушала. Она улыбалась, глядя вниз, где сияла ответная беззубая улыбка.

Это крошечное существо, которое она держала прямо перед своим лицом, не имело с ней ни малейшего сходства. Но оно принадлежало ей, теперь уже навсегда, она будет беречь, и лелеять его, и разделять с ним свое одиночество.

— Будь счастлива, — не удержавшись, пожелал он ей с крыльца.

Он потратил три часа, чтобы добраться сюда. Он потратил лишь полчаса, чтобы вернуться обратно. Или ему так показалось. Колеса гремели внизу, громко, как все колеса, выстукивая: «Я нашел ее! Я нашел ее! Я нашел ее!»

Рядом с ним остановился проводник:

— Билеты, пожалуйста.

Ломбард посмотрел на него с бессмысленной улыбкой.

— Все в порядке, — сказал он. — Я нашел ее.

«Я нашел ее. Я нашел ее. Я нашел ее».

Глава 19

Пять дней до казни

Автомобиль подъехал к дому почти бесшумно. И лишь потом через стеклянные двери он услышал слабый шорох отъезжающей машины. Он поднял глаза и увидел, что у входа уже кто-то стоит, женская фигура, выглядывающая на фоне стеклянной двери как привидение. Она немного приоткрыла дверь и теперь стояла, наполовину высунувшись на улицу, оборачиваясь и провожая взглядом машину, которая ее привезла.

Он почувствовал, что это именно она, хотя и не мог бы объяснить почему. То, что она появилась одна, как женщина свободная и независимая, еще более укрепило его в правильности своей догадки.

Она была потрясающе красива, настолько красива, что эта красота была лишена всякого очарования, как часто бывает, если что-то дается человеку сверх меры. Ее лицо было подобно профилю камеи или голове статуи, которые не могут выражать никаких эмоций — одни художественные совершенства. Глядя на нее, окружающие испытывали чувство, что такая безупречная внешняя красота должна сопровождаться отсутствием душевных добродетелей и огромным количеством изъянов, ибо природа любит равновесие.

Она была брюнеткой, высокого роста, с безукоризненной фигурой. Это почти наверняка расчищало перед ней все пути, избавляло от всякого рода проблем и сложностей, досаждающих другим женщинам. У нее было такое выражение лица, словно жизнь не представляла для нее никакого интереса — так, лопнувший пузырек мыльной пены, оставляющий на губах неприятный привкус.

Ее одежда, казалось, состояла из потоков серебра, струящихся вниз между створками двери, где она стояла. Наконец автомобиль уехал, она повернулась и вошла в здание.

Она даже не взглянула на Ломбарда, бросила короткое, равнодушное «добрый вечер» швейцару.

— Этот джентльмен... — начал тот.

Ломбард подошел к ней прежде, чем он договорил.

— Пьеретта Дуглас, — сказал он утвердительно.

— Да, это я.

— Я жду вас, чтобы поговорить. Я должен побеседовать с вами немедленно, это срочно...

Она остановилась перед кабиной лифта, казалось не имея ни малейшего намерения приглашать его дальше.

— Сейчас уже поздно, вы не находите?

— Не для меня. Мое дело не терпит отлагательств. Меня зовут Джон Ломбард, я пришел сюда от имени Скотта Хендерсона...

— Я не знаю его: боюсь, что и вас тоже, — или я ошибаюсь? — Последнее было лишь данью вежливости с ее стороны.

— Он находится в камере смертников, в тюрьме штата, в ожидании казни. — Он взглянул через ее плечо на служащего, жадно ждущего продолжения. — Не вынуждайте меня обсуждать это здесь. Элементарная осторожность...

— Прошу прощения, но я живу здесь, сейчас четверть второго ночи, и существуют определенные правила приличия... Хорошо, пойдемте туда.

Она пересекла по диагонали вестибюль и направилась к месту, где стоял небольшой диван и пара высоких пепельниц. Там, не присаживаясь, она повернулась к нему. Он тоже остался стоять.

— Вы купили шляпу у одной из служащих ателье Кеттиши, у некоей девицы по имени Мэдж Пейтон. Вы заплатили ей пятьдесят долларов.

— Может быть. — Она заметила портье, который с все возрастающим интересом пытался подслушать разговор, насколько это было возможно на расстоянии. — Джордж, — бросила она с упреком.

Тот неохотно удалился в вестибюль.

— В этой шляпе однажды вечером вы отправились в театр с одним мужчиной.

Она опять осторожно согласилась:

— Может быть. Я иногда хожу в театры. И при этом меня сопровождают джентльмены. Не могли бы вы перейти ближе к делу?

— Я и перехожу. Это был человек, с которым вы впервые встретились в тот самый вечер. Вы пошли с ним в театр, но при этом не знали его имени, а он — вашего.

— О нет. — Она не возмущалась, но говорила с холодной убежденностью. — Вот теперь вы наверняка ошибаетесь. Я веду себя достаточно свободно, я не ханжа, как вы можете убедиться. Но в мои привычки не входит отпрапляться неизвестно с кем неизвестно куда, по первому же приглашению, не соблюдая такой формальности, как знакомство. Вы напрасно пришли ко мне, вам нужен кто-то другой. — Она выставила ногу из-под края серебристой юбки, собираясь уйти.

— Прошу вас, не будем отвлекаться на правила хорошего тона. Этому человеку вынесен смертный приговор, его казнят на этой неделе! Вы должны хоть чем-то ему помочь...

— Давайте проясним все до конца. Ему поможет, если я дам ложное свидетельство о том, что была с ним в тот вечер?

— Нет, нет, нет, — в отчаянии выдохнул он. — Только если вы дадите правдивое показание, что были с ним, как это имело место на самом деле.

— Тогда я не могу ничем вам помочь, я не была с ним.

Женщина продолжала не отрываясь смотреть на него.

— Давайте вернемся к шляпе, — сказал он наконец. — Вы на самом деле купили шляпу, модель, которая была специально изготовлена для кого-то другого...

— Но мы опять говорим о разных вещах, не так ли? Я признаю, что купила шляпу, но это не значит, что я признаю, что была в театре с вашим другом. Эти два факта абсолютно не связаны между собой.

Это, вынужден был признать Ломбард, вполне возможно. Он почувствовал, как зловещая бездна разверзается у него под ногами, там, где до сих пор он ощущал твердую почву.

— Расскажите мне поподробнее об этом походе в театр, — продолжала она. — Что навело вас на мысль о том, что именно я была с ним в театре?

— Главным образом шляпа, — признался он. — В этот вечер актриса Мендоса была на сцене в шляпе, которая как две капли воды походила на вашу. То был оригинал, изготовленный специально для нее. Вы признаете, что приобрели копию. Женщина, с которой был Скотт Хендерсон, была в той самой шляпе-копии.

— И все же из этого не следует, что это была я. Ваша логика не столь безупречна, как вы, по видимому, думаете.

Но это было сказано скорее про себя, он видел, что ее мысли чем-то заняты.

С ней что-то вдруг произошло. Что-то удивительным образом благоприятно подействовало на нее. То ли он что-то такое сказал, то ли ей что-то пришло в голову. Она вдруг насторожилась, заинтересовалась, какая-то идея овладела ею. В глазах засветилось внимание.

— Проясните-ка мне еще один или два момента. Это было выступление Мендосы, верно? Вы можете назвать примерную дату?

— Я могу сказать точно. Они были в театре вместе вечером двадцатого мая, с девяти вечера до начала двенадцатого.

— Май, — повторила она. — Вам удалось каким-то образом заинтересовать меня, — заявила дама.

Она подошла и слегка тронула его за рукав.

— Вы были правы. В конце концов, вам лучше зайти на минуту ко мне.

Пока они поднимались в лифте, Пьеретта сказала только одну фразу:

— Я рада, что вы пришли с этим ко мне.

Они вышли где-то на двенадцатом этаже, Ломбард не мог бы сказать точно. Женщина открыла ключом дверь, зажгла свет, и он вошел следом. Сняв накидку из меха рыжей лисы, дама небрежно бросила ее на спинку кресла, потом, покинув гостя, пошла в другую комнату, на полированном полу отражалась ее перевернутая фигура, — казалось, там было разбрызгано расплавленное серебро.

— Значит, двадцатое мая? — кинула она через плечо. — Я сейчас вернусь. Присядьте.

Он увидел свет через открытую дверь. Дама некоторое время оставалась там, а он сидел и ждал. Она вернулась, держа в руках и просматривая на ходу какие-то бумаги, похожие на счета. По дороге она, очевидно, уже нашла то, что искала: отбросив все ненужное в сторону, оставила один листок и подошла к Ломбарду.

— Думаю, прежде чем двигаться дальше, — сказала она, — нам надо установить один факт. В тот вечер в театре с вашим другом была не я. Вот, взгляните, прошу вас.

Это был счет за госпитализацию на четырехнедельный срок, начиная с тридцатого апреля.

— Я лежала в больнице с тридцатого апреля по двадцать седьмое мая, мне делали операцию аппендицита. Если этого недостаточно, вы можете справиться у врачей и сестер в больнице...

— Этого достаточно, — сказал он, со вздохом признавая свое поражение.

Вместо того чтобы закончить разговор, женщина села рядом с ним.

— Но это вы купили шляпу? — спросил он наконец.

— Это я купила шляпу.

— И что с ней стало?

Она ответила не сразу. Казалось, она о чем-то глубоко задумалась. В комнате установилось какое-то странное молчание. Пользуясь этим молчанием, Ломбард изучал ее и окружающую обстановку. А она, тоже пользуясь этим молчанием, размышляла о каких-то своих делах.

Комната рассказала ему кое о чем. Пьеретте стоило немалого труда создавать впечатление, что она живет в роскоши. Никаких компромиссов. Внешне — хороший, один из самых престижных домов. А в квартире не хватает ковров, чтобы прикрыть натертый паркет. На полках, где стоят предметы старины, много пустых мест. Видимо, она постепенно продавала ценные вещи, одну за другой. Но не позволила себе заменить их подделками. И в ее внешности, когда он взгляделся попристальнее, кое-что говорило само за себя. Модельные туфли за сорок долларов — но их носили слишком долго. Это было заметно и по каблукам, и по лоснящемуся блеску. Модельное платье, о котором женщины из бедных слоев не могут и мечтать, — но и оно слишком поношено. Но красноречивее всего оказался ее взгляд. В нем была болезненная настороженность женщины, вынужденной полагаться только на себя, которая никогда не знает, когда может подвернуться следующий случай, и отчаянно боится, что не сумеет или не успеет им воспользоваться. Множество мелких признаков говорили за это, нужно было только уметь разглядеть их. Каждый по отдельности мог ничего и не значить, но все вместе они давали безошибочную картину.

Ломбард почти слышал ее мысли. Именно слышал. Он заметил, как она взглянула на свою руку, и перевел: она думает о кольце с бриллиантом, которое когда-то украшало палец. Где оно теперь? Заложено. Он увидел, как она слегка приподняла одну ногу и посмотрела вниз. О чем она подумала именно в этот момент? Вероятно, о шелковых чулках. Несбыточная мечта о груде шелковых чулок — десятки пар, сотни пар шелковых чулок, море чулок, чтобы на всю жизнь хватило и еще осталось. Он перевел: она думает о деньгах. О деньгах, чтобы хватило на все это и на многое другое.

«Она решилась», — подумал Ломбард, внимательно взглядевшись в ее лицо.

— С шляпой получилось все очень просто, — наконец заговорила она. — Я увидела ее, она мне приглянулась, и я упростила девицу, которая там работала, сделать для меня копию. Я часто действую по первому побуждению, если могу себе это позволить. Я надела ее один раз, думаю, не больше, — серебряная молния сверкнула, когда Пьеретта небрежно пожалла плечами, — и оказалось, что она мне не идет. Просто не идет, вот и все. Что-то в ней было не так. Не мой тип. Трагедия невелика, я не переживала по этому поводу. А потом, незадолго до того, как я попала в больницу, ко мне зашла одна моя подруга. Она случайно наткнулась на шляпу и примерила ее. Если бы вы были женщиной, вы бы знали, как это обычно бывает. Пока женщина ждет, когда ее подруга закончит одеваться, она примеряет ее недавние покупки. Она влюбилась в эту шляпу с первого взгляда, и я ей сделала подарок.

Закончив свой рассказ, она вновь пожалла плечами. Словно говоря: «Вот и все, больше тут не о чем толковать».

— Кто она? — тихо спросил Ломбард. Даже произнося эти простые, обычные слова, он понимал, что они вступают в борьбу, что Пьеретта не ответит ему просто так, что с ней предстоит заключить сделку.

Она ответила так же просто, так же небрежно:

— Вы думаете, это будет честно с моей стороны?

— Речь идет о человеческой жизни. Он умрет в пятницу, — напомнил Ломбард тихим, ровным голосом, почти прошептал одними губами.

— Это случилось из-за нее, это как-то касается ее? Она в чем-то виновата? Скажите мне.

— Нет, — вздохнул он.

— Тогда какое вы имеете право впутывать ее? Женщины тоже боятся умереть. Умереть для общества. Называйте это дурной славой, потерей репутации, как хотите. Это не так-то легко пережить. И я не уверена, что это не хуже, чем телесная смерть.

Его лицо становилось все более бледным от внутреннего напряжения.

— Я обращаюсь к вашей совести, если она у вас есть. Вас не волнует, что этот человек умрет? Вы понимаете, что, скрывая эту информацию...

— В конце концов, я знаю женщину, но я не знаю мужчину. Она — моя подруга, а он — даже мне незнаком. И вы хотите, чтобы я предала ее, чтобы спасти его.

— Где же тут предательство?

Она не ответила.

— Значит, вы не хотите сказать? — Он задыхался от сознания собственного бессилия.

— Я не отказывалась наотрез, но и не согласилась. Пока.

— Вы не можете так поступать. Это частное дело, и дальше меня это не пойдет. Вы это знаете и вы скажете мне!

Они оба вскочили на ноги.

— Вы думаете, что если я мужчина и не могу ударить вас, то уж никак и не смогу вытянуть нужные сведения? Не беспокойтесь, вытяну. Вы не будете тут стоять и...

Она многозначительно посмотрела на свое плечо.

— Уберите руку, — сказала она с холодным негодованием.

Он разжал пальцы, сжимавшие это плечо. Дама поправила серебристый треугольник ткани, прикрывавший его. Она смотрела ему прямо в глаза с уничтожающим презрением. Жалкий самец, с которым легко справиться.

— Может быть, мне позвонить и попросить, чтобы вас вывели отсюда?

— Попробуйте, если хотите увидеть хороший скандал.

— Вы не можете заставить меня сказать. Выбор остается за мной.

В общем она была права, Ломбард знал это.

— Меня это дело никак не касается. Что вы думаете?

— А вот что.

Ее лицо на минуту изменилось при виде пистолета, но это было лишь мимолетное удивление, которое испытал бы любой. Лицо тут же приняло свое обычное выражение. Она даже не спеша вернулась на диван, причем не опустилась на него обессиленно, а села, всем своим видом демонстрируя терпение, словно была уверена, что это дело займет некоторое время, и не собиралась обсуждать его стоя.

Он никогда не встречал подобных женщин. Мгновенно овладев собой, она опять обрела контроль над ситуацией, несмотря на его оружие.

Он подошел, держа пистолет, пытаясь воздействовать на ее разум, раз не удалось все остальное.

— Разве вы не боитесь умереть?

Она подняла на него взгляд.

— Очень боюсь, — сказала она с поразительным самообладанием. — Не меньше, чем кто-либо другой, конечно. Но непосредственно сейчас мне ничего не угрожает. Вы не можете позволить себе убить меня. Людей убивают для того, чтобы помешать им сказать то, что они знают. Их никогда не убивают, чтобы заставить сказать то, что они знают. Потому что как же они тогда это скажут? Ваш пистолет оставляет решение за мной, а не за вами. Я могла бы многое сделать. Я могла бы вызвать полицию. Но я не буду. Я посижу и подожду, пока вы его уберете.

Она одержала верх.

Ломбард отложил пистолет в сторону, потер рукой лоб.

— Хорошо, — проговорил он глухо.

Она слегка усмехнулась:

— Ну и на кого из нас этот пистолет больше подействовал? Мое лицо осталось сухим, а ваше блестит от пота. Мой цвет лица не изменился, а вы побледнели.

Он не нашелся что ответить и лишь повторил:

— Хорошо, вы выиграли.

Она продолжала втолковывать ему. Даже не втолковывать, это было бы слишком прямолинейно, слишком грубо, она говорила более утонченно, намеками.

— Вот видите, вы не можете запугать меня. — Она сделала паузу, чтобы он смог услышать то, что не было сказано. — Вы можете меня заинтересовать.

Он кивнул. Не ей, а в подтверждение своим собственным мыслям. Он спросил:

— Можно присесть на минуту? — и направился к маленькому столику.

Он что-то вытащил из кармана и с треском раскрыл. Аккуратно, по пробитым дырочкам вырвал листок. Затем закрыл книжку и убрал обратно в карман. Продолговатый бланк остался перед ним. Он снял колпак с перьевой ручки и начал что-то писать на бланке.

На секунду оторвавшись, он взглянул на нее:

— Я вам не надоел?

Она улыбнулась в ответ искренней, широкой улыбкой, как улыбаются друг другу заговорщики:

— Вы очень хороший собеседник. Тихий, но с вами не соскучишься.

На этот раз наступила его очередь улыбаться.

— Как пишется ваше имя?

— П-р-е-д-ъ-я-в-и-т-е-л-ь.

Он взглянул на нее, затем вновь нагнулся над столом.

— Не слишком звучное имя, а? — пробормотал он неодобрительно.

Он написал цифру «100». Она подошла поближе и искоса посмотрела на листок.

— Мне что-то хочется спать, — заметила она, притворно зевая и похлопывая ладонью по рту.

— Почему бы вам не открыть окно? Здесь, по-моему, немного душно.

— А по-моему, нет. — Тем не менее она подошла к окну и распахнула его. Затем вновь вернулась к нему.

Он успел добавить еще одну цифру.

— Как вы себя чувствуете теперь, лучше? — поинтересовался он с ироничной невозмутимостью.

Она бросила быстрый взгляд вниз:

— Значительно лучше. Можно сказать, я просто ожила.

— Как немного для этого нужно, не правда ли? — едко заметил он.

— Удивительно немного. Чуть больше, чем просто ничего. — Она была в восторге от собственного остроумия.

Он прекратил писать и положил перо на стол, не выпуская его.

— Все это ужасно глупо.

— Не я пришла к вам с просьбой, а вы ко мне. — Она кивнула. — Спокойной ночи.

Перо вновь ожило в его руке.

Когда в ответ на его звонок подъехал лифт и распахнулась дверь кабины, он стоял в дверях квартиры и, обернувшись, что-то говорил хозяйке на прощанье. В одной руке между вытянутыми пальцами он держал листок бумаги, очевидно вырванный из записной книжки, сложенный пополам.

— Надеюсь, я был не слишком груб, — говорил он. Грустная улыбка на секунду тронула его губы. — По крайней мере, я знаю, что не наскучил вам. И прошу извинить меня за столь поздний визит. В конце концов, дело было исключительно важным.

Затем она, видимо, что-то сказала, на что он ответил:

— Вам не стоит беспокоиться по этому поводу. Я не стал бы утруждать себя и выписывать чек, если бы собирался потом приостановить платежи. Это была бы слишком глупая шутка, с какой стороны ни посмотри...

— Вниз, сэр? — спросил лифтер, чтобы привлечь его внимание.

Он обернулся:

— Лифт уже здесь. — Затем вновь обратился к ней: — Ну что же, спокойной ночи.

Он вежливо прикоснулся кончиками пальцев к шляпе и вышел, оставив за собой слегка приоткрытую дверь. Дама медленно закрыла ее, не выходя в коридор.

В лифте он поднес к глазам листок бумаги и взглянул на него.

— Эй, подождите минутку, — воскликнул он, сделав лифтеру знак рукой. — Она же написала мне только имя...

Служащий остановил лифт, готовый направить его вверх.

— Вы хотите подняться обратно, сэр?

В какой-то момент он, казалось, хотел согласиться. Но потом взглянул на часы:

— Нет, ничего. Думаю, все будет в порядке. Давайте вниз.

Кабина вновь набрала скорость и спустилась вниз.

Внизу он задержался в вестибюле, показал портье листок и спросил его:

— Как вы думаете, в какую сторону это отсюда, к центру или наоборот?

На листке было имя и номер. «Флора», номер и «Амстердам».

— Наконец-то все, — спустя минуту или две, задыхаясь, говорил он Берджессу по телефону из круглосуточной аптеки на Бродвее. — Я думал, что нашел ее, но оказалось, что есть еще одно звено, на этот раз последнее. Нет времени рассказывать подробно. Вот где это находится. Я уже иду туда. Когда вы сможете там быть?

На полной скорости мимо пронеслась патрульная машина; Берджесс, прибывший в ней, издали узнал машину Ломбарда, которая одиноко стояла перед одним из зданий и на первый взгляд казалась пустой. С риском для жизни полицейский на полном ходу выпрыгнул из машины и бросился назад. И, лишь оказавшись на тротуаре и оттуда приближаясь к автомобилю, он разглядел Ломбарда, который сидел на подножке, так что корпус машины заслонял его от проезжей части.

Сначала Берджесс подумал было, что ему плохо, судя по тому, как он, скорчившись, сидел на ступеньке автомобиля. Он согнулся почти пополам, голова свесилась вниз и едва не касалась асфальта. Это была поза человека, страдающего от непереносимых болей в желудке, почти умирающего.

В нескольких шагах стоял мужчина в нижней рубашке и подтяжках и с сочувствием смотрел на него. В руке он сжимал трубку, а у его ног сидела собака. При звуке торопливых шагов Берджесса Ломбард медленно поднял голову и затем вновь отвернулся, — так, словно ему требовалось сделать слишком большое усилие, чтобы просто заговорить.

— Что случилось? Вы уже были там? Это здесь?

— Нет, один дом назад. — Он показал на огромный, похожий на пещеру, подъезд, протянувшийся почти во всю ширину здания. Внутри с одной стороны можно было различить блестящий медный столб, упирающийся в пустую бетонную площадку. Через весь фасад тянулась вывеска, составленная из позолоченных, до блеска отполированных букв: «Пожарная часть. Нью-Йорк». — Это нужный нам номер, — сказал Ломбард, размахивая клочком бумаги, который он все еще держал в руке.

Собака, пятнистый далматский дог, при этих словах подбежала к ним и с интересом ткнулась носом в бумагу.

— А это — Флора, так мне здесь сказали.

Берджесс открыл дверцу машины, подтолкнув Ломбарда, которому пришлось встать на ноги, чтобы не упасть.

— Поехали обратно, — коротко сказал он. — И быстро.

Он плотно прижался к двери, стараясь не дышать. Берджесс поднялся следом, держа в руках запасной ключ, и тоже подошел к двери.

— Не слышно ни звука. Она ответила через переговорное устройство?

— Снизу все еще звонят.

— Должно быть, ускользнула.

— Не может быть, внизу бы увидели, как она уходит, если только она не выбралась каким-нибудь кружным путем. Ладно, давайте ключ, иначе мы так и не попадем туда.

Дверь открылась; они, спотыкаясь, вошли в квартиру и сразу остановились, осматриваясь вокруг. Длинная гостиная, которая казалась продолжением передней, разве что потолок был немного повыше, оказалась пустой, но эта пустота о многом говорила. Они оба это сразу почувствовали.

Повсюду горел свет. Недокуренная сигарета лежала на краю высокой полой пепельницы. Она еще не погасла и дымилась, в воздухе лениво поднимались серебристо-голубые кольца. Высокое, от пола до потолка, окно было распахнуто в ночь, открывая черное небо, в одном углу окна сияла большая звезда, в другом углу — звезда поменьше, казалось, будто кто-то завесил окно черным одеялом, прикрепив его парой блестящих кнопок.

Прямо перед окном лежала на боку серебряная тувелька, похожая на маленькую опрокинутую лодку. Длинная узкая ковровая дорожка, делившая на две половины покрытый лаком пол, протянувшаяся от порога до самого окна, с одного конца была сбита, сморщена и лежала неровными складками, портившими весь вид. Как будто кто-то, оступившись, споткнулся и смял ее по всей длине.

Берджесс, обойдя комнату вдоль стены, подошел к окну. Он перегнулся через низкие, слишком низкие декоративные перила с внешней стороны окна и долгое время стоял неподвижно, разглядывая что-то внизу.

Затем он выпрямился, вернулся обратно в комнату и коротко кивнул Ломбарду, который оставался на прежнем месте, словно утратив способность двигаться.

— Она, несомненно, там, внизу. Я разглядел отсюда, она лежит в боковой аллее, между двумя высокими стенами. Как мешок тряпья. Видимо, никто не заметил ее, все окна на этой стороне темные.

Детектив не предпринял никаких действий, что само по себе было странно, даже никому не сообщил.

В комнате двигался только он — Ломбард сидел неподвижно — и еще поднималась тонкая струйка дыма от сигареты. Может быть, поэтому она и привлекла его внимание. Берджесс подошел поближе, взял сигарету в руки. На ней еще сохранился фильтр, примерно в дюйм длиной. Он пробормотал себе под нос что-то вроде:

— Должно быть, это случилось, когда мы уже приехали сюда.

Затем он сделал следующее: достал сигарету из своей пачки и, держа обе в одной руке, сложил вместе, вплотную друг к другу, так что их кончики оказались на одном уровне. Потом он взял карандаш и отметил длину окурка на целой сигарете.

После этого он сунул свою сигарету в рот, зажег ее и сделал одну короткую затяжку, чтобы раскурить. Затем он осторожно положил сигарету в ту самую выемку, где лежал окурочек, оставил ее там и посмотрел на часы.

— Зачем вы это делаете? — спросил Ломбард бесцветным голосом человека, которого уже ничто на свете не интересует.

— Просто доморощенный способ определить, как давно это случилось. Я не знаю, насколько на него можно положиться, с одинаковой ли скоростью сгорают две любые сигареты. Надо спросить у наших парней.

Он подошел, внимательно посмотрел на сигарету и опять отошел. Во второй раз он подошел, взял ее в руки и посмотрел на свет, как на термометр, взглянул на часы, затушил ее и выбросил — больше она ему была не нужна.

— Женщина упала из окна ровно за три минуты до того, как мы вошли сюда. Это учитывая, что я целую минуту стоял у окна и смотрел вниз, прежде чем войти в комнату и проделать этот эксперимент. И я исхожу из предположения, что она сама сделала всего одну затяжку. Если она успела выкурить больше, то интервал еще сокращается.

— Может, сигареты «Кинг-сайз», — заметил Ломбард из своего угла.

— Нет, «Лаки», на оставшемся конце вполне можно разобрать марку. Думаете, я стал бы терять время, если бы не знал этого заранее?

Ломбард не ответил, опять погружившись в свои мысли.

— Это заставляет меня думать, что именно наш звонок снизу, через переговорное устройство, убил ее, — продолжал Берджесс. — Она испугалась и, по-видимому, оступилась около окна, что и стоило ей жизни. История лежит на поверхности, не надо и объяснять. Она подошла к окну и

стояла там, глядя на улицу и дыша ночным воздухом, возможно, она была в приподнятом настроении, строила планы, и вдруг раздается звонок снизу. И она сделала что-то не то. Может быть, слишком быстро обернулась или резко наклонилась не в ту сторону. А может быть, виноваты туфли. Вот эта туфелька выглядит несколько кривоватой, неустойчивой от долгой носки. Так или иначе, коврик поехал по натертому полу. А так как она стояла на коврикe одной или обеими ногами, то тоже заскользила вместе с ним. Туфля слетела с ноги, женщина потеряла равновесие и качнулась назад. Если бы она не стояла так близко от открытого окна, ничего бы не случилось. Чуть дальше — и она просто самым забавным образом хлопнулась бы на пол, а здесь кончилось тем, что она перекувырнулась назад и, выпав из окна, разбилась насмерть.

Затем сыщик сказал:

— Но чего я не могу понять — так это фокуса с адресом. Что это было — шутка? Как она вела себя, вы ведь говорили с ней?

— Да нет, она не шутила, — ответил Ломбард. — Она очень серьезно относилась к деньгам, это было видно.

— Я бы понял, если бы она дала вам неправильный адрес, но такой, чтобы поездка туда заняла много времени. Тогда она успела бы получить деньги по чеку. Но этот дом всего за несколько кварталов отсюда — она должна была понимать, что вы вернетесь не через пять, так через десять минут. Какой в этом смысл?

— Разве только она надеялась получить больше от той леди, которую мы разыскиваем. Больше, чем я предложил. За то, что она предупредит подругу по секрету. Поэтому она просто хотела удалить меня на некоторое время, чтобы успеть с ней связаться.

Берджесс покачал головой — объяснение показалось ему неудовлетворительным, и он опять повторил то, что сказал в самом начале:

— Ничего не понимаю.

Ломбард не дожидаясь ответа. Он отвернулся и равнодушно направился куда-то в сторону запинаящейся, как у пьяного, походкой. Его собеседник с любопытством следил за ним. Казалось, он полностью потерял интерес ко всему происходящему, совсем упал духом. Он подошел к стене и на минуту прислонился, обмякнув, словно человек, которого посетило слишком много разочарований, который наконец признал свое поражение и готов сдаться.

Затем, прежде чем Берджесс понял его намерение, он отвел руку назад, размахнулся и из всех сил стукнул неподатливую поверхность, словно перед ним был враг.

— Эй, что за глупости! — остолбенев от неожиданности, закричал Берджесс. — Вы что, хотите сломать руку? Что вам сделали стены?

Ломбард скорчился и затряс рукой, как будто пытаясь закрыть бутылку завинчивающейся пробкой, лицо его исказилось, но больше от бессильного гнева, чем от боли. Прижимая к груди ноющую руку, он ответил глухим голосом:

— Они знают! Только они в этой комнате и знают — и я не могу заставить их говорить!

Глава 20

Три дня до казни

Виски, которое он выпил в последнюю минуту, сойдя с поезда около тюрьмы, ничуть не помогло. Да и как оно могло помочь? Чем ему могли бы помочь даже десять стаканов виски? Факты нельзя изменить. Плохие новости нельзя превратить в хорошие. Обреченность нельзя заменить надеждой.

Ломбард, с трудом переставляя ноги, тащился по дороге, ведущей к группе мрачных построек, видневшейся впереди. Одна мысль не оставляла его: «Как сказать человеку, что он должен умереть? Как сказать ему, что надежды больше нет, что погас ее последний луч?» Он не знал, и теперь ему предстояло узнать это на собственном опыте. Он даже засомневался, а не будет ли гуманнее совсем не приходиться к нему, избежать бесполезной последней встречи.

Ломбард знал, что это будет ужасно. Его уже заранее бросало в дрожь. Но он должен идти, он не мог позволить себе струсить. Он не мог оставить Хендерсона в мучительной неизвестности еще на три кошмарных дня, не мог допустить, чтобы в пятницу вечером его друга вывели из камеры, а он бы всю дорогу буквально оглядывался через плечо, до последней минуты ожидая отмены приговора, которого уже никто никогда не отменит.

Нетвердой походкой он поднялся вслед за охранником на второй ярус, медленно провел тыльной стороной ладони по губам.

«Ну и напьюсь же я сегодня вечером, когда уйду отсюда! — горько пообещал он себе самому. — Напьюсь, и пусть меня привезут с алкогольным отравлением в какую-нибудь больницу и продержат там до тех пор, пока все не будет кончено!»

В коридоре охранник остановился. Он вошел в камеру, и ему показалось, будто он слышит музыку. Похоронную музыку.

Это уже была казнь. Бескровная, белая казнь за три дня до исполнения приговора. Гибель всех надежд.

Гулкие шаги охранника замерли вдали. Теперь тишина казалась ужасной. Ни тот, ни другой не смогли долго выносить ее.

— Значит, вот так, — тихо сказал Хендерсон. Он все понял.

Ступор, подобный трупному окоченению, был, по крайней мере, нарушен. Ломбард отвернулся от окна, подошел и положил ему руку на плечо.

— Послушай, дружище, — начал он.

— Ничего, — сказал Хендерсон. — Я понимаю. Я вижу по твоему лицу. Не будем говорить об этом.

— Я опять потерял ее. Она ускользнула, и на этот раз навсегда.

— Я же сказал: не будем об этом, — терпеливо повторил Хендерсон. — Я вижу, чего тебе это стоило. Ради Бога, оставим это. — Казалось, это он пытался подбодрить Ломбарда, а не наоборот.

Ломбард плюхнулся на край койки. Хендерсон, как «хозяин», предоставил койку в его распоряжение, а сам поднялся и, ссутулившись, прислонился к стене напротив.

В течение какого-то времени единственным звуком, раздававшимся в камере, был шорох целлофана — это Хендерсон беспрестанно складывал гармошкой пустую пачку из-под сигарет. Сложив ее в одну полоску, он начинал аккуратно, складка за складкой, расправлять в обратную сторону. Потом опять и опять, очевидно, просто чтобы занять руки.

Это невозможно было вынести. Наконец Ломбард взмолился:

— Перестань, а? Просто с ума можно сойти.

Хендерсон с удивлением посмотрел на свои руки, словно он и не догадывался, чем они заняты.

— Старая привычка, — смущенно признался он. — Мне так и не удалось от нее избавиться, даже в лучшие времена. Ты, наверное, помнишь. Всякий раз, когда я ехал в поезде, я погибал так страницы расписания. Всякий раз, когда мне приходилось сидеть и ждать в приемной у терапевта

или у дантиста, я загибал точно так же страницы журнала. Всякий раз, когда я бывал в театре, — страницы программки... — Он вдруг замолчал, рассеянно глядя в стену, поверх головы Ломбарда. — Припоминаю, что в тот вечер, когда я был в театре с ней, я тоже складывал программку. Забавно, что такая мелочь вдруг вспоминается сейчас, спустя столько времени, когда более важные вещи, которые могли бы по ассоциации помочь мне вспомнить... Что случилось, почему ты так на меня смотришь? Я больше не буду. — В подтверждение своих слов он отбросил в сторону истерзанную пачку.

— И ты ее, конечно, выбросил? В тот вечер, когда ты был с ней. Ты оставил ее на кресле или бросил на пол, как обычно делают?

— Нет, она взяла обе программки, я помню это. Забавно, но я помню. Она спросила, можно ли ей взять их. Объяснила, будто хочет сохранить их на память о своей импульсивности. Слов я точно не помню, но она взяла программки, я ясно вижу, как она убирает их в свою сумочку.

Ломбард вскочил:

— Что-то тут такое брезжит — знать бы только, как это использовать.

— Что ты имеешь в виду?

— Это единственная твоя вещь, про которую мы знаем наверняка, что она находится у нее.

— Но мы не знаем наверняка, что эта вещь до сих пор находится у нее, согласен? — поправил его Хендерсон.

— Если она сохранила программки с самого начала, то, вероятно, хранит до сих пор. Люди либо хранят такие вещи, либо нет. Либо их выбрасывают сразу же, либо сохраняют годами. Если бы мы только каким-нибудь образом могли использовать это как приманку. Ведь это — единственное, что как-то привязывает ее к тебе, — у этой программки на каждой странице, от первой до последней, без единого пропуска, аккуратно загнут назад верхний правый уголок. Если бы мы только могли заставить ее прийти к нам с этой штукой — так, чтобы она ни о чем не догадалась, — она бы автоматически выдала себя.

— Ты хочешь дать объявление?

— Что-то в этом роде. Люди коллекционируют что угодно: марки, морские ракушки, старую мебель, изъеденную червями. Часто они готовы заплатить любую цену за вещи, которые им кажутся подлинными сокровищами, а остальным — просто барахлом. Они теряют всякое чувство меры, как только им попадается вожаделенный предмет.

— Ну?

— Предположим, я собираю театральные программки. Сумасшедший, эксцентричный миллионер, который бросается деньгами направо и налево. И у меня это уже не просто хобби, а мания. Мне нужны полные комплекты программ каждого представления, в каждом театре города, за все прошлые годы, за каждый сезон. Я неожиданно появляюсь ниоткуда, открываю небольшую контору, даю объявление. Расходятся слухи. Я ненормальный, я раздаю деньги ни за что. Каждый может урвать кусок, пока это продолжается. Газеты, вероятно, раздуют историю, напечатают карикатуры. Такие дурацкие объявления появляются то и дело там и сям.

— Твоя идея с самого начала слегка хромает. Какую бы феноменальную цену ты ни предложил, почему это обязательно заинтересует ее? А если она и так богата?

— А если уже нет?

— И все же не понимаю, как она может не заметить ловушки?

— Для нас эта программка, что называется, «горячо». Для нее — нет. С чего бы ей что-нибудь заподозрить? Она может и вовсе не заметить этих маленьких характерно загнутых верхних уголков, если и заметит, ей и в голову не придет, о чем они нам могут рассказать. Ты и сам вспомнил об этом лишь несколько минут назад. Она не вспомнит. Она не телепат — откуда ей знать, что мы с тобой сейчас сидим в этой камере и обсуждаем нашу затею?

— Все это слишком шатко.

— Конечно, это шатко, — согласился Ломбард. — Шансов один на тысячу. Но мы должны попробовать. Нищие не выбирают. Я попытаюсь, Хенди. У меня какое-то странное предчувствие, что здесь мы наконец добьемся своего.

Он повернулся и постучал по решетке, чтобы его выпустили.

— Ну, пока... — нерешительно сказал Хендерсон.

— До завтра, — откликнулся Ломбард.

Когда его шаги затихли вслед за шагами охранника, Хендерсон подумал: «Он не верит в это. Да и я тоже».

Объявление в рамочке во всех утренних и вечерних газетах:

Превратите ваши старые театральные программки в деньги

Обеспеченный коллекционер, ненадолго приехавший в город, заплатит более чем значительные суммы за экземпляры, которых не хватает в его коллекции. Увлечение всей жизни. Приносите программки, не важно, старые или новые! Особенный интерес представляют: шоу в мюзик-холле и музыкальное ревю, последние несколько сезонов, в течение которых я был за границей. «Альгамбра», «Бельведер», «Казино», «Колизей». Посредников прошу не беспокоиться. Обращаться по адресу: Дж. Л., Франклин-сквер, 15. Офис работает только до вечера пятницы. Потом я покидаю город».

Глава 21

День казни

В половине десятого, почти что в первый раз за все время, людской поток ослабел, один или два запоздалых посетителя были выпровожены, и в помещении конторы не осталось никого, кроме Ломбарда и его юного помощника, которые смогли наконец перевести дух.

Ломбард безвольно опустился на стул, выпятил нижнюю губу и в изнеможении вздохнул, отчего волосы, в беспорядке свисавшие на лоб, слегка зашевелились. Он сидел в куртке, лишь расстегнув воротник рубашки. Он вытащил из заднего кармана носовой платок и отер все лицо. Платок стал серым. Эти люди не давали себе труда стряхнуть пыль с программ, прежде чем вывалить этот хлам перед ним. Похоже, они думали, что чем толще слой пыли, тем более высокую цену назначат. Ломбард вытер платком руки и выбросил его.

Он обернулся и сказал помощнику, которого скрывала груда беспорядочно наваленных программ:

— Можешь идти, Джерри. День почти прошел. Через полчаса я закрываю. Наплыв, похоже, закончился.

Тощий парень лет девятнадцати выпрямился в своего рода ущелье между двумя горными хребтами приобретенной ими макулатуры, выбрался оттуда и надел пальто. Ломбард достал несколько банкнотов:

— Вот твои пятнадцать долларов за три дня, Джерри.

Мальчишка выглядел разочарованным.

— Завтра я уже вам не нужен, мистер?

— Нет, завтра меня здесь уже не будет, — мрачно сказал Ломбард. — Но я все же скажу тебе, что нужно сделать. Ты можешь продать все это старье на макулатуру, какой-нибудь старьевщик даст тебе за всю кучу пару монет.

Парень вытаращил глаза:

— Эй, мистер, вы хотите сказать, что целых три дня покупали программки только затем, чтобы потом от них избавиться?

— Я таким образом развлекался, — признался Ломбард, — но до завтра держи язык за зубами.

Парень вышел и всю дорогу, пока его было видно, то и дело оборачивался и бросал на Ломбарда взгляд, исполненный благоговейного ужаса. Ломбард понял, что юноша считает его сумасшедшим. Парня нельзя было в этом винить. Ломбард и сам думал, что сошел с ума. Уже тогда, когда рассчитывал, что сработает, что та женщина клюнет и придет. Этот план был безумным с самого начала.

По тротуару шла девушка. Он совершенно случайно заметил ее — лишь потому, что следил за удалявшимся помощником, а она оказалась в поле зрения. Никого. Никого. Только девушка. Одинокая фигура. Проходя мимо двери, она заглянула внутрь. Затем, после секундного колебания, возможно вызванного любопытством, она пошла дальше и скрылась из виду за витриной соседнего магазина. В какой-то момент Ломбарду показалось, что она собирается войти.

Передышка кончилась. В контору ввалился какой-то древний старец в пальто с бобровым воротником, в очках на черном шнурке, в рубашке с необычайно высоким воротником, с тростью под мышкой. За ним, к величайшему смятению Ломбарда, появился водитель такси, который втащил старомодный чемоданчик. Посетитель остановился перед пустым деревянным столом, за которым сидел Ломбард, и застыл в такой напыщенной позе, что Ломбард даже сначала не понял, всерьез ли он, или у него такая манера шутить.

Ломбард поднял глаза и посмотрел на посетителя. Он покупал эти программки целый день. Но до сих пор все же не целыми чемоданами.

— Ах, сэ, — заговорил древний представитель эпохи газовых фонарей глубоким, звучным голосом, который, впрочем, только бы выиграл, если бы старик не размахивал руками. — Вам просто повезло, что я прочел ваше объявление. Я в состоянии неизмеримо обогатить вашу коллекцию. Я могу добавить к ней больше, чем любой житель этого города. У меня здесь такие редкости, которые наверняка согреют ваше сердце. От старого «Джефферсон-Плейхауз», который относится к...

Ломбард быстро покачал головой:

— Меня не интересует «Джефферсон-Плейхауз», у меня полный комплект.

— Тогда «Олимпия». Или...

— Не интересует, не интересует. Меня не волнует, что еще у вас есть. Я приобрел все, что хотел. Прежде чем погасить свет и запереть дверь, я бы хотел еще приобрести только одну вещь. «Казино», сезон 1941–1942 годов. У вас есть такое?

— Фи, «Казино»! — негодуяще фыркнул старик прямо ему в лицо. — Вы спрашиваете «Казино» у меня? Какое отношение имею я к этим дрянным современным ревью? Я, некогда один из величайших трагиков на американской сцене!

— Вижу, вижу, — сухо оборвал его Ломбард. — Боюсь, наша сделка не состоится.

Чемодан и водитель такси удалились. Владелец чемодана задержался в дверях, чтобы еще раз подчеркнуть всю силу своего презрения.

— «Казино»! Тьфу!

Затем он тоже вышел.

После короткой паузы явилась пожилая женщина, по виду поденщица. Она принарядилась для такого случая: на ней была большая шляпа с обвисшими полями, украшенная искусственной розой, которая выглядела так, словно ее то ли вытащили из мусорного бачка, то ли достали из кладовой, где она пролежала, забытая, несколько месяцев. На морщинистых щеках красовались круглые, лихорадочного вида, пятна румян, наложенные нетвердой рукой, которая давно позабыла, как это делается.

Когда Ломбард поднял на нее глаза, неохотно, но с некоторым сочувствием, то, взглянув поверх ее сутулого плеча, опять увидел ту же девушку, которая снова прошла мимо двери, на этот раз в обратную сторону. И опять она повернула голову и заглянула внутрь. Однако в этот раз она решилась на большее. Она остановилась, хотя лишь на секунду-другую, и даже сделала шаг назад, чтобы поравняться с дверью. Затем, окинув взглядом комнату, она пошла дальше. Ее явно заинтересовало то, что происходит внутри. Хотя, вынужден был признать Ломбард, вокруг его затеи подняли достаточно много шума, и проходившая мимо девушка вполне могла знать о ней и захотела посмотреть поближе. В самом начале его деятельности сюда даже явились фотокорреспонденты. И сейчас она могла просто возвращаться оттуда, куда шла, когда он в первый раз заметил ее, — если вы куда-то идете, то обратно обычно возвращаетесь той же дорогой, в этом нет ничего необычного.

Старуха поденщица тем временем робко допытывалась:

— Это правда, сэ? Вы действительно платите деньги за старые программки?

Он вновь повернулся к ней:

— За некоторые — да.

Она пошарила в вязаной кошелке, которая висела у нее на локте.

— У меня их совсем немного, сэ. Остались с тех пор, как я сама была хористкой. Я их все сохранила, они много значат для меня. Сезон 1911 года... — Она дрожала от волнения, выкладывая программки на стол. Она перелистывала пожелтевшие страницы, словно пытаясь придать больше убедительности своему рассказу. — Вот видите, сэ, это я. Долли Голден, так меня звали. Я играла Духа Юности в последней сцене...

«Время, — подумал Ломбард, — самый безжалостный убийца. Убийца, которому всегда удается избежать казни».

Он смотрел не на программки, а на ее огрубевшие, изъеденные работой руки.

— Доллар за штуку, — сказал он угрюмо, доставая бумажник.

Она была вне себя от радости:

— Благослови вас Господь, мистер! Как это кстати! — Она схватила его руку и поднесла к своим губам прежде, чем Ломбард успел ее остановить. Розовые слезы потекли по нарумяненным щекам. — Я и не думала, что они так дорого стоят!

Они и не стоили. Они не стоили и пяти центов.

— Вот, пожалуйста, матушка, — сказал он с сочувствием.

— О, теперь я пойду пообедаю, я закажу полный обед! — Она вышла спотыкаясь, опьяненная свалившейся на нее удачей.

Молодая женщина тихо стояла рядом, дожидаясь, пока старуха уйдет. Должно быть, она только что незаметно вошла, Ломбард не видел, как она входила. Это была та самая девушка, которая уже дважды проходила мимо двери, сначала в одну, потом в другую сторону. Он был почти уверен в этом, хотя оба раза видел ее только мельком и не успел разглядеть как следует.

Издалека, с некоторого расстояния, она казалась моложе, чем вблизи. Наверное, потому, что лишь фигура осталась стройной, а все остальное поблекло. Она выглядела изможденной, почти такой же изможденной, как поденщица, что приходила перед ней. Хотя это была изможденность другого рода.

Он ощутил легкое покалывание чуть пониже затылка, так что пушок на шее вдруг зашевелился. Он старался не смотреть на девушку слишком ясно; оглядев ее одним быстрым, все подмечающим взглядом, он уставился вниз, так что она вряд ли заметила перемену в его лице.

Общее впечатление складывалось такое: должно быть, вплоть до недавнего времени она была очень хорошенькой. Теперь она быстро теряла красоту. В ней все еще оставалось что-то утонченное, в глубине души она еще сохранила остатки собственного достоинства, это было заметно, но во внешности уже проявлялось нечто грубое, жестокое, какой-то дешевый лоск, который грозил в скором времени стереть навсегда последние следы воспитания. Вероятно, уже было слишком поздно остановить этот процесс. Насколько — можно судить по первому впечатлению: он уже сделался необратимым. Возможно, причиной тому был алкоголь, ежедневные, разрушающие душу и тело возлияния, или острая, неожиданно свалившаяся нужда, или же попытки одним смягчить горечь другого.

По-видимому, был еще и третий фактор, который предшествовал первым двум и, возможно, явился их причиной, хотя теперь он уже не был определяющим, два других оказались более существенными: непереносимые страдания души, умственное расстройство, страх, к которому примешивалась вина, — и все это продолжалось месяцами. Душевные невзгоды оставили свой след, но он уже немного потускнел, больше бросались в глаза следы физического разрушения. Сейчас она казалась веселой, она умела приспособливаться к жизни и выходить из затруднительных положений — это свойство обычно присуще обитателям трущоб и людям, которым уже некуда опускаться дальше; и этого умения ей хватит до конца жизни, которая, весьма вероятно, закончится у открытой газовой горелки в дешевой квартирке.

У нее был такой вид, словно ей не всегда удавалось поесть досыта. Щеки глубоко запали, и скулы просвечивали сквозь тонкую кожу лица. Она была с ног до головы одета в черное, но не в траур, как одеваются вдовы, и не в элегантное платье; она явно выбрала черный цвет потому, что на нем не так заметны пятна и грязь. Даже чулки на ней были черного цвета, выношенные до дыр на обеих пятках.

Она заговорила. Ее голос звучал грубо и хрипло от чрезмерного количества дешевого виски, поглощаемого день и ночь. И все же даже теперь в нем оставалось что-то от прежней воспитанности. Если она сейчас употребляла жаргон, то по собственному желанию, потому, что так говорили те, кто окружал ее, а не потому, что она не знала других слов.

— У вас еще осталась капуста, которую вы платите за программки, или я уже опоздала?

— Посмотрим, что у вас есть, — осторожно сказал он.

Щелкнул замок ее дешевой, слишком громоздкой сумки, и она выложила пару штук. Две одинаковые программки, оставшиеся от одного и того же представления. Музыкальное шоу в «Регине», позапрошлый сезон. «Интересно, — подумал Ломбард, — что она тогда собой представляла. Наверное, еще была хорошенькой и вполне благополучной, и ей бы и в голову не пришло...»

Он сделал вид, что сверяется со списком, где якобы отмечал, чего не хватает для «комплекта».

— Кажется, мне нужно вот это. Семь пятьдесят, — сказал он.

Ее глаза заблестели. Ломбард видел, что заинтересовал ее.

— У вас есть что-нибудь еще? — вкрадчиво спросил он. — Вы же знаете, это ваш последний шанс. Сегодня вечером я закрываю контору.

Она заколебалась. Ломбард заметил, как ее взгляд скользнул по сумке.

— Ну, если вы покупаете по одной...

— Любое количество.

— Раз уж я все равно здесь. — Она снова открыла сумку, наклонив ее к себе так, чтобы он не смог заглянуть внутрь, и вытащила оттуда еще одну программку. Она, отметил Ломбард, сначала снова защелкнула сумку и только потом протянула ему свернутую программку. Он взял ее, развернул и прочитал:

«Театр „Казино“».

Первая, появившаяся за все три дня. Он начал листать ее с притворным равнодушием, пропуская первые, не представляющие интереса, страницы, и наконец добрался до того места, где начинались сведения о постановках. Как и все театральные программки, она была рассчитана на неделю. Начиная с семнадцатого мая. У него перехватило дыхание. Неделя. Та самая неделя. Это случилось вечером двадцатого. Он опустил глаза, чтобы взгляд не выдал его. Но только — правые верхние уголки страниц были нетронуты. Они не были расправлены, иначе на них бы остался заметный диагональный след; их никто никогда не загибал.

Он с трудом заставил себя говорить спокойно:

— А у вас есть парная к ней? Большею частью их приносят парами, и я бы мог предложить вам больше.

Девушка испытующе посмотрела на него. Он даже уловил неуверенное движение руки по направлению к замочку сумки, но девица, опомнившись, опустила руку.

— Вы что, думаете, я их печатаю?

— Я предпочитаю, если возможно, покупать двойные экземпляры, парами. Разве на это шоу вы ходили одна? Куда девалась другая про...

Что-то в этом вопросе ей не понравилось. Она окинула комнату быстрым подозрительным взглядом, словно в поисках ловушки, и осторожно сделала шаг-другой от стола.

— Ладно вам, у меня только одна. Вы собираетесь ее покупать или нет?

— Но я не дам вам за нее столько, сколько дал бы за две...

Она явно хотела побыстрее снова оказаться на улице.

— Хорошо, как скажете.

Она даже нагнулась, чтобы дотянуться до денег с того места, где стояла, Ломбард не мог заставить ее подойти ближе к столу.

Он подождал, пока девица дойдет до двери. Затем окликнул ее, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее и не встревожил ее:

— Подождите, пожалуйста. Не могли бы вы подойти ко мне на минуту, я кое-что забыл вам сказать.

Она остановилась, но лишь на секунду, и бросила через плечо острый, полный недоверия взгляд. Не просто взгляд человека, автоматически обернувшегося на зов; в этом взгляде была настороженность. А когда Ломбард поднялся и поманил ее пальцем, она сдавленно вскрикнула, бросилась бежать, выскочила в дверь и исчезла из виду.

Он оттолкнул в сторону стоявший на дороге стол и, расчистив себе путь, кинулся следом. За его спиной бумажные горы, воздвигнутые пареньком-помощником, закачались после энергичного старта, затем накренились и рассыпались, устлав пол бумажным ковром.

Она уже подходила к ближайшему перекрестку, когда Ломбард выскочил на улицу, но высокие каблуки сослужили ей плохую службу. Когда она оглянулась и увидела, что Ломбард на полной скорости приближается к ней, она снова вскрикнула, на этот раз громче, из последних сил прибавила шаг и успела перебежать на другую сторону улицы прежде, чем ему удалось сократить дистанцию.

Но тут он догнал ее, всего за несколько шагов до того места, где весь день стоял его автомобиль — на случай, если вдруг произойдет что-нибудь подобное. Он забежал вперед, преградил ей путь, схватил за плечи, увлек за собой и толкнул к стене дома, держа так крепко, что ей было никак не вырваться.

— Ладно, ладно, не дергайся — все равно бесполезно, — произнес он, тяжело дыша.

Ей было еще труднее говорить: алкоголь сделал свое дело. Ему даже показалось, что девушка вот-вот потеряет сознание.

— Пустите... меня... Что... я вам... сделала?

— Почему вы убегали?

— Мне не понравилось, — она рвалась у Ломбарда из рук, жадно хватая воздух ртом, — как вы на меня посмотрели.

— Позвольте мне взглянуть, что у вас в сумочке. Откройте этот кармашек! Давайте открывайте, иначе я сам сделаю это!

— Уберите руки! Оставьте меня в покое!

Он не стал терять время на споры. Он рванул сумку так резко, что потертый ремешок, перекинутый через плечо девушки, лопнул. Он открыл ее и сунул туда руку, прижимая девушку к стене всем телом, чтобы та не вздумала тем временем улизнуть. Его рука вынырнула с программкой, идентичной той, которая только что была куплена в конторе. Ломбард выпустил сумку из рук, и она упала на землю. Он попытался раскрыть и пролистать программку, но страницы не разделялись. Ему пришлось отцеплять одну от другой. Все страницы, от первой до последней, казались склеенными: они были аккуратно загнуты в правом верхнем углу. Ломбард рассматривал их в неверном свете уличных фонарей. Дата совпадала.

Это была программка Скотта Хендерсона. Программка несчастного Скотта Хендерсона, которая появилась в одиннадцатом часу вечера, чудом ниспосланная ему.

Глава 22

Час казни

10.55 вечера. Конец всему, да, конец всему, это всегда очень горько. Ему было очень холодно, хотя погода стояла теплая, и он дрожал с ног до головы, хотя при этом был мокрым от пота. Он повторял себе снова и снова: «Я не боюсь» — и почти не слушал священника. Но он знал, что боится, и кто бы стал обвинять его? Инстинкт самосохранения заложен в человека природой.

Он лежал на койке ничком, вытянувшись во весь рост, и его голова, на которой был выбрит квадратик, свешивалась вниз, почти касаясь пола. Священник сидел рядом, и его рука успокаивающе сжимала плечо Хендерсона, словно пытаясь удержать рвущийся наружу страх, и всякий раз, когда плечо вздрагивало, эта рука сочувственно вздрагивала вместе с ним, хотя священнику было суждено прожить еще много лет. Плечо вздрагивало через регулярные промежутки времени. Это ужасно — знать час своей смерти.

Священник тихим голосом читал двадцать третий псалом. «В зеленые луга вознесется моя душа...» — эти слова не утешили его, он почувствовал себя еще хуже. Он не торопился в лучший мир, ему нужен был этот.

Жареный цыпленок, вафли и пирожное с абрикосовым джемом, которые он съел несколько часов назад, казалось, склеились в комок где-то чуть ниже грудной клетки — там они и останутся. Но это не важно, это не вызовет несварения желудка: просто не хватит времени.

Он подумал, успеет ли выкурить еще одну сигарету. Ему принесли две пачки вместе с обедом, это было всего пару часов назад, и одну он уже прикончил, и вторая тоже наполовину опустела. Он понимал, что глупо расстраиваться по такому поводу: какая разница, выкурит ли он сигарету целиком или придется выбросить ее после первой затяжки? Но он всегда был бережлив, а от старых привычек тяжело избавиться.

Он спросил священника, прервав его заунывную декламацию, и, вместо того чтобы ответить прямо, тот просто сказал: «Кури, сын мой», зажег спичку и поднес ему. А это означало, что на самом деле времени уже нет.

Хендерсон вновь опустил голову, и дым выходил из невидимого отверстия между губами. Рука священника еще раз сжала его плечо, приглушая страх, успокаивая. Послышались шаги. Тихие, пугающе медленные, они отчетливо раздавались на каменном полу коридора. В коридоре смертников внезапно все стихло. Вместо того чтобы подняться, голова Скотта Хендерсона опустилась еще ниже. Сигарета выпала из его губ и откатилась в сторону. Рука священника еще сильнее сжала его плечо, буквально пригвозждая к койке.

Шаги остановились. Он чувствовал, что люди стоят за дверью и наблюдают за ним, и, хотя он старался не смотреть, все же не мог удержаться — против воли его голова поднялась и медленно повернулась. Он спросил:

— Пора?

Дверь в камеру начала медленно поворачиваться на петлях, и охранник сказал:

— Пора, Скотт.

Программка Хендерсона. Программка бедняги Скотта Хендерсона, чудом ниспосланная ему. Ломбард молча смотрел на нее. Сумка, которую он выхватил у девушки, лежала у его ног. Он и не замечал ее.

Девушка тем временем отчаянно извивалась, пытаясь стряхнуть его руку, железной хваткой сдавившую ей плечо.

Прежде всего он аккуратно убрал программку во внутренний карман. Затем, схватив девицу за плечи обеими руками, он грубо подтолкнул ее к своему автомобилю, стоявшему у тротуара:

— Давай пошевеливайся, красотка! Ты поедешь со мной! Да знаешь ли ты, что чуть-чуть не натворила? Неужели тебе все равно?

Она попыталась вырваться и выскочить на проезжую часть, но он успел открыть дверцу и толкнуть ее в машину. Она неуклюже плюхнулась коленями на сиденье и кое-как повернулась.

— Отпустите меня, слышите! — пронзительно визжала она на всю улицу. — Вы не имеете права! Эй, кто-нибудь, помогите! Да что, во всем городе не осталось полицейских!

— Полицейских? Ты получишь полицейских сколько твоей душе угодно! Тебе еще станет тошно от них!

Прежде чем она сумела выскользнуть с другой стороны, Ломбард тоже забрался в машину, изо всех сил толкнул девицу назад, так что она опрокинулась, и захлопнул дверцу.

Он дважды ударил ее тыльной стороной ладони, чтобы заставить замолчать, один раз для остротки, второй раз в полную силу. Потом склонился над приборной доской.

— Я никогда раньше не бил женщин, — процедил он сквозь зубы. — Но ты не женщина. Ты чудовище в женском обличье. Отвратительное чудовище.

Он отъехал от обочины, развернулся и встроился в поток машин.

— Ты поедешь со мной, хочешь ты этого или нет. И лучше сиди тихо. Если, пока мы едем, ты попробуешь закричать или выкинуть еще что-нибудь, я снова ударю тебя. Так что решай сама.

Она затихла, словно из нее выпустили воздух, и угрюмо скорчилась на сиденье, мрачно глядя по сторонам. Срезая на поворотах углы, Ломбард один за другим обгонял другие автомобили, движущиеся в том же направлении. Один раз, когда они встали перед светофором, девушка спросила безразлично, оставив все попытки удрать:

— Куда вы меня везете?

— А вы будто не догадываетесь! — резко ответил он. — Для вас это все полнейшая неожиданность!

— К нему, да? — спросила она покорно.

— К нему, да! Вы просто образец гуманности! — Он до предела вдавил педаль акселератора, и их головы синхронно откинулись назад. — Вас бы стоило убить на месте: из-за вас чуть не отправили на электрический стул невинного человека, а ведь вы сразу могли все это прекратить, всего-навсего объявившись и рассказав то, что вам хорошо известно!

— Я так и думала, — равнодушно отозвалась она и опустила глаза, разглядывая свои руки. Немного помолчав, спросила: — Когда это произойдет — сегодня?

— Да, сегодня!

В слабом свете, идущем от приборной доски, Ломбард заметил, что ее глаза слегка расширились, как будто до сих пор она не осознавала, чем все это кончится.

— Я не знала, что это так... что это произойдет так скоро, — выдохнула она.

— Ну, теперь уже не произойдет, — сурово пообещал он. — После того, как я в конце концов нашел тебя.

Они опять остановились на красный свет. Ломбард выругался, вытирая лоб большим носовым платком. Затем их головы снова откинулись назад.

Девушка смотрела прямо перед собой. Не на дорогу перед автомобилем и не на интерьер машины, хотя ее глаза, казалось, прилипли к нижнему краю переднего стекла. Ломбард видел ее лицо в боковом зеркале. Ее взгляд был устремлен в себя. Возможно, в прошлое. Она вспоминала. И под рукой у нее не было виски, чтобы заглушить воспоминания. Она была вынуждена сидеть и вспоминать. А машина неслась вперед.

— В вас нет ничего человеческого, наверное, изнутри вы просто набиты опилками! — вдруг сказал он.

Ломбард не ожидал ответа, но она сказала:

— Посмотрите, что случилось со мной. Об этом ведь вы не подумали? Разве я мало страдала? Почему я должна думать о том, что случится с ним или с кем-нибудь еще? В конце концов, кто он мне? Его должны казнить сегодня. Но меня казнили уже давно. Я мертва, слышите, вы, мертва! Рядом с вами в машине сидит труп! — Она говорила низким, исполненным боли голосом, лишь иногда срываясь на крик — не на пронзительный визг, часто свойственный женщинам, — нет, это был скорее стон безмерного страдающего существа. — Иногда во сне я вижу женщину, у которой был чудесный дом, любящий муж, деньги, красивые вещи, уважение друзей, спокойствие и безопасность. И казалось, все это будет у нее до самой смерти. Казалось, что будет. Я не могу

поверить, что это была я. Я знаю, что это был кто-то другой. И все же после хорошей порции виски, иногда, во сне, я вспоминаю, что все это было со мной. Вы знаете, как бывает во сне...

Ломбард вглядывался в темноту, которая надвигалась на них, расступалась в стороны, раздвигаемая фарами машины, и вновь смыкалась сзади, как волны какой-то таинственной реки. Его глаза были неподвижны. Он не смотрел в ее сторону, не слушал ее, ни разу не выразил ни малейшего сочувствия к ее несчастьям.

— Вы знаете, что это такое, когда тебя выбрасывают на улицу? Да, выбрасывают в полном смысле слова, в два часа ночи, прямо в том, что на тебе надето, и захлопывают за тобой дверь, и запрещают твоим собственным слугам пускать тебя в дом под угрозой увольнения! Я всю ночь просидела на скамейке в парке. На следующий день мне пришлось одолжить пять долларов у моей бывшей горничной, чтобы снять комнату и получить хоть какую-то крышу над головой.

— Почему же хотя бы тогда вы не пришли в полицию? Если вы уже потеряли все, чего еще вы боялись?

— Его власть надо мной не кончилась. Он предупредил меня, что если я только открою рот, если я сделаю что-нибудь, что может повредить его репутации или опорочить его доброе имя, то он отправит меня в лечебницу для алкоголиков. Он запросто может это сделать, у него есть связи и деньги. И я бы никогда не вышла оттуда — а там смирительные рубашки и ледяной душ.

— Но это не оправдание! Вы же знали, что мы ищем вас, вы не могли этого не знать. Вы наверняка знали, что этот человек должен умереть. Вы просто трусили, вот и все. Но даже если вы еще ни разу в жизни не сделали доброго дела и больше никогда не сделаете, то сейчас вам придется совершить благородный поступок. Вам придется сказать свое слово и спасти Скотта Хендерсона!

Она долго молчала, потом медленно подняла голову.

— Да, — сказала она наконец. — Я скажу. Я сама хочу сказать — теперь. Наверное, я все эти месяцы была просто слепа и не видела вещи такими, какие они есть на самом деле. Я как-то не думала о нем до сих пор, я думала только о себе, о том, что я могу потерять. — Она повернулась к Ломбарду: — И я хочу в конце концов сделать доброе дело — просто для разнообразия.

— Вам придется его сделать, — мрачно пообещал он. — В котором часу вы встретились с ним в баре в тот вечер?

— В десять минут седьмого, если верить часам, которые висели перед нами.

— И вы скажете это? Вы готовы в этом поклясться?

— Да, — повторила она безжизненным голосом. — Я скажу это. Я готова поклясться в этом.

В ответ он сказал лишь:

— Да простит вас Бог за все, что вы сделали этому человеку!

И тут с ней что-то случилось. Как будто она была заморожена, а теперь вдруг стала таять и оседать. Или же лопнула та жесткая оболочка, в которую она пряталась, как в скорлупу. Она опустила голову и мгновенно закрыла лицо руками. Она не издала ни звука. Он никогда раньше не видел, чтобы люди так дрожали. Как будто ее раздирали на части изнутри. Он уже думал, что она никогда не перестанет дрожать.

Он не говорил с ней, не смотрел на нее и видел лишь мельком в зеркале.

Через некоторое время Ломбард заметил, что все прошло. Она опустила руки и сказала, обращаясь больше к себе самой, чем к своему спутнику:

— Чувствуешь такое облегчение, когда решаешься сделать то, чего раньше боялась...

Дальше они ехали молча. Он не стал включать свет в салоне. Движение стало более редким; если раньше машины шли в обоих направлениях, то теперь в основном навстречу им. Они выехали за пределы города и теперь мчались по ухоженному, прямому, как стрела, загородному шоссе. Встречные автомобили мелькали в боковом окне размытыми полосками света.

— Почему мы так далеко отъехали от города? — вдруг спросила она с печальным недоумением. — Разве нам надо не в здание уголовного суда?..

— Я везу вас прямо в тюрьму, — напряженным голосом ответил он. — Так будет скорее. Тогда мы, может быть, успеем прежде, чем...

— Сегодня, вы сказали?

— В ближайшие полтора часа. Мы должны успеть.

Теперь дорога шла через лес. В темноте можно было различить лишь деревья и белые столбики по обеим сторонам шоссе. Никаких огней вокруг, разве что случайный встречный автомобиль, приближаясь, зажжет ближний свет и приветственно помигает фарами, словно прохожий, вежливо приподнимающий шляпу.

— А если что-нибудь задержит нас? Колесо спустят или что-нибудь в этом роде? Может быть, лучше было позвонить?

— Я знаю, что делаю. А вы-то что вдруг забеспокоились?

— Да, я беспокоюсь, — выдохнула она. — Я была слепа, просто слепа. Теперь я вижу, что было во сне, а что на самом деле.

— Какое превращение, — проворчал он. — Целых пять месяцев вы и пальцем не пошевелили, чтобы помочь ему. А теперь не прошло и каких-то пятнадцати минут, как вы сгораете от нетерпения.

— Да, — согласилась она смиренно. — Теперь мне кажется, что все это вовсе не имеет значения. Я имею в виду моего мужа, и его угрозы отправить меня в лечебницу, и все остальное. Вы заставили меня увидеть все в другом свете. — Она устало провела тыльной стороной ладони по лбу. — Я хочу совершить, наконец, хоть один смелый поступок. Мне надоело всю жизнь быть трусихой!

Какое-то время они опять ехали молча. Потом девушка спросила, почти что с тревогой:

— А моего свидетельства под присягой будет достаточно, чтобы спасти его?

— Его будет достаточно, чтобы отложить то, что было намечено на сегодня. И как только мы этого добьемся, дело перейдет к юристам, а они уже проследят за всем остальным.

Вдруг она заметила, что на развилке они свернули налево, на пустынную сельскую дорогу, неровную и с плохим покрытием. Должно быть, она не сразу обратила на это внимание. Машина теперь двигалась рывками. Параллельная дорога постепенно становилась все уже и наконец исчезла. Вокруг не было никаких признаков жизни.

— Почему мы свернули? Я думала, что шоссе, идущее с севера на юг, как раз и приведет нас в тюрьму штата, разве он не там?..

— Это кратчайший путь, — быстро ответил он. — Проселочная дорога, так мы сэкономим время.

Ветер, казалось, немного усилился, его шум теперь напоминал стоны. Они продолжали свой путь.

Ломбард заговорил, пригнувшись, почти касаясь подбородка руля, глядя на дорогу неподвижными, бесстрастными глазами:

— Туда, куда мы едем, мы приедем вовремя.

Теперь в машине их было не двое. Пока они молчали, в какой-то неопределенный момент явился некто третий и уселся между ними. Ледяной, бесформенный ужас, чьи невидимые руки заключили девушку в холодные объятия, а пальцы сдавили горло.

За последние десять минут они не видели ни одного огня, кроме огней собственной машины. Они не обменялись ни словом. Деревья, темневшие по обеим сторонам дороги, напоминали клубы дыма. Ветер предупреждал об опасности, но это предостережение все еще оставалось без внимания. Два призрачных лица отражались в лобовом стекле.

Он сбавил скорость, затормозил и еще раз свернул в сторону, на этот раз на незаасфальтированную грунтовую дорогу, лишь немного шире лесной тропы. Машину трясло на ухабах, позади шелестели сухие листья, разлетающиеся в стороны от выхлопной трубы, колеса взбирались на торчащие корни, крылья задевали стволы деревьев, стоявших прямо на дороге. Игра света от фар превращала лес в таинственные пещеры, ближайшие деревья казались мерцающими сталагмитами, а те, которые росли подальше, оставались укутанными мглой. Это место словно явилось из детской сказки — заколдованная злыми духами тропинка в таинственном волшебном лесу, где случаются всякие жуткие вещи.

Она сдавленно прошептала:

— Ах нет; что это вы делаете? — Страх еще крепче сжал ее в своих объятиях, ледяным дыханием обжег шею. — Мне не нравится, как вы себя ведете. Зачем вы это делаете?

Вдруг они остановились, и все кончилось. Скрип тормозов дошел до ее сознания уже после того, как машина встала. Он заглушил мотор, и наступила полная тишина. В машине и вокруг нее. Все было неподвижно: машина, он сам, она и ее страх.

Но нет; кое-что еще шевелилось. Три пальца, лежавшие на ободке руля, продолжали беспокойно двигаться, вверх и вниз, по кругу, как будто он наигрывал на пианино, пытаясь на слух подобрать мелодию.

Она повернулась и в бессильной ярости принялась колотить его кулаками.

— Что это значит? Скажите что-нибудь! Скажите же мне хоть что-нибудь! Не сидите просто так! Зачем мы здесь остановились? Что у вас на уме, почему вы так на меня смотрите?

— Выходи, — сказал он, дернув подбородком.

— Нет. Что вы собираетесь делать? Нет. — Она не двигалась с места, глядя на него расширившимися от ужаса глазами.

Ломбард перегнулся через нее, дотянулся до дверцы и открыл замок с ее стороны.

— Я сказал, выходи.

— Нет! Вы что-то замышляете. Я вижу по вашему лицу.

Он одной рукой вытолкнул ее и вышел сам. Спустя минуту они оба стояли у машины, по щиколотку утопая в шершавых желто-коричневых листьях. Он захлопнул за собой дверцу. Здесь, под деревьями, стояла пронизывающая сырость, густая темнота окружала их со всех сторон, и только свет невыключенных фар пробивал в ней призрачный туннель.

— Пойдемте со мной, — сказал он спокойно и пошел вдоль луча света, придерживая девушку за локоть, чтобы знать наверняка, что она идет рядом. В неестественной тишине слышался лишь шорох листьев и потрескивание веток под ногами. Автомобиль остался где-то позади, они продолжали идти все дальше. Она семенила боком, глядя в его непроницаемое лицо. Она слышала свое собственное дыхание, которое эхом отдавалось в кронах деревьев. Его дыхание было спокойнее.

Так они шли, молча, словно разыгрывая странную пантомиму, пока не достигли той точки, куда почти не доходил свет фар. Здесь, на границе между светом и тенью, он остановился и убрал руку. Девушка бессознательно сделала еще несколько шагов, он схватил ее, придержал и опять убрал руку.

Ломбард достал сигарету и предложил ей. Она попыталась отказаться.

— Ну же, — рявкнул он и воткнул сигарету ей в рот. — Лучше закури.

Ломбард чиркнул спичкой и дал ей прикурить, прикрывая пламя сложенными ладонями. В этом маленьком знаке внимания было что-то ритуальное, это не успокоило ее, а лишь удвоило страх. Она сделала одну затяжку, потом сигарета выпала из непослушных губ. Ломбард наступил на нее и затоптал, чтобы полая листва не занялась.

— Ладно, — сказал он. — Теперь иди обратно к машине. Иди по этой тропинке, — она достаточно освещена, — сядешь в машину и будешь ждать меня там. И *не смотри по сторонам*, просто иди себе прямо вперед.

Казалось, девушка не понимает слов, или же страх настолько парализовал ее, что она не может двинуться с места. Ломбарду пришлось слегка подтолкнуть ее, чтобы она пошла. Она, спотыкаясь, сделала несколько неуверенных шагов по заваленной листьями тропинке.

— Иди вперед, иди прямо к машине, вдоль луча света, как я сказал тебе, — крикнул он вслед. — И не оглядывайся.

Она была женщиной, и к тому же сильно испуганной. Предостережение оказало прямо противоположное действие, оно заставило ее произвольно обернуться.

Ломбард уже достал пистолет, хотя и не успел прицелиться — он только поднимал руку. Должно быть, вытащил оружие бесшумно, как только девица повернулась, чтобы идти.

Она вскрикнула, как подбитая и умирающая птица, которая еще исхитрится в последний раз взмыть в небо, прежде чем рухнуть на землю. Она шагнула было к нему, словно в этом было спасение, а опасность заключалась в том, что она отошла от своего провожатого на какое-то расстояние.

— Стой! — жестко приказал он. — Я хотел, чтобы тебе было легче, я велел тебе не оборачиваться.

— Не надо! За что? — взмолилась она. — Я же обещала все рассказать, все, что вам надо! Я обещала! И я расскажу, расскажу!

— Нет, — возразил он с ужасающим спокойствием. — Ничего ты не расскажешь, я позабочусь об этом. Можешь рассказать ему самому, там, в лучшем мире, где вы встретитесь через полчаса. — Он поднял руку, наводя пистолет.

В рассеянном свете фар она представляла собой отличную мишень. Она оказалась в ловушке, она все равно не успела бы вырваться из освещенного пространства в спасительную темноту. Ошарашенная, она беспомощно металась в самом центре светлого пятна, и в итоге опять оказалась лицом к лицу с убийцей, только еще ближе.

Она ничего не могла сделать.

Прогремовший выстрел эхом отозвался под сводами деревьев. Следом раздался ее крик.

Должно быть, он промахнулся, несмотря на незначительное расстояние, разделявшее их. Она не увидела вспышки его пистолета, но не успела удивиться этому. Она не испытывала никаких ощущений; она стояла на том же месте, не имея сил убежать или даже просто пошевелиться, и дрожала с ног до головы, как ленточка серпантина под вентилятором. Зато он, покачнувшись, шагнул в сторону, и безвольно прислонился к ближайшему дереву, и уткнулся лицом в шершавый ствол, словно охваченный раскаянием. Потом девушка заметила, что он держится рукой за плечо. Пистолет, теперь уже совсем не страшный, лежал среди сухих листьев там, куда его обронили, и в свете фар казался угольно-черным.

Откуда-то сзади появился мужчина и быстро прошел мимо нее по освещенной дорожке. Этот человек, как успела она заметить, тоже держал в руке пистолет, и он был направлен на скорчившуюся у дерева фигуру. Он на секунду нагнулся и вытащил из-под листьев брошенное оружие. Затем подошел вплотную к Ломбарду, в его руках что-то блеснуло отраженным светом, и послышался щелчок. Ломбард, ссутулившись, отошел от дерева, пошатнулся как пьяный, потом выпрямился.

В свинцовом молчании она ясно услышала голос второго человека:

— Я арестую вас за убийство Марселлы Хендерсон.

Он поднес что-то к губам. Раздавшийся свист, долгий и унылый, означал, что все кончено. И вновь воцарилась тишина.

Она обессиленно опустилась на колени, прямо на ковер из сухих листьев, и закрыла лицо руками, еле сдерживая рыдания. Берджесс наклонился и бережно поднял ее.

— Я все понимаю, — мягко сказал он. — Я знаю, это было ужасно. Теперь все позади. Все позади. Вы сделали все, что надо. Вы спасли его. Обопритесь на меня, вот так. Поплачьте. Не стесняйтесь. Вам станет легче.

Она заговорила, то и дело прерывая себя, как это свойственно женщинам:

— Я уже не хочу. Все в порядке. Просто дело в том... Я не думала, что кто-нибудь успеет...

— Они бы и не успели, если бы просто висели у вас на хвосте. Так, как они ехали. (Вторая машина только что затормозила там, где заканчивалась тропинка, ее пассажиры еще даже не добрались до места.) Я не мог рисковать. Я ехал с вами всю дорогу — вы не знали? Залез в багажник и слышал каждое слово. Я забрался туда, как только вы вошли в его контору. — Он крикнул, повернувшись туда, где под деревьями мелькал свет и прибывшие сотрудники выбирались из машины: — Это вы, Грегори, и остальные с вами? Поезжайте обратно — не теряйте времени. Выбирайтесь побыстрее на шоссе и ищите ближайший телефон. Найдите окружного прокурора. У нас осталось несколько минут. Я поеду следом за вами. Скажите ему, что я задержал парня по имени Джон Ломбард, который признался в убийстве миссис Хендерсон, пусть сообщат охране...

— У вас нет никаких доказательств против меня, — буркнул Ломбард, морщась от боли.

— Да что вы говорите? Какие еще доказательства мне нужны? Я поймал вас с поличным, когда вы пытались хладнокровно убить девушку, которую впервые в жизни увидели за час до этого. Что она вам сделала, кроме того, что она была единственным свидетелем, чьи показания еще могли спасти Хендерсона, доказать его невиновность? И почему вы твердо решили не допустить этого? Потому что тогда дело открыли бы заново, а это угрожало бы вашей безопасности. Чем вам не доказательство!

Представитель местной полиции, тяжело ступая, подошел к ним:

— Вам нужна помощь?

— Отведите девушку в машину. Ей сегодня пришлось немало пережить, так что о ней надо позаботиться. А я присмотрю за этим парнем.

Могучий полицейский наклонился, поднял ее и понес на руках, как ребенка.

— Кто она такая? — спросил он, оглянувшись, пока они двигались к машине по освещенной фарами тропе.

— Замечательная, храбрая малышка, — ответил Берджесс, который шел сзади, подталкивая перед собой своего пленника, — так что, офицер, идите помедленнее, очень осторожно. Вы держите на руках Кэрл Ричмен, девушку Хендерсона. Она держалась как настоящий мужчина.

Глава 23

После казни

Они сидели в гостиной Берджесса, в его небольшой квартирке на Джексон-Хейтс. Здесь они и встретились в первый раз после освобождения. Это устроил Берджесс. Когда Хендерсон приехал сюда на поезде, Кэрол ждала его там. Берджесс так объяснил ей свое предложение: «Кому захочется встречаться у ворот тюрьмы? Вы оба уже нагляделись на нее. Подождите у меня. Здесь хоть и стандартная мебель, но, по крайней мере, не тюремная».

Они сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу, в мягком свете лампы, в состоянии полного умиротворения, хотя и все еще несколько ошарашенные. Хендерсон держал ее руку в своей, ее голова покоилась у него на плече.

Когда Берджесс вошел в комнату и увидел их, у него отчего-то запершило в горле. Он спросил ворчливо, чтобы не выдать себя:

— Ну, как вы тут?

— Ах, все вокруг такое замечательное, правда? — сияя, ответил Хендерсон. — Я уже почти забыл, какие замечательные все эти вещи. Ковры на полу. Мягкий свет, лампа под абажуром. Подушки за моей спиной. И вот, самое замечательное существо на свете. — Он коснулся кончиком подбородка ее волос. — И все это мое, все это вернулось ко мне еще лет на сорок!

Берджесс и девушка незаметно обменялись понимающими взглядами.

— Я только что из офиса окружного прокурора, — сказал Берджесс. — Они наконец добились от Ломбарда полного признания. По всей форме — подписанного и засвидетельствованного.

— Я все еще не могу прийти в себя, — сказал Хендерсон, качая головой. — Я едва могу поверить в это. Что за всем этим стоит? Он был влюблен в Марселлу? Насколько я знаю, она лишь дважды видела его за всю свою жизнь, не больше.

— Насколько вы знаете, — сухо возразил Берджесс.

— Вы хотите сказать, у нее был роман на стороне?

— А вы не замечали, что она часто уходит из дому?

— Да, но я не задумывался об этом. У нас с ней уже давно были прохладные отношения.

— Да, так оно и было, именно так. — Берджесс немного прошелся по комнате. — И все же, Хендерсон, я думаю, следует кое-что прояснить в обстоятельствах их последней встречи. Дело в том, что романтические чувства были только с его стороны. Ваша жена не была влюблена в Ломбарда. Если бы она его любила, то, вполне вероятно, она была бы жива и сейчас. Она не любила никого, кроме самой себя. Ей нравилось, когда ею восхищались, она любила лесть, она была из тех женщин, которые охотно флиртуют и позволяют за собой ухаживать, но не относятся к этому всерьез. В девяти случаях из десяти это безобидная игра. А в десятом это опасно. Ей он был нужен лишь для того, чтобы куда-нибудь с ним сходить, для нее это был удобный способ мысленно сквитаться с вами, доказать самой себе, что вы ей не очень-то и нужны. К несчастью, это был как раз тот, десятый случай. Он совсем не годился для такой игры. Большую часть жизни он провел на нефтяных скважинах в забытых Богом уголках земли. Он не имел особого опыта общения с женщинами. И он не мог с юмором относиться к подобным вещам. Он воспринимал их всерьез. И конечно же именно это ей и нравилось больше всего, это делало игру более похожей на правду.

Без сомнения, она обошлась с ним жестоко. Она удерживала его до последнего, хотя наверняка давно поняла, к чему идет дело. Она позволила ему строить планы совместной жизни, точно зная, что никогда не уедет вместе с ним. Она не возражала, когда Ломбард подписал контракт на пять лет с этой южноамериканской нефтяной компанией. Больше того, он уже снял там бунгало, где они должны были поселиться, и даже обставил его. Для Ломбарда было само собой разумеющимся, что, как только они приедут туда, Марселла разведется с вами, и они поженятся. В конце концов, мужчина в таком возрасте уже не ребенок, с ним и с его чувствами нельзя обращаться подобным образом.

Вместо того чтобы постараться постепенно свести их отношения на нет, позволить ему достойно выйти из этой ситуации, она выбрала самый неподходящий путь. Ей вовсе не хотелось лишать себя удовольствия раньше, чем это необходимо. Ее натура жаждала телефонных звонков, совместных завтраков, свиданий за обедом, поцелуев в такси. Она ко всему этому привыкла и стала бы скучать без этого. Так что она все откладывала и откладывала и дождалась того дня, когда они вдвоем должны были отплыть в Южную Америку, дождалась того момента, когда Ломбард зашел за ней — как только вы ушли из квартиры, — чтобы вместе отправиться на причал.

Я ничуть не удивляюсь, что это стоило ей жизни. Я бы удивился, если бы ей удалось выкрутиться. По его словам, он пришел даже раньше, чем вы ушли, он дождался вашего ухода, поднявшись по лестнице на один пролет. Наконец, он услышал, как вы хлопнули дверь. По совершенной случайности в этот вечер в холле не было портье. Он как раз уволился, и ему еще не нашли замену — так что никто не видел, как он вошел. И, как мы все хорошо знаем, никто не видел, как он вышел.

Так или иначе, она впустила его и снова уселась перед зеркалом, а когда он спросил, все ли вещи уложены и готова ли она ехать, засмеялась ему в лицо. Похоже, весь этот день ей было суждено смеяться над мужчинами. Ваша жена спросила, неужели он всерьез поверил, что она собирается похоронить себя в Южной Америке, сжечь за собой все мосты, всецело полагаясь на его милость, в то время как он будет раздумывать, жениться ему или нет? В конце концов, человек вправе решать, куда и с кем ему ехать, и ехать ли вообще. Ей нравились те отношения, которые у них были. Она не хочет менять свое теперешнее положение законной жены неизвестно на что.

Но больше всего его вывел из себя ее смех. Если бы она, говоря все это, расплакалась или хотя бы сохранила бесстрастное выражение лица, Ломбард, по его словам, наверное, оставил бы ее в покое. Просто ушел бы и, может быть, напился до полного бесчувствия, но оставил бы ее живой и невредимой. И я тоже так думаю.

— И тогда он убил ее, — тихо сказал Хендерсон.

— И тогда он убил ее. Ваш галстук все еще лежал на полу позади стула, там, где вы бросили его. Должно быть, он еще раньше машинально поднял его и держал в руках, сам того не замечая, когда ярость ослепила его. — И Берджесс выразительно щелкнул пальцами.

— Я его не виню, — выдохнула Кэрол, глядя в пол.

— Я тоже, — согласился Берджесс. — Но нет оправдания тому, что он сделал потом. Он намеренно повернул дело так, чтобы все подозрения пали на человека, который всю жизнь был его лучшим другом, и лез из кожи вон, чтобы свалить на него убийство.

— Что я ему сделал? — спросил Хендерсон без тени гнева.

— Да в общем-то причина проста. Он и тогда не понимал, и до сих пор еще не понимает, даже спустя столько времени, почему в действительности Марселла так поступила с ним, так бессердечно отшвырнула его. Он до сих пор не понял, что такое поведение было в ее характере, что такова была ее натура. Он ошибочно решил, что в вашей жене вновь ожила любовь к вам. Следовательно, он обвинил во всем вас. Это вы были виноваты в том, что он потерял свою любовь. За это он вас возненавидел. Он хотел свалить все на вас. Какая-то извращенная ревность, которую совершенное им убийство разожгло еще сильнее. По-видимому, это наиболее вероятное объяснение.

— Увы, — мягко сказал Хендерсон.

— Он вышел из дома, никем не замеченный, и специально отправился следом за вами, чтобы попытаться вас перехватить. Ссора, которую он подслушал, стоя на лестнице, давала хорошую возможность, которую он не хотел упускать. Очень хорошую возможность свалить на вас то, что он только что совершил. Он говорит, что сначала хотел встретить вас как бы случайно, составить вам компанию и дожидаться признания из ваших собственных уст. По крайней мере, услышать что-нибудь такое, что могло бы навлечь на вас серьезные подозрения. Он сказал бы: «Привет! А я думал, что ты собирался куда-то с женой». И тогда вы, совершенно естественно, ответили бы: «Мы с ней здорово поругались, и я ушел». Ему было необходимо, чтобы вы упомянули ссору. Он не мог сам рассказать о ней, так как иначе ему пришлось бы сознаться, что он все время торчал на лестнице в пределах слышимости. Надо было, чтобы о ссоре ему рассказали вы, от первого лица, понимаете?

Он бы позаботился, чтобы вы выпили как можно больше, — если бы вы нуждались в подобной заботе с его стороны, — а сам бы не отходил от вас. Потом он проводил бы вас до самой двери. Так что в тот момент, когда вы бы сделали ужасное открытие, он был бы рядом; он с видимой неохотой рассказал бы полиции все, что слышал от вас про семейный скандал, после которого вы ушли. Вы бы послужили для него козлом отпущения. Немало здравого смысла заключалось в том, чтобы вместе с мужем вернуться в дом, где он только что убил жену. Это автоматически превращало его в стороннего наблюдателя, свидетеля чужого преступления, и практически полностью снимало все возможные подозрения.

И это обстоятельство он охотно рассказывает — я должен признаться, без малейших признаков раскаяния. Даже теперь он убежден в своей правоте.

— Очень мило, — хмуро сказала Кэрл.

— Он думал, что вы будете один. Он уже знал, куда вы пойдете, сами ему назвали оба места. Днем при случайной встрече вы сказали, что собираетесь пообедать с женой в «Мезон Бланш», а потом пойти в «Казино». Про бар он ничего не знал, потому что вы сами вошли в него под влиянием момента.

Он отправился прямо в ресторан и ждал вас в вестибюле, не показываясь на глаза. Он увидел вас, когда вы, по-видимому, только что приехали. Он увидел, что с вами женщина. Это нарушало все его планы. Теперь он не только не мог присоединиться к вам, надеясь извлечь выгоду из ваших откровений, но эта неизвестная особа вообще могла в той или иной степени доказать вашу невиновность; все зависело от того, когда вы с ней встретились. Иными словами, уже тогда, почти что с первой минуты, он почувствовал, что ваша спутница, как ни посмотри, может сыграть в этом деле очень важную роль. И в соответствии с этим он и начал действовать.

Он вышел и стал прогуливаться по улице на таком расстоянии от ресторана, чтобы ему было легко наблюдать за входом и в то же время оставаться незамеченным. Он знал, что затем вы собирались в театр «Казино», но не был уверен. Он не мог позволить себе твердо полагаться на ваши слова.

Вы с вашей дамой вышли, взяли такси и уехали. Он, тоже на такси, последовал за вами. Он вошел в театр следом за вами. Слушайте, сейчас будет интересный момент. Он купил входной билет, как часто делают люди, когда успевают только на последний акт. Он стоял недалеко от оркестра, за колонной, и во время всего представления глядел на все сзади.

Он видел, как вы уходили. Он чуть не потерял вас в толпе, но ему повезло. Он полностью пропустил тот инцидент со слепым нищим, так как не осмеливался подойти к вам слишком близко. Ваше такси с трудом выбралось из пробки, так что, сидя в другой машине, он вполне мог не упускать вас из виду.

В конце концов вы привели его опять к «Ансельмо», хотя он не знал, что здесь все началось. Ему опять пришлось слоняться по улице, ибо в тесном баре он не мог остаться незамеченным. Вдруг он увидел, что вы уходите, оставив женщину одну, — и тут он мог догадаться, если не догадался еще раньше, что вы выполнили угрозу, которую, как он подслушал, вы выкрикнули на прощанье, уходя из дому: что вместо вашей жены пригласите первую встречную.

Теперь ему надо было быстро решать, продолжать ли следить за вами, при этом рискуя потерять ее след, либо переключить внимание на нее и выяснить, насколько она может помочь вам и помешать ему.

Он колебался не долго. Ему опять повезло, и он почти инстинктивно принял правильное решение. Теперь уже было поздно подходить к вам — это выглядело бы не слишком правдоподобно. Это нисколько не помогло бы ему в его замыслах, он бы только навлек подозрения на себя. В эту самую минуту его пароход отходил от причала, и он должен был находиться на борту.

Поэтому он оставил вас в покое и выбрал ее, даже не подозревая, насколько безошибочно действует. Он продолжал ждать на улице, незаметно наблюдая за ней. Он знал, что она не может оставаться в баре до утра и в конце концов отправится домой.

Наконец она вышла, и он отошел немного подальше, чтобы не попасться ей на глаза. Он понимал, что не следует заговаривать с ней, чтобы она не запомнила его. Если окажется, что она в состоянии подтвердить вашу невиновность, то сам факт, что он ее расспрашивал по этому поводу, привлечет к нему внимание, и станет ясно, что его каким-то образом интересует это дело. Так что

он мудро решил, что сейчас остается только одно: узнать, кто она и куда сейчас направляется, чтобы он смог ее найти, когда будет нужно. Узнав это, он на некоторое время оставит ее в покое. Затем, по возможности, надо было выяснить, насколько ее показания могли выгородить вас. Для этого надо было шаг за шагом проследить весь ваш путь в тот вечер и постараться разузнать, где именно вы с ней встретились, а главное — как скоро после вашего ухода из дому. И наконец, если окажется, что ее свидетельство сможет существенно повлиять на ход дела, позаботиться о том, чтобы заблаговременно подправить его. Отыскать ее, выследить, куда она направляется, и выяснить, можно ли убедить ее хранить молчание. А если она окажется не слишком сговорчивой, то, по его признанию, уже тогда у него созрел недобрый замысел. Он был готов совершить второе преступление, чтобы его не заподозрили в первом.

Итак, он отправился следом за дамой. По какой-то непонятной причине она шла пешком, несмотря на поздний час, но это лишь упрощало его задачу. Сначала он подумал, что она живет где-то поблизости, недалеко от бара. Но они все шли и шли, и Ломбард понял, что ошибается. Потом ему пришло в голову: не могла ли она заметить слежку и попытаться нарочно запутать его и сбить со следа? Но он решил, что вряд ли это так. Она не проявляла ни малейших признаков беспокойства. Она шла не спеша, ленивой походкой, явно никуда не торопясь, то и дело останавливаясь, чтобы получше разглядеть темные витрины попадавшихся на пути магазинов или чтобы погладить бродячую кошку. Очевидно, она шла куда глаза глядят, но лишь потому, что ей так хотелось. В конце концов, если бы она желала избавиться от преследования, она могла бы просто остановить такси или подойти к полицейскому и сказать ему пару слов. Несколько раз за это время по дороге встречались полицейские, но она не подошла ни к одному. И ему не оставалось ничего другого, как объяснить ее блуждания тем, что она и сама не знала, куда направляется, и брела наугад. Для бездомной она была слишком хорошо одета, так что он зашел в тупик, пытаясь понять, в чем тут дело.

Она миновала Меситтон и вышла на Пятьдесят седьмую улицу, затем повернула на запад и дошла до Пятой. Она прошла два квартала на север и присела на одну из скамеек, которые квадратом стоят вокруг статуи генерала Шермана. Она просидела так некоторое время, невозмутимо, словно все это происходило в три часа дня. Наконец ей надоело, что каждая третья машина, проезжающая мимо по дороге в парк или из парка, многозначительно притормаживает, поравнявшись с ней. Она поднялась и неторопливо пошла на восток, миновала Сорок девятую улицу и остановилась у витрины художественного салона, внимательно разглядывая все, что там было выставлено. Ломбард тем временем начинал терять терпение.

И вот наконец, когда он уже стал опасаться, что она собирается пешком отправиться через мост Квинсборо на Лонг-Айленд, она вдруг свернула в сторону и зашла в маленький, ужасно грязный отель в самом конце Пятьдесят девятой улицы. Ему удалось заметить, что она расписывается в регистрационной книге. Значит, отель был такой же импровизацией, как и вся ее предыдущая прогулка.

Как только она скрылась из глаз, он зашел следом и, чтобы как можно быстрее узнать, под каким именем она записалась и какой номер получила, тоже попросил комнату. Расписываясь в книге, он прочитал имя на предыдущей строчке: «Фрэнсис Миллер» — и номер комнаты: «214». Ему удалось получить соседний, 216-й, — он забраковал два или три предложенных номера и наконец получил то, что ему было нужно. Отель, казалось, вот-вот рухнет, так что поведение клиента было вполне оправданно.

Он ненадолго поднялся в свой номер, главным образом для того, чтобы понаблюдать из холла за ее дверью и убедиться в том, что она наконец устроилась на ночь и никуда не денется до того времени, как он вернется. На большее он не мог надеяться. Он видел свет через матовое стекло над ее дверью. В этом потрепанном отеле ему не составляло труда слышать все звуки, доносившиеся из ее комнаты, и даже догадываться, что она делает. Вот в стенном шкафу звякнули металлические вешалки-плечики, когда она вешала туда верхнюю одежду. При ней конечно же не было никаких вещей. Он слышал, как, двигаясь по комнате, она что-то напевает себе под нос. Он даже смог разобрать, что именно: «Чика-чика, бум» — песенку, которую она слышала в театре, куда вы ее пригласили в этот вечер. Он слышал, как льется вода, когда она умывалась перед сном. Наконец свет в ее комнате погас, до него донесся скрип пружин, когда она укладывалась на ветхую кровать. В заключительной части своего признания он весьма красочно и во всех

подробностях описывает все это. Он, не включая света, пересек свою комнату, выглянул в окно, выходящее на унылый грязный пустырь, и попытался разглядеть что-нибудь в ее комнате. Штора на окне была спущена и лишь немного не доходила до подоконника, но ее кровать стояла так, что, встав на свой подоконник и высунувшись наружу, он мог в темноте разглядеть огонек сигареты, которую она держала на вытянутой в сторону руке. Между их окнами проходила водосточная труба, и на круглую скобу, которой она крепилась к стене, вполне можно было поставить ногу. Он отметил это про себя. Значит, можно проникнуть туда таким путем, если это будет необходимо.

Убедившись, что свидетельница в его руках, Ломбард вышел из отеля. Было уже почти два часа ночи.

Он взял такси и поспешил в бар «Ансельмо». В этот час там было уже довольно пустынно, и ему представлялась прекрасная возможность доверительно побеседовать с барменом и все выяснить, что возможно, если вообще было что выяснять. Дождавшись удобного момента, он заговорил о той женщине, задав совершенно безобидный вопрос типа: «А кто эта дама, которая так одиноко сидела вон в том углу некоторое время назад?» Просто чтобы начать разговор.

Все бармены не прочь поболтать, только спроси, и любой из них выложит все, что знает. Да, она уже заходила сюда около шести часов, ушла вместе с каким-то человеком, потом они вернулись, и, наконец, он ушел, а она осталась.

Несколько ловких вопросов, и Ломбард узнал то, что его интересовало больше всего. Что вы заговорили с ней почти сразу же, как пришли туда, и что было это в самом начале седьмого. Другими словами, его худшие опасения подтвердились. Она не просто могла бы косвенным образом подтвердить вашу невиновность, она обеспечивала вам абсолютное, не подлежащее сомнению алиби. Он должен был что-то предпринять. И немедленно.

Берджесс вдруг прервал свой рассказ и спросил:

— Я не надоел вам со всеми этими подробностями?

— Речь шла о моей жизни, — сухо заметил Хендерсон.

— Он не стал откладывать дело в долгий ящик, а приступил немедленно, на глазах у немногих посетителей, засидевшихся в баре. Этот бармен был из тех, кого легко подкупить, во всяком случае, слыл таковым; Ломбард видел, что плод созрел и был готов упасть прямо в руки. Несколько осторожных намеков, и дело было сделано; они ударили по рукам. «Сколько бы вы хотели за то, чтобы забыть, что вы видели, как этот парень познакомился здесь с женщиной? Вам не надо забывать его, забудьте только ее». Бармен заявил, что его устроила бы вполне скромная сумма. «Даже если окажется, что делом интересуется полиция?» При этих словах бармен заколебался. Но Ломбард разрешил его сомнения, предложив сумму, которая раз в пятьдесят превышала его самые смелые ожидания. Он дал бармену тысячу долларов наличными. У него была при себе толстая пачка денег, задаток, который он собирался использовать для обустройства в Южной Америке. Это обеспечило успех дела, бармен конечно же согласился. Правда, его убедили не только деньги. Ломбард подкрепил свою просьбу парой угроз, произнесенных тихим голосом, но так, что от них кровь стыла в жилах. Вполне вероятно, что угрозы не были пустыми, он не шутил, и его собеседник чувствовал это.

И бармен стоял на своем до конца, даже после того, как ему стали известны все факты; ни мы, ни кто другой не смогли ничего с ним поделать, из него было не вытянуть ни слова. И несомненно, не только тысяча долларов была тому причиной. Он был крепко напуган, как и все остальные. Вы видели, до чего это в конце концов довело Клиффа Милберна. В этом Ломбарде есть что-то зловещее. Это человек без малейшего чувства юмора. Вся жизнь он был слишком близок к природе.

Обработав бармена, он отправился дальше, снова повторив весь путь, который вы проделали несколько часов назад. Не стоит утомлять вас подробностями этой кампании. И театр и ресторан, конечно, к тому времени были уже закрыты, но ему удалось узнать, где находятся нужные ему люди, и отыскать их. Ему даже пришлось быстро съездить в Форсет-Хиллз и обратно, чтобы вытащить одного из них из постели. К четырем часам он закончил свою работу. Он нашел еще троих, чьим молчанием ему необходимо было заручиться: водителя такси Элпа, метрдотеля из «Мезон Бланш» и кассира из «Казино». Он дал им разные суммы. Таксист должен был просто отрицать, что видел ее, метрдотель должен был дать указание обслуживающему столик официанту, который, кстати, полностью зависел от него, и проследить, чтобы тот не подвел.

Менеджера из «Казино» он наградил так щедро, что практически сделал своим союзником. Именно от него Ломбард узнал, что один из музыкантов оркестра хвастал направо и налево, какое впечатление он произвел на ту самую женщину, — это он крепко вбил себе в голову, — и именно менеджер посоветовал Ломбарду поговорить и с ним тоже. Ломбарду удалось добраться до него только на следующий день после убийства, но ему опять повезло, мы совершенно упустили из виду этого парня, так что задержка не принесла никакого вреда.

Итак, за час до рассвета он сделал все, что хотел. Он заставил ее исчезнуть, насколько это было возможно. Теперь ему оставалось только позаботиться о ней самой. Он вернулся туда, где оставил ее, чтобы выполнить эту часть работы. Как он сейчас сам признает, он уже принял решение. Он не собирался покупать ее молчание, он собирался получить его более верным способом — убить. Тогда ни одно звено в его цепи не порвется. Любой из подкупленных может не сдерживать обещания, но никаких доказательств не останется.

Он поднялся в свою комнату, соседнюю с ее номером, и несколько минут просидел, не зажигая света, обдумывая свой план. Он понимал, что риск быть заподозренным в убийстве в данном случае значительно выше, чем в случае с вашей женой, но его заподозрят как неизвестного, который записался в книге под вымышленным именем, а не как Джона Ломбарда. Он намеревался догнать свой пароход, его здесь не увидят, так каким же образом удастся установить, кто он? Полиция будет подозревать «его» в убийстве, но никогда не узнает, кого именно «его». Вы понимаете, что я имею в виду?

Он вышел в коридор, подошел к ее двери и прислушался. В комнате было тихо, женщина спала. Он осторожно подергал ручку двери. Как он и ожидал, дверь была заперта, он не мог войти в комнату. Оставалась водосточная труба на стене между окнами, о которой он подсознательно помнил все время.

Он выглянул в окно. Штора у нее оставалась приспущенной, немного не доходила до подоконника, как и прежде. Он ловко и бесшумно выбрался из окна и поставил ногу на крепление водосточной трубы. Без особого труда дотянулся другой ногой до ее подоконника, перебрался туда и проскользнул в приоткрытое окно. Он не взял с собой никакого оружия — хотел обойтись голыми руками и постельным бельем.

В темноте он на ощупь подошел к кровати, протянул руки и плотно сжал их поверх одеяла, грудой лежавшего на постели, так чтобы жертва не успела вскрикнуть. Одеяло осело в его руках, под ним никого не было. Ее тут не было. Она исчезла. Она покинула отель так же неожиданно, как и явилась сюда. Она исчезла в предрассветный час, лишь немного полежав в постели. Два окурка, несколько крупинок пудры на столике перед зеркалом и смятая постель — вот и все, что от нее осталось.

Когда первый шок миновал, он спустился вниз и, теперь уже почти не таясь, расспросил о ней. Ему сказали, что женщина спустилась незадолго до его возвращения, сдала ключ и спокойно вышла на улицу. Никто не знал, куда она пошла, даже в какую сторону; было непонятно, почему она ушла, знали только, что она ушла так же таинственно, как и появилась. Его собственная игра теперь обернулась против него самого. Женщина, ради которой он не спал всю ночь и потратил сотни долларов, — и все для того, чтобы для вас, Хендерсон, она превратилась в призрак, — превратилась в призрак на самом деле, но уже для него самого. А этого он вовсе не хотел. Такая ситуация была опасна своей неопределенностью. Женщина могла появиться в любой момент и испортить всю картину.

Несколько часов, оставшихся до самолета, на котором Ломбард собирался догнать свой пароход, он провел как в аду. Он понял, насколько это безнадежно. Он знал, как теперь знаем и мы с вами, насколько сложно найти кого-то в Нью-Йорке, да еще за короткое время.

Он охотился за ней по всему городу с упорством маньяка, но не смог напасть на ее след. Прошел день, прошла вторая ночь, его время вышло. Он не мог оставаться дольше. Ему пришлось смириться и оставить все как есть. Топор, занесенный над ним, теперь мог обрушиться в любую минуту.

Он вылетел из Нью-Йорка на второй день после убийства, в тот же день пароходом местной линии преодолел расстояние от Майами до Гаваны и как раз застал там свой пароход, который зашел туда к концу третьего дня. Он объяснил корабельным властям, что в день отплытия сильно напился и опоздал на причал.

Вот почему он с такой готовностью откликнулся на призыв о помощи, который я послал от вашего имени, именно это ему и было нужно, чтобы бросить все и вернуться. Все это время он не чувствовал себя в безопасности и теперь получал возможность поставить точку в этом деле. Говорят, что убийцу обычно тянет на место преступления. Его притягивало сюда как магнитом. Ваша просьба о помощи давала подходящий предлог. Теперь он мог открыто вернуться и помогать «искать» ее для вас. И завершить охоту за своей жертвой, на что в первый раз у него не хватило времени. Удостовериться в том, что если ее и найдут, то только мертвой.

— Значит, вы уже подозревали его, когда в тот день пришли ко мне в камеру и набросали телеграмму от моего имени. Когда же вы начали подозревать его?

— Я не могу просто ткнуть пальцем и сказать: «С этого дня и с этого часа». Это происходило постепенно, по мере того, как я переставал верить в вашу виновность. С начала и до конца против него не было никаких конкретных улик, именно поэтому мне пришлось идти круглым путем. Он не оставил отпечатков пальцев в квартире: должно быть, протер те несколько предметов, до которых дотрагивался. Я вспоминаю, что мы обнаружили дверные ручки, на которых вообще не было никаких отпечатков.

Началось с того, что вы случайно упомянули его имя в процессе допроса. Старый друг, чье приглашение совершить вместе прощальную прогулку по городу вы честно отклонили, к вашему большому сожалению, ради нее. Я, как обычно, навел о нем справки, скорее для того, чтобы он помог нам составить более полное представление о вас, чем для какой-нибудь другой цели. Я узнал, что он покинул город, — вы тоже упомянули, что он собирался уехать. Но совершенно случайно, из радиোগраммы, отправленной с парохода, я узнал, что он опоздал к отплытию и догнал судно лишь через три дня, в Гаване. И еще кое-что: сначала он заказал двухместную каюту, для себя и жены, но появился на пароходе один и закончил путешествие в одиночестве. И когда я позднее поинтересовался почему, то не нашлось никаких документов, подтверждающих, что он женат или был когда-то женат.

Как вы понимаете, в самом этом факте нет ничего сугубо подозрительного. Людям случается пропустить пароход, особенно если они активно отмечают свой отъезд перед самым отплытием. И невесты, бывает, меняют свое решение в последнюю минуту, а иногда намеченная свадьба откладывается по обоюдному согласию.

Так что больше я об этом не думал. И все же, с другой стороны, и не забывал. Тот маленький факт, что он пропустил пароход и догнал его один, засел у меня в подсознании и с тех пор там и остался. Ему немного не повезло: он умудрился привлечь мое внимание. Когда имеешь дело с полицейскими, это редко можно назвать удачей. Потом, когда моя убежденность в вашей вине стала улетучиваться, возник некий вакуум, а вакуум всегда должен быть чем-то заполнен, иначе он заполнится сам. Детали, касающиеся Ломбарда, начали всплывать, и я сам не успел осознать, как пустота начала заполняться.

— Вы ловко скрыли все это от меня, — признал Хендерсон.

— Так было надо. У меня не было ничего достаточно определенного все это время, вплоть до последнего момента. Фактически, до того вечера, когда он завез мисс Ричмен в лес. Было бы слишком рискованно довериться вам. Скорее всего, вы не разделили бы моих подозрений, и, зная вас, я боялся, что вы, чего доброго, в порыве дружеских чувств предупредите его. Или, даже если бы вы согласились с моими доводами и поверили бы мне, одна мысль о предательстве друга сделала бы вас плохим актером. Он мог бы что-нибудь заподозрить по тому, как вы держитесь с ним, и наши планы были бы нарушены. Вы вспомните, в каком страшном напряжении вы находились. Я чувствовал, что самое безопасное — это действовать через вас, используя вас как своего рода посредника, не позволяя вам догадываться о моих истинных намерениях. И это было нелегко. Возьмите, например, хотя бы этот фокус с театральными программками...

— Я думал, что вы сошли с ума, — или подумал бы, если бы сам был тогда нормальным, — когда вы повторяли, повторяли, повторяли со мной каждое, самое незначительное движение, самое незначительное слово, которые должны были привести к нужному результату. Знаете ли, что я думал о вашей затее? Что вы все это предпринимаете ради утешения, чтобы отвлечь меня от мыслей о том, что приближается срок. Так что я послушался вас и сделал все, как вы велели, но в душе не верил в это.

— Вы в душе не верили, а я в душе боялся, — мрачно усмехнулся Берджесс.

— А он имел какое-нибудь отношение к странным несчастным случаям, которые все время преследовали вас в этом деле? Вы сумели выяснить хоть что-нибудь?

— Мы выяснили все. Самое странное то, что случай, который больше всего походил на убийство, я имею в виду смерть Клиффа Милберна, оказался самым настоящим самоубийством, когда мы провели тщательное расследование. И бармен, конечно, погиб случайно. Но те два несчастных случая, которые на первый взгляд не внушали никаких подозрений, оказались убийствами. Преднамеренными убийствами, которые он и совершил. Я говорю о смерти слепого нищего и Пьеретты Дуглас. Оба раза он совершил убийство без применения оружия в обычном смысле этого слова. Убийство слепого было особенно отвратительным.

Он вышел на минуту, оставив его в комнате, якобы для того, чтобы сбегать на улицу и позвонить мне. Он знал, что этот человек не любит полицию, что в общем-то типично для таких попрошаек-жуликов. Он знал: первое, что тот сделает, — это попытается удрать. На это он и рассчитывал. Выйдя за дверь, он натянул толстую черную нить, вроде тех, что используют портные, над верхней ступенькой, примерно на уровне щиколотки. С одной стороны он привязал ее к основанию перил, а с другой — к торчащему из стены гвоздю. Затем он вывернул лампочку, уже зная, что слепой на самом деле видит, протопал по лестнице, сделав вид, что уходит, — это старый трюк, — и затаился на площадке этажом ниже, так чтобы его не было видно от двери.

Слепой вышел второпях и не глядел под ноги. Он спешил скрыться куда-нибудь подальше, пока Ломбард не вернулся со своим другом-полицейским. Ловушка сработала именно так, как он и предполагал. Нищий сразу же споткнулся о нитку и полетел вниз головой. Скотившись по ступенькам, он врезался головой в выступающий угол стены. Нить, конечно, порвалась, но это его не спасло. Но он не умер на месте — только сильно ударился головой и потерял сознание. Ломбард торопливо поднялся по лестнице, перешагнул через тело, вернулся на верхнюю площадку и убрал с обеих сторон болтающиеся концы нитей, которые могли выдать его.

Потом он подошел к лежащему без сознания человеку, ощупал его и убедился, что тот еще дышит. Его голова была откинута назад под неестественным углом и уткнулась в стену. Плечи его упирались в пол, голова была повернута почти под прямым углом, а шея прогнулась, как висячий мост. Он запомнил, где шея, выпрямился, поднял ногу так, чтобы его тяжелый ботинок оказался прямо над ней, и...

Кэрл резко отвела взгляд.

— Простите, — пробормотал Берджесс.

Она вновь повернулась к сыщику:

— Это часть истории. Мы должны знать ее всю.

— И уже только тогда он вышел и позвонил мне. Вернувшись, он оставался на улице у подъезда и, ожидая меня, даже позаботился вовлечь полицейского в разговор, чтобы, если понадобится, тот мог подтвердить, что все это время он не входил в дом.

— А вы сразу поняли, в чем тут дело? — спросил Хендерсон.

— Я осматривал тело в морге в тот же вечер после того, как отправил Ломбарда. И обнаружил на обеих ногах тоненькие красные следы, оставленные нитью. Кроме того, я заметил следы пыли на тыльной стороне шеи. Я понял, что это означает. Достаточно связать вместе эти два момента. И все же было бы достаточно трудно доказать вину Ломбарда. Это можно было бы сделать, но я предпочел подождать и арестовать его за главное преступление. Дело в том, что я не мог доказать его причастность к убийству вашей жены лишь на основании случая со слепым. А мне не хотелось схватить его лишь затем, чтобы вновь позволить ему ускользнуть. Раз уж я вышел на него, я хотел действовать наверняка. Поэтому я держал рот на замке и продолжал вести свою игру.

— А в случае с этим наркоманом, вы говорите, он ни при чем?

— Несмотря на разные бритвы, а только это и наводило на подозрения, Клифф Милберн сам перерезал себе горло в припадке страха и депрессии, вызванном употреблением наркотиков. Лезвие безопасной бритвы, должно быть, оставил на полочке либо предыдущий жилец, либо какой-нибудь его приятель, заходивший к нему и воспользовавшийся ванной комнатой, чтобы побриться. Его поведение заинтересовало бы психолога. Даже совершая самоубийство, он инстинктивно избегает использовать свои личные принадлежности не по назначению. Это характерная черта всех мужчин; вот почему мы так переживаем, когда женщины точат карандаши нашими бритвами.

Кэрл тихо пробормотала:

— После этой ночи я к ним и прикоснуться не смогу.

— Но смерть мисс Дуглас — его рук дело? — спросил Хендерсон с интересом.

— Это было сделано даже еще более ловко, чем в первый раз. Длинная ковровая дорожка через всю комнату от самого порога до французского окна³, покрытый лаком паркет. Эта идея пришла ему в голову, когда в самом начале разговора с мисс Дуглас он сам слегка поскользнулся на действительно опасном полу, а она посмеялась. Разговаривая с ней, Ломбард мысленно все рассчитал. Ровная, прямая дорожка была для него просто подарком судьбы. Он мысленно поставил крестик, отмечая то место, где Пьеретта должна была стоять, чтобы, потеряв равновесие, почти целиком оказаться за окном, и, определив точно это место, уже не выпускал его из виду. Что, конечно, совсем не просто, особенно учитывая то, что он все время двигался и разговаривал и мог уделять этому лишь часть внимания.

Все это лишь предположительная реконструкция событий, которую сделал я. Начиная с определенного момента они вдвоем исполняли некий менуэт смерти, во время которого Ломбард осторожно и незаметно подводил ее к нужному месту. Закончив выписывать чек, он поднялся и, не выпуская листка из рук, вновь подошел к окну, как будто хотел побыстрее просушить чернила на ветерке. Затем он слегка подвинулся и оказался в точности на том месте, которое наметил для нее, только стоял не на коврике, а на полу рядом. Затем сделал вид, будто хочет показать ей чек, и таким образом заставил ее встать с кресла. Он протягивал чек, но при этом не двигался с места, так что ей пришлось подойти. Тот же принцип используется в бое быков. Бык бросается на плащ и проносится мимо человека. Она потянулась за чеком и оказалась рядом с окном. Когда она ступила точно на то место, которое Ломбард мысленно отметил, он разжал пальцы.

Она отвлеклась и минуту-другую стояла неподвижно, разглядывая чек. Ломбард быстро повернулся, пересек комнату, как будто решил немедленно уйти. Затем, уже стоя у порога, он обернулся и сказал: «До свидания!» При этом женщина подняла голову и повернулась лицом к нему — и спиной к окну. Теперь она стояла в точности в таком положении, как он и хотел. Потому что если бы она стояла боком или лицом к окну, то, падая, могла бы ухватиться за раму и удержаться. А падая спиной вперед, удержаться невозможно.

Он нагнулся, резко поднял свой край дорожки над головой и тут же опустил его; вот и все, что он сделал. Она вылетела из окна, как пушинка. Он говорит, даже вскрикнуть не успела. Должно быть, он поймал момент выдоха. Она погибла прежде, чем слетевшая с ее ноги тубелька упала на пол.

Кэрл потеряла уголки глаз:

— Это гораздо хуже, чем убить с помощью пистолета или ножа, здесь гораздо больше подлости!

— Да, но такие вещи намного труднее доказать. Он и близко к ней не подходил, он убил ее с расстояния двадцати или двадцати двух футов. Разгадка крылась, конечно, в самом коврике. Морщины были с его стороны. Там, где стояла она, дорожка была гладкой, разве что немножко сдвинутой назад. Если бы женщина действительно поскользнулась или оступилась, картина была бы другой. Складки были бы на ее конце, там, где нога оттолкнула коврик. А противоположный край лежал бы ровно, как и прежде. Складки не могли бы распространиться так далеко.

Кроме того, в пепельнице лежала дымящаяся сигарета, якобы оставленная ею. Это было сделано, чтобы создать впечатление, будто она упала перед самым нашим приходом, тогда как он звонил мне минут пятнадцать назад. Даже если бы я не принял это во внимание, все равно он был в моем обществе последние восемь или десять минут — с тех пор, как мы встретились у пожарной части.

Уловка ни на секунду не обманула меня, но мне пришлось провозиться целых три дня, прежде чем я понял, наконец, как он это сделал. У пепельницы в центре было отверстие, через которое пепел падает вниз в полое основание, специально предназначенное для этого. Там был еще и клапан, но Ломбард зажал его так, чтобы он оставался открытым. Ломбард просто взял три сигареты обычной длины, из двух вытряхнул немного табака с одного конца и вставил их одну в

³ Французское окно — окно во всю высоту комнаты, от пола до потолка.

другую так, чтобы получилась сигарета в три раза длиннее обычной, причем на дальнем конце осталась торговая марка — на тот случай, если этот конец не сгорит полностью. Затем он зажег ее и, слегка наклонив, пристроил на пепельнице, одним концом над отверстием. Если зажженную сигарету оставить в таком положении и над отверстием, она вряд ли потухнет, даже если ее не раздувать дыханием, как при курении. Огонек будет лишь медленно ползти от сигареты к сигарете. Как только первые две догорят, пепел упадет в пепельницу и дальше вниз, не оставив никакого следа. Третья сигарета целиком лежала на краю пепельницы и до конца оставалась на месте, создавая то впечатление, которого он добивался: отличный окурок одной-единственной сигареты, еще дымившейся, когда мы вошли.

Однако это алиби создавало ему трудности другого рода. Лучше бы ему было избежать их. Он не мог отойти слишком далеко, отправившись по ложному адресу, который она якобы дала; ему обязательно нужно было успеть вернуться обратно, пока уловка еще действовала, иначе какой в ней прок. Он должен был найти какое-то место совсем рядом, и это должно было быть такое место, чтобы с первого взгляда становилось ясно, что это абсолютная нелепость и нам обоим ни в коем случае не следует терять время на ненужные поиски и расспросы. Отсюда пожарная часть. Достаточно было одного взгляда, и мы помчались обратно к Пьеретте Дуглас.

Другими словами, связав себя алиби с сигаретами, он сделал свою историю неправдоподобной в другом отношении. Зачем ей было нужно посылать его по заведомо ложному адресу в двух шагах от дома? Она могла либо дать ему правильный адрес, либо вообще отказаться давать ему адрес, либо — если она хотела вытянуть из него деньги — дать ему ложный адрес и имя, но такие, чтобы ему пришлось потратить остаток ночи и часть следующего дня, добираясь туда. Таким образом она бы выгадала время. Но он предпочел обезопасить себя от возможного обвинения в убийстве и пожертвовать достоверностью ее поведения. В конце концов, к тому времени уже был прецедент со слепым, и я думаю, он опасался, что во второй раз ему это просто так не сойдет с рук.

Но за исключением этого момента он действовал исключительно точно. Он позволил мальчику-лифтеру услышать, как он разговаривает, обращаясь к пустой комнате, даже ухитрился, уходя, так подтолкнуть дверь, что та медленно закрылась за ним, — со стороны казалось, будто хозяйка закрывает дверь за посетителем.

Я думаю, мне удалось бы поймать его на этом.

Затем Берджесс добавил:

— Но это все же не доказывало, что он убил вашу жену. Так что мне опять пришлось разыграть дурачка. Нужно было заставить его еще раз повторить этот фокус, но на этот раз под вашим руководством, с «жертвой», которую ему подсуем мы, а не с кем-нибудь, кого он отыщет сам, так что мы ничего толком знать не будем и, соответственно, не сможем ничего предпринять.

— Это была ваша идея — использовать Кэрл подобным образом? — проворчал Хендерсон. — Хорошо, что я не знал об этом заранее. Если бы я знал, вы бы не...

— Это была ее идея, а не моя. Я собирался нанять какую-нибудь постороннюю девушку, чтобы она заманила Ломбарда в ловушку. Но она сама решила участвовать. Она как ураган ворвалась в квартиру, где мы организовали наблюдательный пункт, когда следили за ним. Это было в последний вечер, накануне решающего дня. И она решительно заявила, что сама пойдет к нему и сыграет роль приманки — и будь что будет! Она сказала, что пойдет независимо от того, соглашусь я или нет. Черт возьми, я не мог отговорить ее и не мог допустить, чтобы к нему одна за другой явились две девушки. Мне пришлось согласиться. Мы обратились к профессиональному гримеру, который придал ей соответствующий вид, и она отправилась в его контору.

— Подумать только! — возмущенно воскликнула Кэрл, не глядя ни на кого из них. — Я должна была сидеть сложа руки и позволить какой-нибудь девице, нанятой за пару долларов, бездарной игрой испортить все дело! Нам нельзя было совершать ошибки, времени на их исправление уже не оставалось.

— А она так и не появилась? — задумчиво спросил Хендерсон. — Я имею в виду настоящую. Вот что кажется мне самым странным. Кто бы она ни была, она-то сыграла свою игру до конца.

— Самое удивительное, — сказал Берджесс, — что она вовсе не скрывалась, во всяком случае, делала это не намеренно.

Хендерсон и Кэрл слегка вздрогнули и, подавшись вперед, с удивлением взглянули на него:

— Откуда вы знаете? Вы хотите сказать, что в конце концов нашли ее? Узнали, кто она?

— Да, я нашел ее, — просто сказал Берджесс. — Я узнал ее имя уже довольно давно. Несколько месяцев назад. Но я знал, что она вряд ли заговорит.

— Вряд ли заговорит? — выдохнул Хендерсон. — Она умерла?

— Не в том смысле, который вы имеете в виду. Но для нашего дела — да. Ее телесная оболочка жива. Но бедная женщина находится в клинике для неизлечимых психических больных.

Берджесс зачем-то полез в карман и начал перебирать конверты и бумаги, а его собеседники смотрели на него, не в силах вымолвить ни слова.

— Я сам ездил туда, даже несколько раз. Я разговаривал с ней. По ее поведению трудно судить. Она кажется лишь немного вялой, полусонной. Но она не может вспомнить, что было вчера, прошлое для нее скрыто в тумане. Она ничем не могла бы помочь нам, абсолютно ничем. Она не могла давать показаний. Поэтому мне и пришлось скрывать ее и вести свою игру. У нас оставалась единственная возможность: заставить его самого во всем признаться, а для этого надо было найти ей замену.

— И когда она?..

— Ее поместили в клинику через три недели после того вечера. До тех пор у нее иногда бывали улучшения, но потом ее рассудок помутился окончательно.

— А как вам удалось?..

— Это довольно долгая история и сейчас не имеет никакого значения. Один из моих людей обнаружил знаменитую шляпу в дешевом магазинчике. Знаете, из тех, где продают поношенные вещи за несколько центов. Мы проследили путь шляпы шаг за шагом. Какая-то старуха нищенка нашла ее в мусорной корзине и сдала в магазин. Мы заставили ее показать нам эту корзину и затем обошли все ближайšie дома. Это заняло у нее несколько недель. В конце концов мы нашли служанку, которая ее выбросила. Ее хозяйку незадолго до этого отправили в клинику для умалишенных. Я расспросил ее мужа и членов ее семьи. Никто, кроме нее самой, не знал об этом происшествии, но они рассказали мне достаточно, чтобы я убедился: речь идет именно о ней. Время от времени она совершала такие странные поступки. Выходила одна на всю ночь, иногда снимала комнату в каком-нибудь отеле. Однажды ранним утром ее обнаружили на скамейке в парке. Я взял у них эту фотографию. — Он протянул снимок Хендерсону. Снимок женщины.

Хендерсон долго рассматривал его и наконец кивнул, скорее своим мыслям, чем собеседнику.

— Да, — мягко сказал он, — кажется, да.

Вдруг Кэрол решительно забрала у него фотографию.

— Не смотри на нее больше. Она и так сделала тебе достаточно — на всю жизнь хватит. И пусть все так и останется, не нужно тебе помнить о ней. Вот, возьмите вашу фотографию.

— Она нам, конечно, пригодилась, — заметил Берджесс, пряча снимок в карман. — Когда Кэрол готовилась сыграть свою роль в тот вечер. Гримеру удалось придать достаточное сходство. Во всяком случае, достаточное, чтобы обмануть Ломбарда. Он-то видел ее только издали и при вечернем освещении.

— Как ее звали? — спросил Хендерсон.

Кэрол жестом остановила его:

— Нет, не говорите. Я не хочу, чтобы она осталась с нами. Мы начинаем жить заново, нам не нужны призраки.

— Она права, — сказал Берджесс. — С этим покончено. Забудьте ее.

Все трое замолчали, все же продолжая думать о ней, зная, что не забудут ее и до конца дней своих время от времени будут вспоминать. Такие вещи не забываются.

Уже в дверях, когда они уходили и Кэрол держала Хендерсона под руку, тот вдруг обернулся к Берджессу, недоуменно наморщив лоб:

— Но должен же быть во всем этом какой-то смысл. Неужели вы хотите сказать, что мы прошли через все это просто так? Должна быть какая-то мораль.

Берджесс ободряюще похлопал его по спине и подтолкнул к двери.

— Если вам непременно нужна мораль, я вам скажу следующее: никогда не приглашайте незнакомок в театр, если у вас плохая память на лица.

Послесловие

Корнелл Вулрич родился в 1903 г. Брак его родителей распался, когда он был еще ребенком. В возрасте восьми лет мальчик, слушая оперу Дж. Пуччини «Чио-Чио-сан», получил как бы второе напоминание о трагизме жизни, а три года спустя однажды ночью он вдруг полностью осознал, что когда-нибудь и он, как Чио-Чио-сан, должен будет умереть; эта мысль поразила его страхом перед волей судьбы, который не оставлял его до конца дней. Он начал писать художественную прозу в годы учебы в Колумбийском университете, пытаясь воплотить в действительность свою мечту стать вторым Скоттом Фицджеральдом, и его первый роман «Расплата за все» («Cover Charge») о жизни и любви золотой молодежи так называемой эпохи американского джаза, то есть начала двадцатого века, написан в манере его тогдашнего литературного идола. За этим последовали еще пять романов в том же духе, поденная работа в Голливуде, скоропалительный и короткий брак, множество гомосексуальных связей, а затем Вулрич вернулся в Манхэттен. Следующие двадцать пять лет он жил вместе с матерью в часто сменяемых жилых отелях, выходя из дому только в случаях крайней необходимости; он попал в чудовищную ловушку отношений любви-ненависти, и это довлело над его связями с внешним миром, в то время как внутренний мир его произведений отражал в мучительных и сложных сюжетах состояние человека, полностью подчиненного матери.

Начиная с 1934 года и вплоть до своей смерти Вулрич написал множество захватывающих историй, полных тревоги ожидания, отчаяния, утраченной любви и событий, происходящих в мире, которым управляют силы, находящие радость в том, чтобы мучить нас. В 30-е годы Вулрич писал исключительно для дешевых журнальчиков типа «Черной маски» либо «Еженедельного детектива». Его первый роман, открывающий так называемую черную серию и имевший большой успех, «Невеста была в черном» («The Bride Wore Black»), навеян французскими roman noir и film noir⁴. В начале 40-х годов он опубликовал прекрасные романы под собственным именем, а также под псевдонимами Уильям Айриш («Леди-призрак» — «Phantom Lady» и «У последней черты» — «Deadline at Dawn») и Джордж Хопли («У ночи тысяча глаз» — «Night Has a Thousand Eyes»). В течение 40-х и 50-х годов было издано множество сборников коротких рассказов Вулрича как в твердом переплете, так и в бумажных обложках; многие рассказы были переработаны для кино, радио и телевидения. Лучшим из фильмов, созданных на основе произведений Вулрича, вероятно, следует считать «Окно во двор» («Rear Window») А. Хичкока.

Несмотря на ошеломительный финансовый и общественный успех, сугубо личное положение Вулрича оставалось тяжелым, и, когда в 1957 году умерла его мать, он сломался. С тех пор и до собственной смерти в 1968 году он жил один, завершив всего лишь небольшое количество последних «повестей любви и отчаяния», отмеченных, однако, магическим прикосновением таланта, возбуждающим в сердце читателя холодок восторга. Название одного из неоконченных рассказов вообрало в себя всю мрачную философию Вулрича: «Сначала ты мечтаешь, а потом умираешь» («First You Dream, Then You Die»).

Вулрич создавал произведения разного рода, включая квазиполицейские процедурные романы, вещи, полные острой динамики, а также рассказы о таинственном, запредельном, оккультном, но больше всего он известен как мастер повествований внутренне, психологически напряженных, причем напряжение это возникает за счет устрашающей силы отчаяния тех, кто бродит по темным улицам города, и под влиянием ужаса, который таится даже светлым днем в самых обычных местах. Под его пером такие клишированные истории, как острая борьба за избавление невинного человека от электрического стула или поиски теми, кто утратил память, собственного «я», соотнесены с человеческими страданиями. Мир Вулрича — это беспокойное место, где преобладающие эмоции суть одиночество и страх, а преобладающее действие — схватка со временем и смертью, как это происходит в его классических произведениях типа «Три часа» («Three O’Clock») и «Гильотина» («Guillotine»). Наиболее характерные для него детективные

⁴ Черным романом и черным фильмом.

вещи кончаются осознанием, что рациональный порядок событий невозможен, что страх неистребим — он вездесущ.

Типичное для Вулрича место действия — это либо неопрятный отель, либо дешевый дансинг, либо захудалый кинотеатр да еще задняя комната полицейского участка, скрытая от посторонних глаз. В его мире Депрессия есть преобладающая реальность. Вулричу нет равных, когда он переходит к описанию маленького человека в его крошечной квартирке — ни денег, ни работы, голодная жена и дети. Страх пожирает маленького человека, словно раковая опухоль. Если главный герой Вулрича полюбил, то его любимая внезапно исчезает таким путем, что он не только не может ее найти, но даже не уверен, существовала ли она на самом деле. В другой классической для Вулрича ситуации герой может испытать затемнение рассудка под влиянием амнезии, наркотиков или гипноза и в результате мало-помалу приходит к заключению, что совершил убийство или другое преступление, пока был в отключке. Полицейские редко проявляют сочувствие, поскольку они суть земное воплощение верховных сил зла и их первейшая функция — мучить беспомощных. Все, что мы можем противопоставить этому кошмарному миру, сводится к созданию небольших островков любви и доверия, помогающих забыть зло. Однако любовь со временем умирает, и Вулрич наделен выдающимся умением показывать, как жизнь разъедает отношения между людьми. И хотя он часто писал о тех ужасах, которые может спровоцировать как любовь, так и ее отсутствие, в его произведениях немного героев непоправимо дурных и злых, зато каждый из них любит или жаждет любви, или же находится на грани разрушения, распада личности. И Вулрич солидаризируется с каждым, невзирая на то, какие преступления он — или она — в состоянии совершить. С точки зрения техники письма многие его рассказы ужасны, но, как драматург театра абсурда, Вулрич понимал, что внешне бессмысленное изложение наилучшим образом отображает бессмысленный мир. Некоторые из его произведений имеют вполне счастливый конец (обычно благодаря необычным совпадениям), но у Вулрича нет однотипных характеров, и читатель никогда не знает заранее, окажется ли данная конкретная история светлой или мрачной. Это одна из причин большой популярности его произведений.

Вулрич стал Эдгаром По двадцатого века и поэтом его темных призраков. Оказавшись в плену тяжелого психологического окружения, понимая безвыходность собственной ситуации и такой же нелегкой ситуации каждого человека, он принял как данность десятилетия своего одиночества и обратил их на создание тончайших из когда-либо написанных произведений «беспокойной» литературы. Он сам, как Чио-Чио-сан, должен был умереть, но придуманный им мир останется жить.

Библиография произведений

Романы, опубликованные под именем Корнелл Вулрич

The Bride Wore Black
The Black Curtain
Black Alibi
The Black Angel
The Black Path of Fear
Night Has a Thousand Eyes
Rendezvous in Black
Fright
Savage Bride
Death Is My Dancing Partner
The Doom Stone
Into the Night

Романы, опубликованные под псевдонимом Уильям Айриш

Phantom Lady
Deadline at Dawn
Waltz into Darkness
I Married a Dead Man
You'll Never See Me Again
Strangler's Serenade

Сборники рассказов

Nightmare
Violence
Hotel Room
Beyond the Night
The Ten Faces of Cornell Woolrich
The Dark Side of Love
Nightwebs
Angels of Darkness
Darkness at Dawn: Early Suspense Classics

Сборники рассказов, опубликованные под псевдонимом Уильям Айриш

I Wouldn't Be in Your Shoes
After-Dinner Story
If I Should Die Before I Wake
The Dancing Detective
Borrowed Crimes
Dead Man Blues
The Blue Ribbon
Somebody on the Phone
Six Nights Mystery
Eyes That Watch You
Bluebeard's Seventh Wife
The Best of William Irish

Отдельные рассказы

Blonde Beauty Slain

Money Talks

The Poker Player's Wife

Story to Be Whispered

Steps... Coming Near

When Love Turns

Murder after Death

It Only Takes a Minute to Die

Divorce — New York Style

Intent to Kill

New York Blues

Death Between Dances

Произведения, ранее опубликованные в издательстве «Центрполиграф»

Невеста была в черном

У ночи тысяча глаз